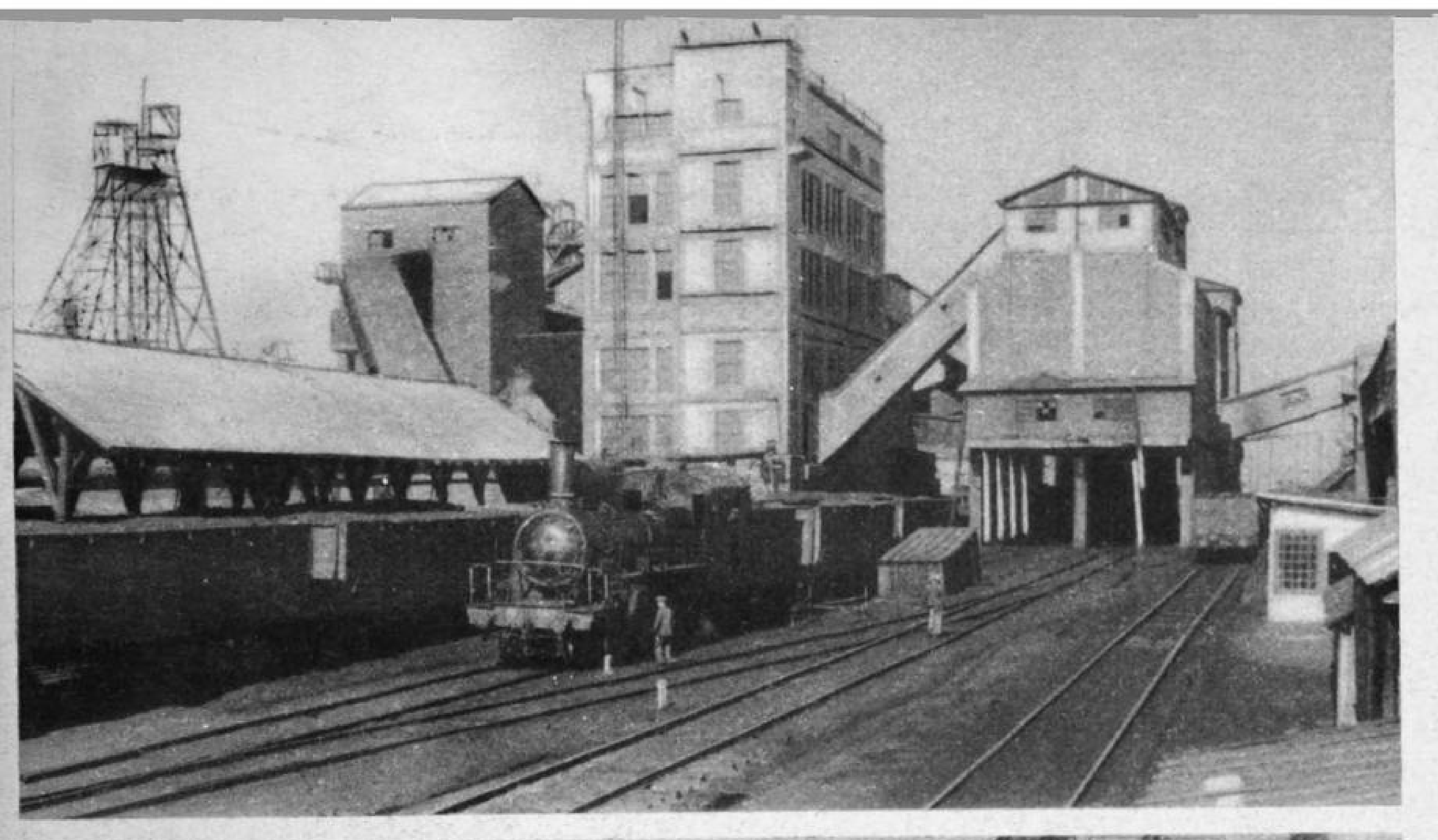

ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НА ШАХТЕ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ-ИРМИНО»

Шахта «Центральная-Ирмино». Здесь в ночь на 31 августа пятнадцать лет назад удар отбойного молотка возвестил начало нового, высшего этапа социалистического соревнования, нового движения, вошедшего, по словам товарища Сталина, «в историю нашего социалистического строительства, как одна из самых славных ее страниц».

Кадиевские горняки умножают славу шахты, ставшей родиной стахановского движения. Опираясь на могучую технику, которой щедро снабжает советская индустрия донецкую сокровищницу угля, коллектив шахты «Центральная-Ирмино» из года в год увеличивает добычу. Став на вахту мира, шахтеры только за август нынешнего года выдали на-гора 800 тонн угля сверх плана. На шахте нет ни одного рабочего, не выполняющего нормы.

Здесь и поныне трудятся прославленные зачинатели стахановского движения. Герой Социалистического Труда П. Е. Синяговский, пятнадцать лет назад установивший один из высочайших рекордов производительности — он вырубил за смену 184 тонны угля,— ныне является начальником участка № 56, самого передового на шахте. В годы Отечественной войны Петр Синяговский отличился как снайпер, уничтожив более 100 фашистов, за что был награжден боевыми орденами. П. Е. Синяговский — депутат Верховного Совета СССР.

Т. К. Борисенко крепил забои за первыми стахановцами. Теперь Борисенко — один из лучших забойщиков, он заслужил звание «Почетный шахтер».

За минувшие годы на шахте выросла достойная смена. Молодые горняки-комсомольцы, верные традициям своих отцов и старших братьев, показывают образцы стахановского труда.

На наших снимках (сверху вниз): шахта «Центральная-Ирмино» имени Сталина; зачинатели стахановского движения (слева направо) Герой Социалистического Труда П. Е. Синяговский, почетный шахтер И. С. Ершков, главный инженер П. Ф. Пушкарев, почетные шахтеры В. Г. Силин и Т. К. Борисенко; молодые горняки-комсомольцы: бригадир проходчиков И. Щиглов, проходчик Н. Кольта и бурильщик А. Довгаль.

Фото А. Мирошниченко (ТАСС)

На первой странице обложки: Один из лучших рабочих-стахановцев 2-го подшипникового завода, Владимир Петрович Егоров.

К фотоочерку «На стахановском заводе».

Фото С. Фридлянда и Е. Умнова

На последней странице обложки: Первый снег.

Фото И. Шагина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 46 (1223) 12 НОЯБРЯ 1950

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва. Празднование 33-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Демонстрация трудящихся 7 ноября 1950 года.
Фото Дм. Бальтерманца.

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК СОВЕТСКОГО НАРОДА

Праздничный день шел по стране вместе с солнцем. Первыми его встретили советские люди на Курильских островах, на Сахалине. Москва еще спала, когда в городах и селах Дальнего Востока уже гремели оркестры и вместе с развернутыми океанским ветром знаменами над колоннами демонстраций взлетали крылатые наши песни.

Шествие праздника от Дальнего Востока, через необъятную Сибирь, через могучий индустриальный Урал неуклонно приближалось к Москве. И вот праздник — в нашей великой столице. Он вошел веселой песней и рокотом двигавшихся на парад танков, песней счастья, мирного труда и гулом военной мощи, охраняющей нашу мирную жизнь.

В это утро мы видели на улице Горького танк, на броне которого лежали яркие осенние цветы, а выглядывавший из башни танкист держал в руках белую астру... Невольно вспомнилось — там, в Берлине, где советский солдат завершил историческую битву за свободу и мир народов, стоит священный и символический памятник нашей победы: изваянный из бронзы советский воин, в одной его руке — опущенный к земле меч, в другой — ребенок, спасенный им для счастья жизни.

Непередаваемо красива и торжественна Красная площадь перед началом парада. Вдоль всего простора площади над верхушками серебристых елей поднимается Кремлевская стена. Над Кремлевским дворцом трепещет, словно летит в осеннем небе, стяг Отчизны.

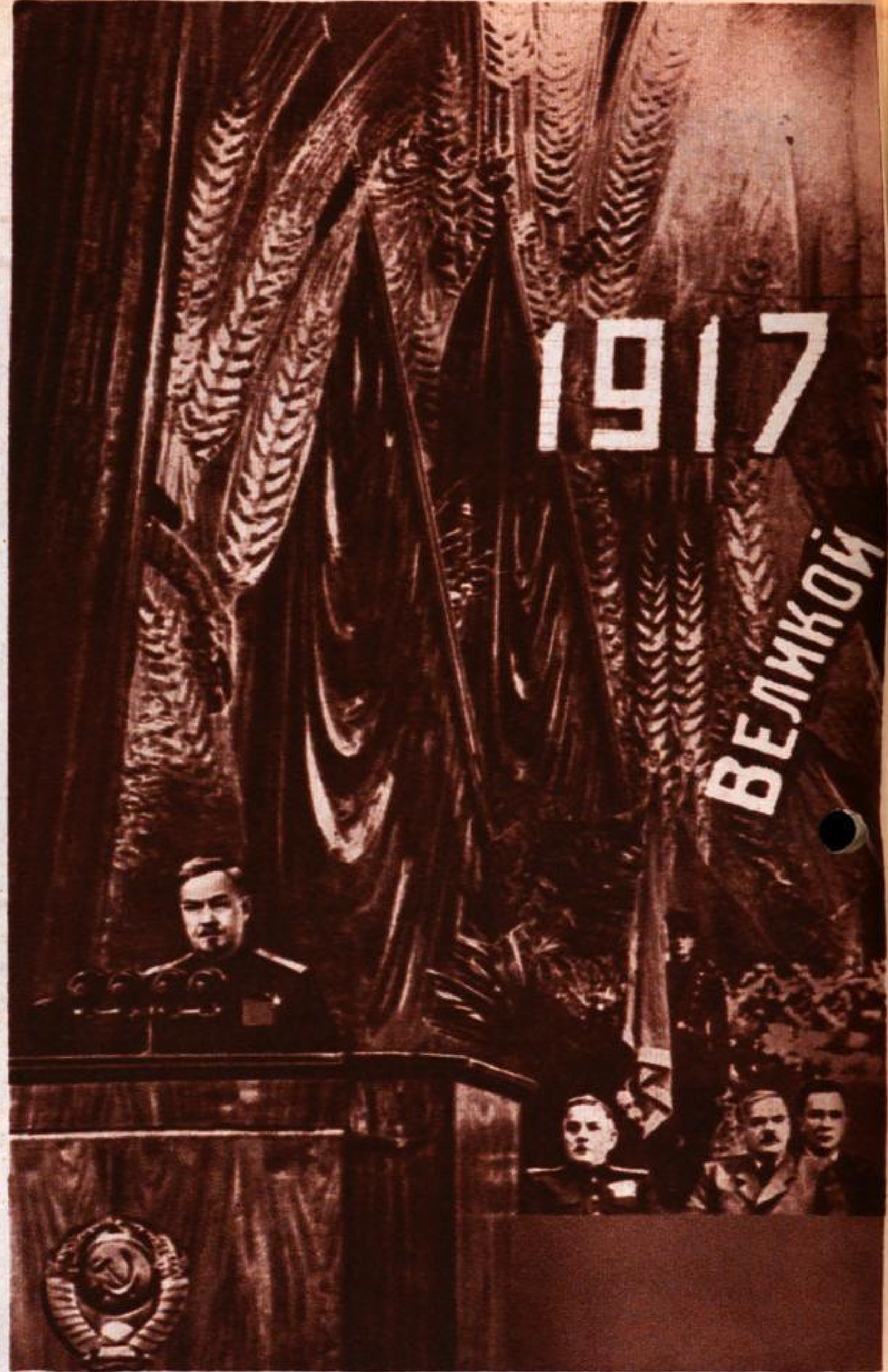
Геометрически точные прямоугольники войсковых колонн заполняют площадь. Впереди колонн чуть колышатся перевитые орденскими лентами алые знамена — священные реликвии нашей воинской славы. На гранитных трибунах по обе стороны мавзолея — знатные люди страны, гости из зарубежных стран. Настает волнующая минута встречи народа с руководителями большевистской партии и советского правительства. Красная площадь неумолчным переплеском аплодисментов приветствует поднимающихся на трибуну мавзолея товарищей В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна, Л. М. Кагановича, Н. А. Булганина, А. А. Андреева, Н. С. Хрущева, А. Н. Косыгина, Н. М. Шверника, М. А. Суслова, П. К. Пономаренко, М. Ф. Шкирятова.

Кремлевские куранты отбивают десять часов. Под их перезвон из ворот Спасской башни на коне золотистой масти выезжает принимающий военный парад Маршал Советского Союза С. М. Буденный. У мавзолея его встречает командующий парадом генерал-полковник П. А. Артемьев; он рапортует Маршалу о готовности войск к параду.

Праздничная Москва ночью.

Фото А. Гостева.

Президиум торжественного заседания Московского Со

Маршал Буденный объезжает построенные войска, поздравляет их с великим Октябрьским праздником.

Поднявшись на трибуну мавзолея, С. М. Буденный произносит речь. Ее слушал весь советский народ, весь мир. Маршал говорил о мирном строительстве в нашей стране, о мире, который необходимо твердо защищать от посягательств поджигателей войны. Это говорил маршал армии, ни один солдат которой не находится сейчас в военном походе. И эта речь звучала над миром в те самые минуты, когда в Корее американские солдаты расстреливают корейских патриотов, а американские летчики бомбят мирные селения.

Мы говорим о мире не потому, что боимся военных угроз. Нет! У нас есть кому и есть чем защитить Отечество от алчной банды захватчиков — любителей чужого добра. Мы говорим о мире потому, что стремление к нему пронизывает всю историю нашего государства.

7 ноября 1950 года во многих крупных центрах нашей Родины состоялись октябрьские парады. Народ провел традиционный смотр своих вооруженных сил, и сердце каждого советского человека преисполнилось гордости за несокрушимую мощь своей Родины, уверенности в том, что дело мира имеет надежную и верную защиту.

Парад на Красной площади в Москве был олицетворением военного могущества сталинского государства. Как всегда, торжественный марш открыли колонны военных академий и училищ; маршировали прославленные советские офицеры — участники нашей исторической Победы, осваивающие сейчас новые высоты советской военной науки.

То и дело по трибунам прокатываются восторженные аплодисменты — Красная площадь приветствует курсантов Московского краснознаменного пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР, созданного по указанию Ленина и Сталина в год Октябрьской революции. Квадрат зеленых фуражек — идут советские пограничники. Им сердечно аплодирует Красная площадь, и радио разносит эти благодарные аплодисменты к далеким пограничным заставам.

Красная площадь улыбается, Красная площадь взволнованно рукоплещет самым юным участникам парада — воспитанникам Калининского суворовского и Рижского нахимовского училищ.

6 ноября 1950 года. Товарищ Н. А. Булганин выступает с докладом о 33-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото Ф. Кислова.

Плывет над площадью алое знамя, осеняя парадную колонну гвардейской стрелковой Таманской краснознаменной ордена Суворова дивизии имени Калинина. Дивизия эта прошла великий и трудный воинский путь.

Дрожала земля от могучей поступи нашей военной техники: четким строем проходили прославленная артиллерия, грозные танки.

В движении парада среди множества славных знамен, впереди одной из артиллерийских колонн, развевалось знамя, в котором людям виделась сама история нашей родной армии... В 1917 году в Питере путиловские рабочие по призыву партии создали артиллерийский дивизион. Дивизион принимал активное участие в защите Страны Советов, и в 1919 году Михаил Иванович Калинин вручил ему высокую награду — знамя ВЦИК. Это знамя и трепетало во главе мощной артиллерийской колонны.

...Еще слышался грохот удалявшихся танков, а на Красную площадь уже устремился поток трудящихся Москвы.

Демонстрацию открыла колонна знатных москвичей. Впереди нес знамя Москвы прославленный на всю страну старший мастер прокатного стана «750» завода «Серп и молот» Иван Ильич Туртанов. Древко знамени перевито ало-золотистой лентой ордена Ленина.

И мгновенно народ заливает всю площадь. Тысячи знамен, как алые паруса, над людским морем. В пламени кумача всплывают протянувшиеся над несколькими колоннами два заветных слова:

— Слава Сталину!

Площадь расцветает веселыми красками весны — марширует колонна из 24 тысяч физкультурников, марширует молодость нашей столицы!

Ликует у стен Кремля победоносная Москва. Тысячи плакатов-рапортов рассказывают о повседневных трудовых подвигах коллективов московских заводов и фабрик.

Идут рабочие «Серпа и молота»:

— Завод за четыре года и десять месяцев дал продукции сверх плана на 100 миллионов рублей!

Идут станкостроители, рабочие «Красного пролетария»:

— Дано 2200 станков сверх пятилетнего плана!

Идут работницы знаменитой Трехгорной мануфактуры:

— Нормы выработки перевыполняют все рабочие комбината!

Да, Москве есть чем гордиться!

Бесконечные колонны демонстрантов рассказывают об очень многом, обо всей многосторонней деятельности москвичей во славу Родины. Но одно общее ощущение пронизывало всю демонстрацию — ощущение счастья мирной жизни и готовности решительно отстоять это счастье.

Об этом торжественно заявляла Красная площадь.

Трудящиеся Октябрьского района несли панно, на котором был воспроизведен один из первых декретов советской власти — декрет о мире. Над колонной Сталинского района плыл громадный плакат со словами: «Мир победит войну!». А над колонной Ленинградского района плакат-требование:

— Мир — миру!

Благодарная любовь народа к своему вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину сердечным теплом согревает весь праздник. Все в нашей стране неразрывно связано с именем Сталина. Это он вместе с Лениным терпеливо и бесстрашно готовил партию к великому Октябрьскому свершению, а когда настал срок восстания, возглавил штурм старого мира. Это он неизменно оказывался там, где в годы гражданской войны возникала самая серьезная опасность для молодой Страны Советов. Это он принял из рук Владимира Ильича священное знамя коммунизма и дал клятву нерушимой верности ленинским заветам. Он свято исполнил клятву: привел нас в мир социализма; в тяжкие годы Великой Отечественной войны с фашизмом он — полководец и солдат народа — спас нашу Родину и привел нас к бессмертной Победе. Это его гений осветил путь к социализму народам многих стран, объединил под ленинским знаменем все передовое человечество. Это он теперь ведет нас в светлый мир коммунизма.

Все наше славное прошлое, радостное настоящее, все наше будущее солнечное счастье — это он, наш родной, горячо любимый Иосиф Виссарионович Сталин!

И в день Октябрьского праздника советский народ на всех языках провозглашал:

— Да здравствует великий Сталин — наше счастье!

На трибуне мавзолея 7 ноября 1950 года. Слева направо: товарищи А. В. Хрулев, П. Ф. Жигарев, Л. А. Говоров, С. М. Штеменко, В. Д. Соколовский, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Н. М. Шверник, В. М. Молотов, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, Н. С. Хрущев, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, М. Ф. Шкирятов, И. Ф. Тевосян, М. Г. Первухин.

Фото Ф. Кислова.

ВОЕННЫЙ ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

На снимке внизу слева: гости праздничной Москвы — представители Китайской народной республики.

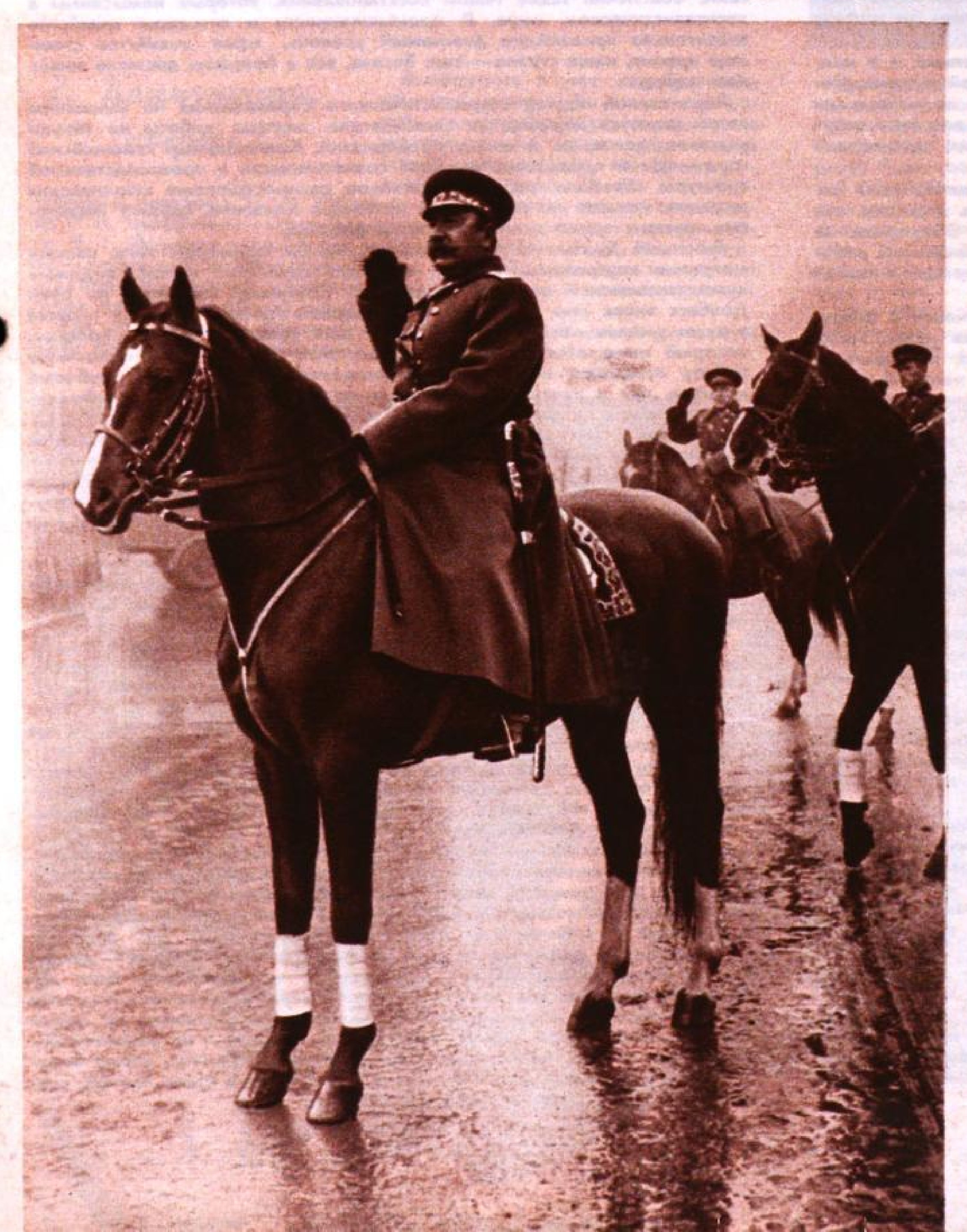
Фото А. Гостева.

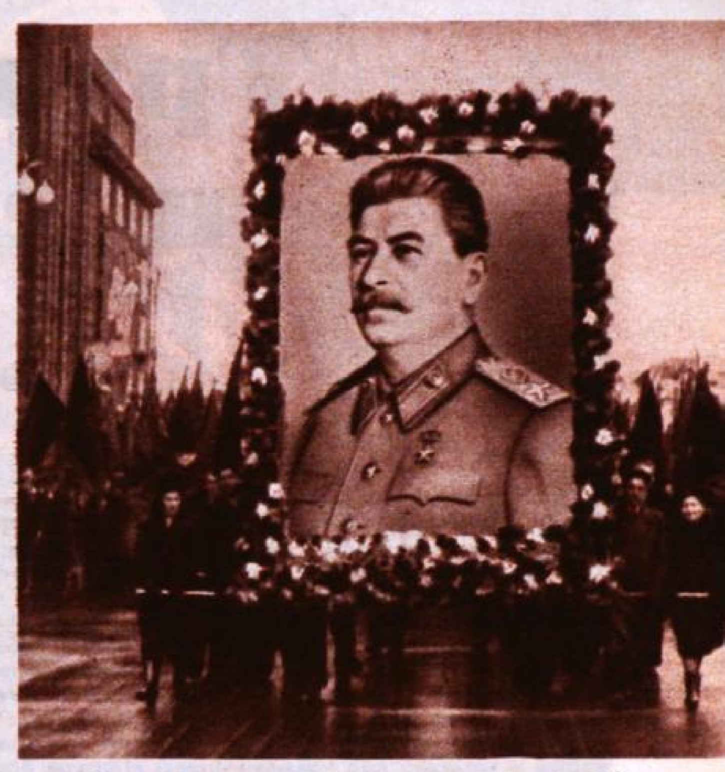

Принимающий парад Маршал Советского Союза С. М. Буденный объезжает войска.
Фото Дм. Бальтерманца.

Киев. Трудящиеся столицы Украинской ССР на демонстрации.
Фото Н. Козловского.

Ленинград. На Дворцовой площади.
Фото Б. Уткина.

Орехово-Зуево. Школьницы на демонстрации.
Фото Г. Липскерова (ТАСС).

Труд свободных и счастливых

К. ПЕТРОВ,
секретарь Брянского райкома КП(б)У города Кадиевки

Пятнадцать лет минуло с тех незабываемых дней, когда три тысячи передовых людей советской промышленности и транспорта собрались в Большом зале Кремлевского дворца. Здесь перед товарищем Сталиным забойщики, машинисты, сталевары, ткачихи отчитывались в своих производственных успехах, говорили о планах на будущее.

Участники совещания жадно впитывали каждое слово, произнесенное руководителями партии и правительства. Мудрые указания нашего гениального вождя товарища Сталина навсегда запечатлелись в сердцах не только тех, кому выпало великое счастье слушать сталинскую речь, но и всех тружеников Советской страны.

Четыре дня длилась проникновенная беседа вождя с народом. Она вошла в историю под наименованием «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев». И ныне, пятнадцать лет спустя, еще отчетливее видишь, что эта встреча ознаменовала новый этап в социалистическом трудовом соревновании, увенчавшемся невиданными успехами индустрии, всего народного хозяйства СССР.

У истоков стахановского движения стоял товарищ Сталин. Еще на заре этого движения он провидел в нем могучую силу в борьбе за победу коммунизма. Памятный удар отбойного молотка на шахте «Центральная-Ирмино» был откликом на призыв вождя, раздавшийся в мае 1935 года, когда на выпуске академиков Красной Армии товарищ Сталин сказал: «Кадры решают все». «Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, в нашей Красной Армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь».

Донецкие шахтеры восприняли эти слова как обращенные и к ним, добывающим уголь для непрерывно растущей советской промышленности. «Разве не в наших силах оседлать технику, разве не можем мы давать втрое и вчетверо больше угля, чем сегодня?» — над этим задумывались рабочие, это составило заботу большевистских организаций «Всесоюзной кочегарки».

Коммунисты и беспартийные на шахте «Центральная-Ирмино» не раз обсуждали речь вождя, вновь и вновь возвращались к мысли, как можно увеличить производительность труда в забое. Обсуждали не только на собраниях, но и в товарищеских беседах, на квартирах рабочих. В конце августа состоялась такая беседа на квартире Алексея Стаханова, тогда лучшего нашего забойщика.

И вот в ночь на 31 августа мы вместе с ним спустились в шахту. Я своей лампочкой освещал забой, где Стаханов рубил уголь. Тогда был поставлен первый рекорд, в дальнейшем не раз перекрытый: 102 тонны за 5 часов 45 минут при норме 7 тонн за 8 часов. Если бы этот рекорд остался единичным, вряд ли история запечатлела б его. Но, по словам товарища Сталина, «спички, брошенной Стахановым и Бусыгиным, оказалось достаточно для того, чтобы все это дело развернулось в пламя».

Через два с половиной месяца, сидя в Большом зале Кремлевского дворца, мы видели, какой могучий отзвук по всей Советской стране породил удар стахановского отбойного молотка.

На этом совещании довелось выступить и мне, партийному организатору шахты. Товарищ Сталин слушал меня, и я чувствовал себя посланцем всего трудового Донбасса, всей героической армии шахтеров, вынесших на своих плечах и тяготы гражданской войны, и трудности восстановления, и нелегкое дело реконструкции. Донецкие горняки всегда были верной опорой партии, они показали свою преданность и на новом этапе, когда вождь обратился с призывом овладеть техникой и оседлать ее.

В январе 1936 года вместе со своими товарищами я получал орден Ленина в присутствии великого Сталина. Иосиф Виссарионович спросил меня, как идет дело. И я с гордостью мог доложить, что наша шахта удвоила добычу угля. Товарищ Сталин похвалил нас и крепко пожал мне руку. Это незабываемые минуты в моей жизни...

Не могу не вспомнить еще одной детали, которая очень важна для всех нас. Во время моего выступления на совещании стахановцев товарищ Сталин спросил меня: «А как работают врубовые машины?» Когда я откровенно сказал, что врубовые машины еще отстают, товарищ Сталин вновь остановил меня репликой: «Вы человек партийный и должны интересоваться всем. Почему отстают врубовые машины?»

Партийный человек должен интересоваться всем — это указание вождя навсегда запало мне в память, не раз напоминал я о нем товарищам коммунистам.

Пророческие слова произнес товарищ Орджоникидзе на совещании: «...сегодня, когда с низов поднялось новое великое движение стахановцев,— это движение, возглавленное товарищем Сталиным, пойдет семимильными шагами вперед!»

И действительно, оно пошло семимильными шагами. Трудовой энтузиазм советских рабочих передался колхозным массам, выросла огромная армия стахановцев полей. Что ни день, то новые вожаки выдвигались в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. На смену одним рекордным показателям приходили другие, еще более высокие. Стахановская инициатива приобретала тем больший размах, чем совершенней становилась техника. А кому не известно, какой блистательный путь совершила советская техника за минувшие годы!

Подлинную революцию произвело стахановское движение в промышленности и сельском хозяйстве, обеспечив невиданный рост экономической мощи нашей Родины.

На заводах и шахтах, на стройках и в колхозах ныне доблестно трудится несколько поколений стахановцев. Мы, «старики», с глубочайшим уважением относимся к молодым кадрам, которые пришли в народное хозяйство за последние годы.

Только в нашей стране оказалось возможным в период неописуемого напряжения сил, когда почти весь цвет народа с оружием в руках решал судьбу Родины на полях сражений, создать такой мощный, несокрушимый тыл. Социалистические методы труда блестяще выдержали испытание, стахановское движение вновь показало себя «наиболее жизненным и непреодолимым движением современности».

С новой силой взметнулась волна социалистического соревнования после победоносного окончания войны. Стахановский труд народа дал возможность в кратчайший срок залечить раны, нанесенные оккупантами, обеспечил такие темпы восстановления, которые немыслимы в капиталистическом мире. В промышленности и сельском хозяйстве значительно превзойден довоенный уровень, наше хозяйство стало еще крепче, наша страна — еще богаче, все в большем достатке живет наш народ.

Характерной чертой социалистического соревнования на нынешнем этапе является переход на стахановские методы работы не только участков, цехов, но и целых предприятий. Коллективный стахановский труд — яркое проявление высокой сознательности и производственной культуры советских рабочих. Массовое распространение стахановских методов, начатое по инициативе инженера Ковалева, сделает передовые приемы труда достоянием всех рабочих.

Донецкие шахты могут служить наглядным примером того, какими могучими внутренними силами обладает советский народ, ведомый коммунистической партией, товарищем Сталиным. Поднятый из руин Донбасс вновь стал крупнейшей кочегаркой страны. Чудесная техника в руках умелых мастеров преобразила весь производственный процесс, который ныне всесторонне механизирован. Переход на цикличную работу открывает новые производственные возможности. Врубовые машины, как и другие совершенные механизмы, ныне стали обыденным явлением на наших шахтах.

Пятнадцать лет назад товарищ Сталин говорил, что «уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда». И это указание вождя успешно осуществляется. Сегодняшний наш рабочий — это человек, имеющий основательное общее и техническое образование, во многих случаях мало чем уступающий инженеру, обогащающий технику своим собственным опытом. Ни одно сколько-либо серьезное усовершенствование в промышленности теперь не обходится без непосредственного участия самих рабочих.

Стахановское движение давно приобрело международное значение. Его популярность перешагнула наши государственные рубежи. Стахановцами называют себя передовые люди труда в странах народной демократии. Наши рабочие охотно делятся «секретами» своих успехов с представителями дружественных народов, вступивших на социалистический путь.

Злостные клеветники из капиталистического лагеря все еще делают вид, что они «не понимают» существа социалистического соревнования. Как это так, твердят они, человек, не побуждаемый конкуренцией, старается работать лучше?!

Да, в их прогнившем мире, где труженик поставлен в положение раба, такое движение невозможно. О каком трудовом энтузиазме может идти речь там, где самый труд служит подлому делу поджигателей войны, стремящихся руками рабочих ковать оружие для уничтожения этих же рабочих и их братьев во всем мире!

Стахановское движение по самому духу своему и смыслу — движение мирное, созидательное, направленное на увеличение благ для человека. Стахановское движение «подготовляет условия для перехода от социализма к коммунизму» (И. Сталин). Стахановец не может не быть сторонником мира, потому что он творец, а не разрушитель. В великом лагере, противостоящем поджигателям войны, знамя борьбы за мир держат в своих надежных руках верные сыны народа, ученики Сталина — советские стахановцы.

НА СТАХАНОВСКОМ ЗАВОДЕ

В. ВИКТОРОВ

Фото С. Фридлянда и Е. Умнова

1. Вклад Ксении Посадской

Ксения Андреевна Посадская, одна из первых стахановок Московского второго подшипникового завода, хорошо помнит тот день, когда на весь мир прозвучали слова товарища Сталина: «Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет вдесятеро больше?» И вот на глазах Ксении Андреевны это завтра осуществилось.

В ноябре прошлого года Посадская вместе с другими рабочими на открытом партийном собрании голосовала за переход всего завода на коллективную стахановскую работу.

Какой это был торжественный момент в жизни заводского коллектива! Ведь подумать только: на заводе каждый рабочий будет стахановцем!

Сотни людей, самых различных по своему характеру, по жизненному опыту, мастерству, были охвачены единым желанием: претворить это решение в жизнь. Много думала об этом и Ксения Андреевна. Чем она может способствовать успеху огромного начинания?

Из года в год Посадская, работая на одном станке, перевыполняла нормы, по праву занимая свое место в почетном стахановском ряду. Но разве этого теперь достаточно? И Ксения Андреевна стала на своем заводе инициатором большого и важного движения. Она взяла на социалистическую сохранность свой станок, на котором работает вот уже семнадцать лет, и предложила всем рабочим сделать то же самое. Метод Посадской получил широчайший отклик среди рабочих и помог значительно сократить простои оборудования.

Таков вклад скромной работницы в общую победу.

2. Коммунисты, вперёд!

Всмотритесь в этот как будто бы обычный снимок. За столом собрались коммунисты первого отделения шлифовального цеха. Мы видим (слева направо) М. И. Клинову — диспетчера цеха, Л. Я. Гохвата — старшего инженера, П. А. Зубареву — председателя цехового комитета, Р. Н. Трофимова — шлифовальщика, И. Д. Соколова — партгрупорга, Д. Т. Ларичева — секретаря цехового партбюро, В. Д. Ксенократова — начальника шлифовального цеха, Я. И. Мирушкина — начальника отделения внутренней шлифовки и В. И. Сарычева — начальника отделения плоской и круглой шлифовки.

Для чего собрались коммунисты за этим столом? Какие вопросы волнуют их? О чем рассказывает им старший инженер?

Партгруппа обсуждает очень важное новшество, которое должно намного увеличить производительность шлифовальных станков.

В те памятные дни, когда усилия всего заводского коллектива были направлены на то, чтобы сделать свое предприятие стахановским, в цехах были созданы партийные группы.

В борьбе за стахановское предприятие коммунисты повели за собой всех рабочих, они показывали примеры высококультурного труда, образцы творческой инициативы, они вникали во все детали производства. И партийные группы стали как бы творческими штабами, где всегда думают об одном: что нужно сделать для того, чтобы работать еще лучше.

Уже пять месяцев Второй подшипниковый завод живет в новом ритме. Но так же, как и в дни перехода на коллективный стахановский труд, звучит испытанный во всех битвах призыв: «Коммунисты, вперед!»

3. Вот стахановский цех

На открытом партийном собрании один из рабочих спросил директора завода И. Г. Бахвалова: «А что нужно сделать, чтобы завод стал стахановским?»

Директор ответил: «Стахановский завод выполняет задания точно по номенклатуре. Работает равномерно по графику, непрерывно совершенствует технику, наращивает производственную мощность. Каждый рабочий такого завода успешно выполняет и перевыполняет установленные нормы, непрерывно повышает свои знания. Вот к чему нам надо стремиться».

Да, это были серьезные задачи, но именно значительность цели и вдохновляла людей. «Как же мы сильны, если нам по плечу такие задачи,— думали они,— если весь завод мы можем сделать стахановским!»

Обязательство, взятое в ноябре, было выполнено уже в июне 1950 года. К этому времени каждый рабочий подшипникового завода стал стахановцем, и 4 августа на совместном заседании коллегии Министерства автомобильной и тракторной промышленности и ЦК профсоюза Московскому второму подшипниковому заводу было присвоено звание предприятия коллективной стахановской работы.

На этих снимках вы видите один из стахановских цехов стахановского завода.

Он называется отделением повышенной точности. Здесь все говорит о высокой культуре труда: сверкающие чистотой, покрытые серебристой краской станки, белоснежные халаты рабочих.

В подшипниковой промышленности существует десять классов точности.

В этом цехе обработка деталей производится в пределах высшего, первого класса. Скрупулезной тщательности требует такая работа; и все же задания выполняются точно по номенклатуре, работа идет строго по графику, непрерывно совершенствуется техника, во много раз перевыполняются нормы. В этом цехе, как и везде на заводе, все стахановцы.

→

4. Содружество

Содружество рабочих с инженерами и учеными — одна из обязательных черт предприятия коллективной стахановской работы. На втором подшипниковом заводе техническая интеллигенция работает в тесном контакте с рабочими.

Старший инженер автоматно-токарного цеха М. М. Шереметьев совместно со старшим технологом технического отдела А. Н. Комаровой, начальником автоматно-токарного цеха И. З. Гиндиным и начальником отдела автоматов А. Н. Уткиным создал новый метод обработки колец. Этот метод позволил сократить процесс обработки с пяти операций до двух.

С помощью лучших стахановцев цеха передовой метод был быстро внедрен в практику. Творческая инициатива на этом не замерла. Продолжались неустанные поиски. Теперь автоматно-токарный цех переводится на скоростной режим, что позволит еще эффективнее использовать производственные мощности. Над этим дружно трудятся мастер Василий Александрович Беляев и старший инженер Михаил Михайлович Шереметьев.

5. Одна из семидесяти

Когда завод начал переход на коллективный стахановский труд, семьдесят рабочих еще не выполняли норм.

Мария Елманова была одной из семидесяти.

Эта девушка только в начале прошлого года приехала в Москву из колхоза «Красный рассвет». Когда она вошла в грохочущий шариковый цех, когда увидела пышащие жаром прессы, она невольно отступила назад. «Как же здесь можно работать?» — подумала девушка. Но тут же к ней подошел худощавый усатый старик — Макар Илларионович Кочетыгов, наладчик горячих прессов, один из старейших и прославленных мастеров завода.

За двадцать два года своей трудовой деятельности на заводе Макар Илларионович обучил высокопроизводительной работе десятки людей. Он показал Марусе все приемы штамповки и воспитал из робкого новичка передовую стахановку. И теперь, когда Мария Елманова стала лучшей прессовщицей, продолжается ее дружба со старым учителем.

→

В. А. Беляев переводит станок на скоростной режим. Слева: старший инженер М. М. Шереметьев.

Внизу: лучшая прессовщица М. В. Елманова и ее учитель М. И. Кочетыгов в заводском кафе.

6. *Стахановский авангард*

Мария Кожевникова появилась на Подшипниковом заводе в 1935 году. В ее расчетной книжке в графе «специальность» стояло тогда: «Чернорабочая»...

Теперь Мария Андреевна Кожевникова — знатный человек Советской страны. В годы войны по ее инициативе на сотнях различных предприятий станочники отказались от услуг наладчиков. Лауреат Сталинской премии Мария Андреевна Кожевникова идет в авангарде стахановского движения. Среди воспитанников сменного мастера автоматно-токарного цеха Кожевниковой можно встретить тех, кого на заводе почтительно называют двухсотниками.

Новую задачу поставили перед собой рабочие Подшипникового завода: добиться того, чтобы каждый выполнял свою норму не менее чем на 200 процентов. Уже сегодня вы можете увидеть двухсотников на всех участках.

Среди прочих отличительных качеств стахановского предприятия есть еще одна прекрасная черта: не останавливаться на достигнутом, непрерывно двигаться вперед. Люди ищут все новых и новых путей. К таким людям принадлежит и Владимир Петрович Егоров, портрет которого мы помещаем в этом номере на обложке. Строгальщик Егоров, работая на двух станках, в три раза перевыполняет норму.

НЕОБОЗРИМЫЕ ДАЛИ

Павел БЫКОВ,
лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР

Комплексная творческая бригада Московского завода шлифовальных станков. Слева направо: токарь П. Б. Быков, технолог А. П. Калугин и старший мастер Н. Х. Шишков.

Эти строки пишутся накануне отъезда в Румынию. Заранее представляю себе удивление носильщика, который возьмет мой чемодан для погрузки на самолет: он очень тяжелый. В нем драгоценный груз — резцы! Проходные, подрезные, расточные — полный боевой комплект стахановского инструмента.

Я еду с профсоюзной делегацией по приглашению Румынской конфедерации труда передать свой опыт румынским рабочим. В составе делегации врубовый машинист Подмосковья Герой Социалистического Труда И. А. Филимонов, лауреат Сталинской премии знаменитый водитель паровоза В. Г. Блаженов, купавинская ткачиха Л. Ф. Кононенко, известный каменщик В. В. Королев, уральский мастер турбинного бурения нефтяных скважин М. Я. Никишин.

Мы представляем шесть различных профессий, каждый из нас имеет свой маршрут. Еще точно не знаю, на каких предприятиях мне придется побывать, но в городе Сталин, бывшем Брашове, буду непременно. Здесь надеюсь встретить своего ученика токаря Юлиу Геренди. Впервые мы познакомились с Геренди в Москве. Теперь он стал передовиком скоростного резания в Румынии, и я с удовольствием посмотрю его работу.

Это не первая моя поездка в страны народной демократии. В прошлом году я был в Венгрии на разных заводах, в частности на «Красном Чепеле».

При встрече на «Красном Чепеле» старый венгерский токарь не поверил, что я рабочий. Старик наслышался англо-американских радиопередач о том, что стахановцев якобы нет и в природе, а есть в Москве несколько специально обученных агитаторов, которые разъезжают по странам народной демократии с «пропагандистскими» целями.

Старик попросил показать ему руки. Я предпочел показать мою работу. Я немного «прогнал» совершенно неизвестный мне станок и перевел его на предельное число оборотов шпинделя — 1400. Раскаленная стружка шрапнелью вылетала из-под дрожавшего от напряжения резца. За несколько минут была выточена деталь; старик тратил на это часы. С восторгом разглядывая мою, московскую работу, он всячески извинялся передо мной и проклинал лондонских и нью-йоркских брехунов.

Теперь я получаю из Венгрии письма, в которых мои ученики сообщают о своих успехах. Особенно выделяется среди них токарь Имре Муска, выполняющий ежедневно 3—4 нормы. Он возглавляет движение скоростников в Венгрии. О нем пишут в газетах, выпускают технические брошюры, посвященные его работе, показывают на экране его методы.

Не я один испытываю чувство морального удовлетворения, читая письма от друзей-последователей в странах народной демократии. Московский каменщик Федос Шавлюгин имеет прекрасного ученика — венгра Золтана Пожони, удостоенного за освоение советского скоростного метода кладки кирпича национальной премии имени Кошута.

Говорю о венгерских стахановцах потому, что лично их знаю. Но попросите Генриха Борткевича, Александра Чутких, Николая Российского, Виктора Блаженова, других наших новаторов техники — и они покажут сотни благодарственных писем и подробнейших запросов от инженеров, ученых и рабочих из дружественных нам стран. На огромном пространстве земли — от Праги до Пекина — торжествует наша прогрессивная техническая мысль. Чтобы построить социализм, надо работать по-советски! — вот лозунг миллионов трудовых людей, сбросивших с себя кандалы капитализма. Советский стиль творчества с необычайной быстротой проникает во все поры жизни стран народной демократии.

Жадно подхватывают в братских странах все хорошее, что возникает у нас. Непереводимое на другие языки слово «стахановец» стало близким и понятным словом у многих народов, превратилось в международное, как и слово «колхоз».

На нас смотрит весь мир. Было время — теперь уже далекое прошлое,— когда люди ездили за знаниями в Берлин, Рим, Париж, Лондон. Теперь всемирным светочем знаний, всемирным творческим центром стала наша Москва. Пример новаторов советской промышленности, транспорта и сельского хозяйства подхватывается во многих странах Восточной Европы. Вот чем стало самое передовое движение современности — стахановское!

Горжусь этим и с улыбкой вспоминаю о скептиках, которые когда-то критически относились к нашим производственным рекордам, видя в них лишь шумиху. Для нас, стахановцев, рекорд никогда не был самоцелью. Лично я всегда смотрел на рекорды скоростного резания металла, как на боевую разведку технических возможностей, захват новых плацдармов в технологии.

Если токарь режет на больших скоростях, можно с уверенностью сказать, что станок его в безупречном состоянии, что токарь отлично владеет технологией, умеет с наибольшей выгодой расчленять работу на операции. Словом, чем выше скорость, тем выше производственная культура.

В 1936 году я резал металл со скоростью 100 метров в минуту (тогда эта цифра ошеломляла меня самого), в этом году — со скоростью 2300 метров в минуту — 138 километров в час! На такой скорости мчится гоночный автомобиль, и у водителя захватывает дыхание. Мой новый универсальный токарный станок марки «Красный пролетарий», вращающий с фантастической быстротой шпиндель, идеально надежен. Я уже заканчиваю тридцатую годовую норму в послевоенной пятилетке. Именно стахановские скорости и родили этот токарный станок изумительных качеств.

Своими мыслями и творческими находками стахановцы-рабочие побудили инженеров создать токарные, фрезерные, карусельные, расточные и другие станки принципиально нового типа, машины стахановской производительности.

В советской промышленности сегодня на скоростных режимах работают десятки тысяч людей. Они повысили производительность станков и другого оборудования по крайней мере в 3—5 раз. Но мы хотим и добьемся большего. Нужно, чтобы каждый наш рабочий был скоростником. Скоростники — металлисты, металлурги, бурильщики нефтяных скважин... Вкус к творчеству надо привить всем. И в этом прежде всего патриотический долг всех новаторов производства. Но как лучше всего практически это сделать? Вот мысль, которая беспокоит стахановцев.

На нашем заводе, производящем шлифовальные станки, происходит непрерывная смена конструкций. Одна серия следует за другой, меняются детали, меняются технологические операции. Всякий раз приходится почти заново искать наиболее разумные решения, отбрасывая операции, которые вчера вполне годились для обработки деталей, а сегодня нас уже мало устраивают.

Мне кажется, что мы нашли правильный путь. Я имею в виду творческие комплексные бригады, созданные на нашем заводе. Почин положила бригада, в которую вошли мой старый друг технолог Александр Калугин, мастер Наум Шишков и я. Скажу кратко, в чем суть нашего метода. Прежде чем поставить на обработку новую деталь, мы коллективно обдумываем, советуемся со всеми рабочими нашего отделения, как лучше ее изготовить. Так совместными усилиями рождается наиболее рациональное решение, которое потом узаконяет чертеж. Вместе с нарядом и инструментом рабочий получает подробные технологические указания.

Творческие комплексные бригады дают огромный выигрыш. Например, за три месяца три такие бригады в нашем цехе сберегли столько металла, инструмента, электроэнергии и труда, что завод за счет этой экономии выпустит дополнительно к плану 12 сложных шлифовальных станков. Это материальная сторона вопроса. Но есть другая сторона, не менее важная. В коллективное творчество вовлечены даже самые упорные «молчальники», которые прежде стеснялись что-либо предлагать на производственных совещаниях или просто работали, не очень задумываясь над новым.

Завершается послевоенный пятилетний план. Впереди новая пятилетка, еще более величественная, смелая и сложная по своим задачам. Открываются новые необозримые дали для творчества стахановцев!

НАКАНУНЕ КОНГРЕССА В ШЕФФИЛДЕ

Профессор Дж. БЕРНАЛ,
вице-председатель Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира

Великая борьба человечества за мир развернулась как раз во-время. После Парижского конгресса прошло восемнадцать месяцев, и каждый из них был окрашен в мрачный цвет угрозы войны. Сейчас опасность еще более возросла. Война со всеми ее ужасами свирепствует в Корее. Корейцев, борющихся за свое священное право быть свободными, вновь хотят загнать силой в рабство, беспощадно истребляют с помощью усовершенствованного оружия, которым империалисты снабдили свои войска.

Демократические государства и в первую голову Советский Союз с величайшим терпением и выдержкой борются за то, чтобы эта война не превратилась во всемирное побоище, чтобы не были развязаны страшные силы всеобщего разрушения. Капиталисты используют войну в Корее, ими же начатую, для «оправдания» сумасшедшей гонки вооружений и еще большего завинчивания тяжелого пресса налогов. В странах, где правят империалисты, научная работа все больше концентрируется на производстве оружия для массового истребления людей — атомных и водородных бомб, отравляющих радиоактивных веществ, средств бактериологической войны. Над всем, что с такими большими надеждами люди начали возрождать из развалин второй мировой войны, — заводами, полями, больницами, школами — нависает новая угроза уничтожения.

Те, кто надеется задержать общественный прогресс, ввергнув человечество в новую войну, открыто идут по следам Гитлера, насаждая самую жестокую политическую реакцию. В Австралии, Южной Африке, Латинской Америке, а сейчас и в Соединенных Штатах принимаются репрессивные законы не только против коммунистов, но и против всякого честного человека, борющегося за мир или даже только думающего о мире. Меньшинство, которое рвется к войне, хочет запутать и запугать народы призраком «неизбежности» войны. И наряду с этим сеются ядовитые семена военной истерии, все чаще раздаются призывы к «превентивной» войне.

Люди вроде Мэттьюза, который до сих пор занимает пост морского министра Соединенных Штатов, призывают «дополнить» сотрудничество в интересах мира... агрессивной войной против Советского Союза. Правящие американские круги, разумеется, хотят прикрыть эту губительную политику хотя бы тенью «законности». Поэтому они и стараются взорвать Устав Организации Объединенных Наций, «приручить» Совет Безопасности, подчинив его покорно голосующей машине Генеральной Ассамблеи.

Но вся эта, на вид гигантская и оглушительная, кампания в пользу войны во многом напоминает надутый пузырь: в ее основе лежит страх — страх перед народом, страх перед тем фактом, что движение за мир крепнет с каждым днем. Уже прошло то время, когда деятельность борцов за мир высокомерно замалчивалась лагерем войны. Теперь — и это непреложный факт — против движения сторонников мира мобилизуется вся тяжелая артиллерия реакционной пропаганды; это движение рассматривается даже ослепленными бешенством реакционерами как крупнейшая политическая сила на международной арене. Теперь уже нельзя скрыть или замолчать движение сторонников мира.

Советский человек живет в стране, которая построила и отстояла социализм. Ему иногда непонятно, почему в таких странах, как Англия и Соединенные Штаты, не удается сразу объединить большинство населения вокруг простых и человечных требований, изложенных в Стокгольмском Воззвании.

Мы, англичане, долго жили под властью лицемерия и обмана, и это привело к тому, что большие группы британского народа привыкли терпеть своих правителей в покорном убеждении, что правительство всегда исходит из «высших мотивов». Не приходится поэтому удивляться, что английский народ, в том числе и часть английских рабочих, находится в заблуждении по поводу политики правительства, которая на деле ведет к войне. Обнадеживает тот факт, что, вопреки бешеной кампании клеветы и дезинформации, вопреки спекуляции на «лойяльности» к лейбористской партии, в Англии собрано более миллиона подписей под Воззванием и все новые подписи приходят непрерывным потоком. Нет сомнения, что еще миллионы англичан готовы присоединиться к Воззванию, но не делают этого из привычной, плохо понятой «лойяльности».

Профессор Дж. Бернал (справа) на заседании Бюро Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

На конгрессе тред-юнионов за резолюции, в которых проводятся те же идеи, что и в Стокгольмском Воззвании, было подано, несмотря на давление тред-юнионистского руководства, более двух миллионов голосов. Около миллиона членов лейбористской партии высказалось в том же духе на ее конференции летом этого года. Но и эти цифры не выражают полностью всей силы тяготения к миру британского рабочего класса. Свободное голосование дало бы намного миллионов голосов больше.

Многие из тех, кто в Англии не присоединился к Стокгольмскому Воззванию, оправдываются тем, что Воззвание якобы не является всеобъемлющим. Некоторые, например, указывают, что оно не включает требования запретить бактериологическую войну. В этом своем непонимании существа вопроса многие англичане очень искренни. Обращение Пражской сессии Бюро Постоянного комитета дает ответ на эти заблуждения, заявляя с полной определенностью, что движение сторонников мира направлено не только против атомной бомбы, а против агрессивной войны во всех ее формах.

Решение провести второй Всемирный конгресс сторонников мира в британском городе Шеффилде имеет, несомненно, большое значение. Английское правительство в достаточной мере выявило свое недоброжелательство по отношению к движению за мир. Несомненно, что оно намерено любыми способами помешать его развитию. Но оно было вынуждено разрешить проведение конгресса в Англии, и это само по себе есть победа сторонников мира. Рабочие, домохозяйки, интеллигенция, молодежь Англии смогут воочию убедиться во время конгресса, что их братья и коллеги в других странах твердо решили сбросить со своих плеч груз страха и бремя военных расходов и что они хотят добиться прочного мира наперекор политике атомной угрозы. Живые делегаты конгресса могут сделать в этом направлении больше, чем печатная пропаганда.

Шеффилд — это крупный центр организованного рабочего класса Англии. Он имеет столетнюю традицию города металлистов. Его можно было бы назвать английской Тулой.

Рабочие Шеффилда лишились домов: центр города был разрушен авиацией немецких фашистов. Начавшееся было восстановление прекратилось с того момента, как в Англии вновь началась горячка вооружений. Шеффилд лежит в индустриальном сердце Англии. Вокруг него простираются большие угольные и текстильные районы Йоркшира и Ланкашира.

Движение сторонников мира особенно успешно развивается именно в этих районах. В самом Шеффилде, несмотря на травлю в газетах и сопротивление местных консерваторов, лейбористская организация города настойчиво добивалась и добилась того, что Конгресс будет происходить в зале мэрии. Делегаты Конгресса будут пользоваться гостеприимством простых людей Англии и смогут увидеть подлинное лицо английского народа.

Огромный успех движения сторонников мира в СССР — лучшее для английского народа доказательство, насколько лживы и бесчестны крики английской печати о том, будто Советский Союз пропагандирует мир, чтобы «готовить войну». Как известно, во многих западных странах те, кто желает мира, попадают нередко в тюрьму. Иная картина в Советском Союзе: там преступником будет объявлен тот, кто станет проповедовать новую войну. Открыто выраженное стремление советского правительства к миру полностью сливается с волей к миру, заявленной советским народом при подписании Стокгольмского Воззвания. И это величайшая гарантия для всех народов, что мир удастся отстоять.

Перед Конгрессом мира в Шеффилде стоят большие и неотложные задачи. Конгресс скажет свое слово, опираясь на великий опыт и успехи кампании по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием. Она показала, насколько единодушны народы мира в главном — в осуждении поджигателей войны и их преступного оружия — атомной бомбы.

Империалисты продолжают безумную гонку атомных вооружений. Они планируют изготовление еще более разрушительного оружия. Это зовет народы, всех, кто хочет мира на земле, к еще более сплоченной и решительной борьбе. Движение за мир должно вобрать в себя всех тех, кто инстинктивно хочет мира, но поддается чувству безнадежности перед лицом возмутительной пропаганды «неизбежности» войны. В лагерь борцов за мир должны войти и те, кто терпел до сих пор политику Северо-атлантического пакта, будучи обманут его лицемерной «мирной» вывеской.

Второй Всемирный конгресс сторонников мира положит начало новому мощному взлету борьбы человечества против войны, которую готовят империалисты. Силы мира принудят поджигателей войны к отступлению.

От имени молодых

(Мысли делегата Второго Всемирного конгресса сторонников мира)

Алексей МАРЕСЬЕВ,
Герой Советского Союза

В прошлом году в апреле мы вернулись из Парижа, с Первого Всемирного конгресса сторонников мира. Был самый канун 1 Мая. Москва одевалась в праздничный наряд. По улицам ходили в легких платьях смеющиеся девушки, в киосках продавали первые весенние цветы.

Мне вспомнилась весна в Париже. Девушки, дарившие цветы делегатам конгресса. Радость встреч с рабочими парижских предместий. Горячие речи на митингах, где слово «мир» звучало, как призыв к борьбе.

Весь мир, как никогда, жил этим словом. Из зала Плейель оно прокатилось весенней грозой по странам Востока и Запада, донеслось до самых далеких окраин Африки и освежило воздух по всей земле. И это слово, как надежду всего человечества, разносили прежде всего делегаты конгресса.

Москва встретила нас радостным шумом предпраздничных улиц. Для нее слово «мир» было простым, таким же, как слова «работа», «учеба», «строительство». Наутро город кипел знаменами и плакатами, на которых опять шла речь о труде, учебе и мире. Ни о чем другом советские люди не думали, ни в какие военные походы они не собирались.

И я, ветеран войны, произносивший в Париже речи в защиту мира, вернулся к экзаменам по философии, к четырехлетнему сыну Витьке.

И вот снова праздник. Москва опять одевается в красное. Сегодня принесли газету с Призывами ЦК ВКП(б) к 33-й годовщине Великого Октября. ЦК нашей партии шлет братский привет всем народам, борющимся за мир и свободу; шлет привет китайскому и корейскому народам, один из которых уже завоевал свободу и независимость, другой же защищает их, истекая кровью и жертвуя жизнью своих лучших сынов. ЦК нашей партии приветствует дружбу народов Соединенных Штатов Америки, Англии и нашей, Советской страны в их общей борьбе за мир, против поджигателей войны.

Лозунги мира! Тридцать три года не сходят они с наших знамен. Тридцать три года моя страна грудью стоит на защите покоя народов. Труд и мир — вот все, чем мы живем и в будни и в праздники.

Москва посылает своих делегатов на Второй Всемирный конгресс сторонников мира. Мы едем теперь не в весенний Париж, а в сумрачный Шеффилд. И я вновь думаю, что мне сказать, чтобы это было понятно и близко всем простым людям, до которых дойдет мое слово.

В той же газете сегодня есть сообщение: рабочие Австрии установили у себя на заводах почтовые ящики для сбора предложений своим делегатам. Я подумал: «А что, если и мне повесить такой ящик у себя на дверях? Что предложили бы мне мои соседи, мои соотечественники?»

В самом деле! Если бы можно было собрать воедино все мысли и чувства наших советских людей! Мысли отцов, побывавших на фронте и испытавших всю тяжесть войны. Чувства вдов, матерей, потерявших сыновей. Думы наших рабочих, воссоздавших на месте развалин заводы; наших крестьян, поднявших из пепла деревни и села. К чему бы свелись желанья этих людей?

Или если бы можно было выразить все мечты наших девушек, стремящихся к счастью, надежды юношей, выросших после войны, всю радость детишек, к которым вернулись опять тишина и покой. Какими словами это все передать?

Или если спросить учителя: что он хочет от конгресса сторонников мира? Писателя, живущего со мной рядом, в шестом подъезде; агронома из колхоза, доярку. Что они скажут?

Я подумал: «Наверно, сосед мой, писатель, живет той же мечтой, что и венский кондитер, что и рабочий предместья Иври, с которым мне пришлось повстречаться в Париже, что и молодой берлинский рабочий, выступавший при мне на слете молодых сторонников мира Германии. Мечта ведь у всех одна: отстоять дело мира, преградить дорогу новой войне!

Я говорю о мечте. Но это не только мечта. Это твердая воля всех честных людей во всем мире.

В Берлине есть «граница» между Западом и Востоком. Она проходит возле Бранденбургских ворот. Она невидима, но ее чувствуешь, потому что она делит город на два непохожих мира. В одном мире — жизнь, в другом — вроде пустыни: есть ли там жизнь, не поймешь.

На таких два мира американцы стремятся разделить всю Германию. Но я видел, как ожила американская «пустыня», когда в том же Берлине раздался призыв к миру и единству. Этот призыв бросила молодежь. На западе Германии на него откликнулись многие. Тридцать тысяч немецких юношей и девушек пришли оттуда в Берлин, пробиваясь сквозь американские военные заставы.

В руках моих было знамя, которое один из этих юношей пронес на себе, обернув его вокруг тела, для того, чтобы передать его нам, делегатам Советской России. Это было простое пионерское знамя, захваченное гитлеровцами в одной из кубанских станиц. Гитлеровцы везли его домой как военный трофей. Но там оно превратилось в оружие против войны. Кто-то хранил его как символ мира и, как этот символ, переносил через все американские пикеты на границе войны и мира. Долго ли может продержаться такая граница?

Один из лучших производственников Московского завода «Динамо» имени С. М. Кирова слесарь-сборщик крановых моторов В. М. Кудрявцев, выполняющий более двух норм в смену при отличном качестве продукции.

Фото В. Зунина (ТАСС)

Войны не хотят ни юные, ни взрослые немцы. Я видел, с какой жадностью ловили наши слова о мире жители Лейпцига, как тепло воспринимали они выступления наших советских спортсменов, приехавших туда для дружеских встреч. Под крышей вокзала, где шел митинг, собралось много бывших немецких солдат. Солдату солдата узнать нетрудно. Я по облику видел, что это солдаты, и по тому, как теплели у них глаза при слове «мир» и как тускнели они, когда кто-нибудь вспоминал о войне. Эти двенадцать тысяч жителей Лейпцига, которые сошлись у вокзала, уж, конечно, не были сторонниками войны.

Осенью прошлого года проходил конгресс молодых защитников мира в Будапеште. Туда съехалась молодежь из всех буржуазных и демократических стран. О чем шла речь на этом конгрессе? О том, что именно молодежь должна прежде всего преградить дорогу войне.

И это правда! Никому война не грозит такими невозвратимыми потерями, как молодости. Все, чем живет юность, все, что дает ей и радость и счастье жизни, война обрекает на смерть и уничтожение. Мне можно поверить, Я видел войну своими глазами и многим пожертвовал ей.

Вот почему и в зале Плейель, и в Берлине, и в Будапеште я обращался с призывом к молодежи: «Боритесь против войны! Ваша юность нужна для юности мира!»

Мне уже тридцать с небольшим лет. Но в нашей стране это возраст молодости, потому что в нас не могут увянуть ни свежесть чувств, ни юность желаний, ни страстное стремление человека отдать себя на великое дело служения Родине. «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы»,—говорил поэт. И мы, посвящая себя Отчизне, находим в этом источник неиссякаемой молодости.

От имени молодых борцов за мир хотелось бы мне сказать свое слово и в Шеффилде: «Спасение — в нашей борьбе! Остановить войну может добрая воля миллионов простых людей, которые скажут войне свое решительное «нет»!».

Теперь есть кому это сказать. От прошлогодних апрельских дней в Париже до ноябрьских в Шеффилде многое изменилось в мире в пользу борцов за мир. Восемьдесят или более стран шлют своих делегатов в Шеффилд. Пятьсот миллионов людей высказались против войны. И выскажется еще столько же, потому что война вызывает ненависть в каждом. Делегаты в зале Плейель свое дело сделали. Делегаты в Шеффилде сделают вдвое больше.

За тысячи километров от Москвы, в Корее, идут бои. Льется кровь невинных людей, рушатся жилища, горят города. Это надо остановить! Сторонники мира, этому надо положить конец!

Я собираюсь в Шеффилд, но думаю о Корее. Наверно, думают о ней и рабочие Австрии, когда кладут свои предложения в почтовый ящик конгресса сторонников мира. И мой сосед — писатель, и токарь в предместье Парижа Иври — все мы думаем об одном: это надо остановить!

К рабочему городу Шеффилду уже подъезжают сторонники мира из Европы и Азии, с берегов Америки и Австралии. Мы должны собраться вместе, чтобы перешагнуть через всякую рознь и договориться о главном: как спасти мир и предотвратить войну.

Что касается нас, советских людей, то мы знаем, как это сделать. Надо трудиться. Надо строить заводы, растить урожаи, сажать леса, рыть каналы, закладывать великие стройки на Волге и смело смотреть в наше будущее, зная, что силы прогресса и мира сильнее войны.

Линия жизни

Мусинский летел на север.

Он полулежал в откидном кресле самолета, закрыв глаза. Чуточку прикорнуть не мешало бы. Все эти дни перед полетом он почти не спал. Но все же и теперь не удавалось заснуть. Даже мерный рокот моторов не мог его убаюкать. Сказывалось, видимо, нервное перенапряжение в минувшую неделю: защита диплома далась не просто...

Потеряв надежду на сон, Мусинский открыл глаза. Дверь в кабину пилота была распахнута, и он видел склонившегося над приборами командира корабля, его загорелую шею, коротко остриженные волосы, широкую, сильную спину. Очень хорошо знал этого летчика Василий Степанович, и ему нетрудно было представить, как сжаты сейчас губы пилота, как еще резче стали глубокие складки у рта, как проступили на висках чуть заметные, мелкие бусинки пота: машина шла в сплошной облачности.

«Вон он как смело пробивает тучи,— подумал Мусинский. — Этот и тогда бы наверняка взлетел».

Тогда... Давненько было это «тогда»! Но в памяти сохранился занесенный снегом аэродром под Архангельском и сильная пурга, которая неистовствует вот уже третьи сутки, не давая самолетам уйти в рейс. Досадно... В кармане лежал телеграфный вызов в Москву на Всесоюзное совещание стахановцев. Метель закрыла все шлагбаумы... Стихла она так же, как и рождается на севере,— внезапно. Да лететь-то уже было бессмысленно: совещание заканчивалось.

А там, в Кремле, говорили о нем.

Вячеслав Михайлович Молотов сказал:

«Мусинский — только один из талантливых стахановцев, которых у нас теперь немало. Значение его примера — в высокой осмысленности своего труда и в смелой инициативе бойца на фронте нашего строительства. Мусинский не побоялся проверить некоторые технические каноны. Благодаря своей высокой подготовленности он вышел победителем в борьбе с технической рутиной. Успехами своей работы он по пути опрокинул кое-какие «ученые» рассуждения в учебниках лесопиления».

Упомянул его имя и великий Сталин в своей речи.

...В пути — в поезде ли, в самолете — это все равно,— когда хотя бы на несколько часов отрешаешься от дел, от волнений, от житейской суеты, как-то особенно хорошо думается.

Василий Степанович сидит у окна кабины и вспоминает...

Вспоминает первую поездку в Москву, на заседание Президиума ЦИК СССР за наградой — орденом Ленина,— и много других поездок в столицу — на Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов, принимавший Сталинскую Конституцию, на сессии Верховного Совета страны.

Вспоминает дружбу с Валерием Чкаловым. Познакомились они на сессиях. Мусинский любил Чкалова, души в нем не чаял. Он провожал друга в последний скорбный путь к кремлевской стене. В те дни у Василия Степановича родился сын, и он в память о товарище назвал его Валерием. А когда братишка Коля, окончивший школу, пришел к нему и показал путевку в авиационное училище, он притянул к себе за плечи меньшого и тихо произнес: «Чкаловым будь!»

Вспоминает работу в Архангельском облисполкоме, заместителем председателя которого его избрали. Депутатские приемы... Встречи с людьми самых различных профессий, биографий, характеров: лесорубами, мелиораторами, рыбаками, ветеринарами, учителями, агрономами, моряками,— которые шли к нему со своими вопросами, требованиями, предложениями и каждому из которых он должен был дать ответ, посоветовать, помочь. Тогда-то он и ощутил со всей силой нехватку знаний, почувствовал необходимость учиться. Что у него за плечами? Два класса дореволюционной сельской школы. Потом заводские кружки, курсы, самообразование. Все это бессистемно, вразброс. Надо садиться за парту по-настоящему, надолго.

И вот он в Ленинграде, в Лесотехнической академии. Первая лекция! Первый коллоквиум! Первый экзамен! С каким упоением дышал он этим воздухом!..

Видятся Мусинскому дороги войны, по которым он прошел командиром взвода, агитатором стрелкового полка.

Видится маленький венгерский городок Эгер, где он был заместителем коменданта,— городок в предгорье Карпат, весь в виноградных садах, окруженный табачными плантациями. Однажды пришел в комендатуру к Мусинскому кто-то из местных коммунистов и, держа в руке раскрытый томик «Краткого курса истории ВКП(б)» на мадьярском языке, спросил через переводчика, не приходится ли товарищ майор родственником знаменитому стахановцу Мусинскому, о котором говорится в этой книге...

...Луч солнца, ударивший внезапно в окно, заставил Мусинского зажмуриться. Радужные круги поплыли перед глазами, мешая смотреть. Вот они растаяли, и взору открылось небо, уже совершенно свободное от облаков. Оно было очень густой, даже неестественной синевы, словно нарисованное рукой художника, слишком щедрого на краску. Внизу синева эта переходила в совсем темную, черной тушью наведенную полосу. Мусинский догадался: начались архангельские леса. Он встал, сделал несколько шагов, остановился в дверях кабины, хотел было что-то сказать брату, но не решился отвлекать его. А тот уже обернулся:

— Снижаемся. Гляди, Двина...

Василий Степанович не сразу увидел ее, потому что вся она была заштрихована какими-то длинными косыми линиями. Что это? Плоты? Ну да, плоты... Может, там кто из земляков? Все может быть. Плывут-то бревна, наверняка, из-под Котласа, с Вычегды да с Сухоны, из родного лесного края, где тесал когда-то Мусинский шпалы, добывал кокоры, вил вицы...

Топор играл, бывало, в руках Василия. Мог он с помощью нехитрого этого орудия сколотить сани-легкокрылки, которые, кажется, не скользят по снегу, а летят над ним. Мог поставить в лесу на долгий век рубленую в лапу избу-зимницу: зайдет в нее заблудившийся путник, порадуется теплу, мастера добрым словом помянет. Мог собрать из кокор баржу, которую по весне скатят в реку, качнется баржа на волне разок-другой и поплывет, невесомая, мимо равнин и увалов — а ну-ка, потопи ее! Да мало ли еще чего мог он сработать из дерева! Недаром говорят: лесовика топор кормит.

А вот в Архангельске, куда он пришел по Двине на плотах с бригадой сплавщиков, первый раз в жизни не понадобился ему топор. Василий стоял у маятниковой пилы, к которой подползали на конвейерной ленте длинные мокрые стволы. Нога нажимала на педаль: з-з-з-жжи! И вся недолга. Растет сбоку штабелек ровненько распиленных бревен. Кругом неисчислимое множество таких же штабелей, глазами не окинешь: лесная биржа...

Работа на бирже сезонная. Зимой народ разъезжается по селам. Мусинскому не хотелось покидать полюбившегося ему города. К тому же прошел слух: в Соломбале — районе Архангельска — построен завод, каких нет нигде — двадцать четыре пилорамы! Набирают рабочих. Мусинский направился туда. Взяли. Получил лошадь, телегу. Возил опилки, сваливал их на болото, неподалеку от завода.

Как он завидовал пильщикам! Их двое около каждой рамы: комлевой и вершинный. Комлевой зовется так потому, что стоит у комля — нижней, утолщенной части бревна, идущего в распиловку. Он главный: он хозяин машины. Вершинный — его помощник. Василию поначалу и не думалось стать комлевым: хоть бы в вершинные попасть. А попал, захотелось большего, разве удержишь его на первых ступеньках! Ему подниматься и подниматься... Жадный он был на знания. Одолевал бригадира Колобова: расскажи да покажи. Сидел в кружке техминимума. Не досыпал, зачитываясь технической литературой...

...Посадку они совершили на том самом аэродроме, с которого в свое время Мусинскому не удалось вылететь на совещание стахановцев.

Василий Степанович, выйдя из машины, предложил брату вместе ехать в город.

— Не могу,— ответил тот.— Через два часа снова в рейс. Я еще буду тут. А пока кланяйся всем друзьям. Ты куда сейчас? В Соломбалу, на завод?

— Хочу побывать сначала в обкоме партии. Там я получал путевку в академию и должен, считаю, отчитаться за годы учебы.

Мусинский шел очень медленно, думая о том, что рассказывать в обкоме.

День был солнечный.

Вот таким же запомнилось и то утро, когда он вернулся после демобилизации в Ленинград.

Может быть, и не так уж ярко светило солнце. Но в тот раз Мусинскому казалось, что все вокруг лучится и сияет. Все его радовало. Увидел он тогда на дереве скворечню и высунувшегося оттуда скворца. Подмигнул ему. Всмотрелся — да это ж самый обыкновенный воробышко. Эй, браток, как ты попал сюда? А, понимаю: домик, наверно, с изъяном, со щелочками. Скворец — птица разборчивая, в плохую квартиру не поедет. Тебе ж, непривередливой птахе, все равно, где жить. Вот ты и воспользовался случаем, занял свободную жилплощадь. Долго разглядывал Мусинский воробья, чем и привел того в немалое смущение.

...В канцелярии академии Василия Степановича встретили просто, душевно. Внесли его фамилию в список студентов второго курса.

В. С. Мусинский (четвертый слева) с группой однокурсников выходит из здания Лесотехнической академии имени С. М. Кирова после защиты диплома.

Показали расписание лекций, семинаров. Оформили документы на стипендию. Было такое ощущение, что война и не обрывала его учебы.

Чувство, что занятия не прерывались, так и не покидало Мусинского. Учиться ему было даже легче, чем на первом курсе. Почему это так, он не смог бы, пожалуй, объяснить. Ни учебников, ни конспектов не было с ним на фронте. И все-таки прежние знания не погасли в нем, а жажда новых стала еще сильнее.

Архангельск не забывал его. Приносят однажды телеграмму: «Докладываю распилил 500 кубометров смену тчк Волков». Кто такой Волков, Василий Степанович не знал. Но приятно было, что незнакомый пильщик почел за долг сообщить ему, Мусинскому, о своем успехе. Радостно было сознавать, что семена, посеянные им много лет назад, продолжают давать всходы.

Пятьсот кубометров... Здорово!

А он начинал со ста.

Когда Мусинский, работая комлевым, увеличил вдруг скорость подачи бревен под пилы, цеховое начальство заволновалось. Принесли пачку инструкций, в которых расписаны все нормы, все показатели. И запретили превышать эти цифры. Но уже сказано, что такого, как Мусинский, не остановишь. Инструкции? Он убежден, что их сочиняли люди, которые страшатся техники, не любят ее. Пишут так: при повышенных скоростях пазуха между зубьями пилы переполнится опилками, захлебнется, и зубья будут сломаны. Приводят расчеты. А нет ли в этих расчетах просчета?

Мусинский стоял на своем, уверенный, что резервы его станка очень велики. Он давал все больше и больше досок: 100 кубометров в смену, 105, 115... И пилы у него не ломались, держались дольше, чем у других. Тогда он был объявлен бракоделом.

Это было нехитрой штукой при той системе контроля за качеством, которая существовала в цехе. Доски отбраковывались не у рам, а на сортировочной площадке, где невозможно определить, откуда какая. Идет брак. Кто виновник? Зачем его искать, коль и так все ясно? Кем нарушается инструкция? Мусинским. Кто работает тайком на запрещенных скоростях? Это твердо установлено — Мусинский. Говорят, уже 160 кубов гонит. Значит, брак у него. Но он не сдается. Требует к себе браковщиков. Пусть, не отходя от рамы, осмотрят, ощупают все доски. Одна к одной, великолепного качества!

И все-таки мастер, пробегая мимо станка Мусинского, кричит каждый раз:

— Василий, сбавь скоростишку! Не зарывайся!

Новое не сдержать никакими плотинами. Оно просочится, прорвется, захлестнет.

Когда из Донбасса пришла весть о Стаханове, оказалось, что тут, в Архангельске, есть человек, который, не сговариваясь с далеким забойщиком, не зная его, стремился, собственно, к тому же. И теперь Мусинский, уже всеми поддержанный, шагнул далеко вперед. 220 кубометров. Тогда это было наивысшим достижением.

А у Волкова нынче пятьсот.

Наверно, он совсем еще молодой, этот пильщик. Наверно, еще октябренком был, когда Мусинский ставил свой мировой рекорд.

Да, очень приятно получить такую телеграмму...

Студенческую практику он проходил на Саратовском заводе. Мусинскому многое не понравилось здесь. И он обо всем поведал коммунистам, поведал, не подбирая обтекаемых формулировок, резко, но искренне, с глубокой заинтересованностью.

Он не может быть равнодушным.

Такова уж его линия жизни.

Из Саратова он поехал на Урал, в Тавду. Оттуда — в Сибирь, на красноярские заводы.

В Тавде он увидел новшество: лесная биржа в воде. Штабеля стоят в бассейне. Древесина дольше сохраняется таким образом. Почему бы не перенять этого другим заводам? Записал в блокнот.

Между прочим, поездок на Урал и в Сибирь не было в плане студенческой практики. Собственная инициатива: вместо каникул, вместо дома отдыха, путевку в который он с дороги переслал в профком, чтобы не пропадала.

Это все та же линия жизни: искать новое, тянуться к нему, больше увидеть, больше узнать!

Мусинский готовился к защите дипломного проекта. Он писал его на Усть-Ижорском фанерном заводе. Это завод хороший. Давно уже достиг довоенного уровня производства. В прошлом году дал миллион рублей экономии. Казалось, что тему «Производственные резервы» следовало бы разрабатывать на другом предприятии.

Мусинский был иного мнения: если завод передовой, то тем более важно найти здесь резервы для нового рывка вперед.

Полгода жил Василий Степанович в Усть-Ижоре. Он подверг тщательному анализу всю экономику предприятия.

Вот фактическая выработка фанеры: столько-то тысяч тонн. Сколько нужно было затратить на нее времени? Называется цифра. А затрачено? Гораздо больше. Куда же ушли эти лишние часы? На неучтенные, скрытые простои.

Точнейшие математические выкладки по всем видам продукции, по каждому сорту фанеры... Чтобы не было сомнений. Чтобы доказательства были неопровержимыми.

Вывод ошеломляющий: на хорошем, передовом заводе потери станко-часов составляют четвертую часть всего машинного времени.

Вот резервы!

У каждого студента-дипломанта есть рецензент. У Мусинского им был начальник планового отдела завода. Но в данном случае им пришлось поменяться местами. Студент прорецензировал работу заводских плановиков и доказал, что они недооценивают возможности своего предприятия. А рецензией на дипломный проект явились меры, принятые дирекцией завода, меры, основанные на анализе и выводах, которые сделал Мусинский.

Так что защита состоялась дважды: на заводе, где она прошла отлично, и в академии, перед государственной комиссией, где она была признана не менее отличной.

Все это, собственно,— продолжение того же, чем Мусинский занимался на заводе пятнадцать лет назад. Тогда он доказывал, что резервы его пилорамы неисчерпаемы. Тогда он искал новое, боролся за него. То же самое он сделал теперь, только уже вооруженный высшей математикой, знанием экономики.

Линия жизни!

...Василия Степановича вызвали в министерство за назначением. Он поехал в Москву... через Архангельск. Вернее, полетел. Как было не воспользоваться предложением брата, который водит машину на северной трассе! Как не навестить друзей! Как не побывать в родном городе, с которым он десять лет в разлуке!

В обкоме партии, на приеме у первого секретаря и в отделах, где у него, конечно, оказалось немало приятелей, он задержался чуть не до вечера.

В Соломбалу Мусинский попал, когда уже начало темнеть.

— Вася! — окликнули его.

И Мусинский сразу узнал этот характерный, резкий, чуть с хрипотцой голос: он мог принадлежать только Колобову, первому его бригадиру.

Колобов внешне сильно изменился — постарел, поседел. Но был все такой же подвижной и разговорчивый. Говорил он быстро-быстро, широко размахивая руками. Это было забавно: маленький, щупленький Колобов наступал на большого, грузного Мусинского, и тот невольно пятился.

— Идем в цех,— предложил Мусинский.

Они вышли к лесопилке со стороны бассейна, поднялись на галерею.

— Вот она. Узнаешь? — обернулся Колобов.

Еще бы, он сразу увидел свою машину — стоит там же, посередине цеха. Сдерживаясь, стараясь не бежать, шагнул к ней. Потом Колобов говорил, что он все-таки подбежал, а не подошел. Остановился. Перевел дыхание. Комлевым работал молоденький паренек, круглолицый, синеглазый, с по-детски припухлыми губами. Бревно шло у него под пилы, направляемое точной, верной рукой. Молодчина! Хорошей, видать, выучки.

— Твой? — спросил Мусинский подошедшего Колобова.

— Мой! — сказал Колобов.

Василию Степановичу послышалось какое-то движение сзади. Оглянулся. Батюшки, народу-то сколько! Молча окружили, улыбаются. Знакомые, родные лица.

— Здравствуйте, друзья!

А. МАТВЕЕВ

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ГОРОДОК В ХАРЬКОВЕ

Здание, в котором будет размещен Харьковский государственный университет.

Фото И. Филевского

В наиболее возвышенной части Харькова — на площади имени Дзержинского — расположено огромное 15-этажное здание, состоящее из нескольких корпусов. Это — одно из самых монументальных в стране сооружений, объемом в 270 тысяч кубических метров. До войны здесь помещались десятки проектных организаций, и харьковчане назвали его «Дом проектов». Отступая в 1943 году из Харькова, гитлеровцы пытались взорвать и сжечь это здание, но железобетонная громада выстояла — остов сохранился.

По решению Совета Министров Союза ССР, после восстановления здания в нем будет размещен Харьковский государственный университет имени А. М. Горького, один из крупнейших в стране.

Проект предусматривает оборудование в Харьковском университете конференц-зала на несколько тысяч человек, создание «искусственного климата» в лабораториях и мощной вентиляции в химических кабинетах, устройство механической подачи книг в центральной научной библиотеке. Научный городок будет оборудован скоростными лифтами, совершенной сигнализацией и связью.

При восстановлении здания используется ценный опыт строительства Московского государственного университета.

А. КАШТАНОВ

По примеру советских людей

У друзей нет секретов

Ярослав КОВАРЖИК,
ударник-сталевар Витковицкого железоделательного завода имени Клемента Готвальда

Однажды ко мне подошел товарищ и протянул свежий номер нашего заводского журнала «Искра».

— Ярослав, ты читал? Вот, посмотри...

Он показал мне на опубликованный в журнале отрывок из брошюры Ф. И. Трушина, старшего мастера Днепродзержинского металлургического завода имени Дзержинского.

— Очень здорово у них получается! Есть чему поучиться. Нам надо подумать, что мы можем из опыта друзей использовать у себя.

Да, мой товарищ был прав. У советских металлургов есть чему поучиться.

Читая в своем журнале статьи мастера Ф. И. Трушина и московского металлурга А. А. Лебедькова, мы не раз вспоминали их добрым словом. В свободной стране рабочий человек всегда благодарен другу, который научит его, как работать еще лучше. Конечно, нам трудно привыкнуть к тому, что один мастер передает свои производственные секреты другому. При старом хозяине опытный сталевар никогда не делился знаниями с молодыми. Но теперь мы, как и наши друзья, советские рабочие, сами хозяева заводов. А у друзей не может быть секретов, когда речь идет о работе на благо всего общества.

Я был в числе делегатов Чехословакии в Москве на Первомайском празднике. В столице Советского Союза я встретился с металлургами завода «Серп и молот». Мы долго и дружески беседовали. Это был очень хороший разговор о скоростных плавках и многом другом, близком и понятном нам. Это был большой разговор о нашем общем деле — строительстве новой жизни.

Много месяцев назад на Витковицком заводе по примеру советских рабочих родилась первая ударная смена. Скоро, очень скоро, не позже декабря, весь наш завод станет ударным. То будет большой для нас праздник.

Как самых дорогих гостей встречают в странах народной демократии посланцев Советского Союза — передовых стахановцев, ученых, деятелей искусства. Их опыт широко используют трудящиеся Румынии и Болгарии, Венгрии и Польши, Албании и Чехословакии. В Бухарест по приглашению Всеобщей Конфедерации труда и Румынского общества укрепления связей с СССР (Арлюс) прибыла советская профсоюзная делегация. На снимке: советская профсоюзная делегация на строительстве Дома газеты «Скынтейя». В центре — каменщик треста «Мосжилстрой», лауреат Сталинской премии В. В. Королев.

Фото В. Соболева (ТАСС)

Ярослав Коваржик со своей семьей.

Ткачихи перенимают опыт

Юзефа ШЕВЧИКОВА,
ткачиха Лодзинской текстильной фабрики имени Дзержинского

Наша текстильная фабрика в Лодзи носит имя Феликса Дзержинского. И вот случилось так, что, когда я недавно гостила в Советском Союзе, меня пригласили на хлопчатобумажный комбинат, который также носит это столь близкое польским рабочим имя.

Мне надолго запомнилось все, что я увидела здесь: как экономят сырье, полуфабрикаты, как добиваются высокой выработки, отличного качества тканей.

С волнением ждала я того дня, когда, вернувшись из Советского Союза, соберу в цехе подруг и не только расскажу, но и покажу им: вот как надо работать!

С большим интересом слушали меня ткачихи. Они задавали много вопросов, и я старалась подробно объяснить и наглядно показать приемы советских работниц.

Вскоре я освоила многие из этих приемов. На своем станке я доказала, что по примеру советских работниц можно в большей степени, чем мы до сих пор это делали, использовать основу пряжи, не снижая, конечно, производительности труда. Но не у всех сразу дело пошло на лад. Раздавались голоса: «Ничего не выйдет! Надо работать по-старому!»

Я настаивала на своем, упорно обучала подруг и разъясняла им:

— Вот в Советском Союзе коллектив целого цеха работает по-стахановски. И все у них очень хорошо получается. Им ведь тоже не сразу удалось производительность труда поднять. Надо вооружиться терпением.

Постепенно все трудности, которые встретились вначале, были преодолены. Уже не я одна, а многие мои подруги стали повышать производительность труда, улучшать качество продукции. И это очень радовало меня. Значит, мы правильно следуем совету наших друзей в СССР: важно не только самому хорошо работать, но и помочь отстающим. Ушло в прошлое время, когда старые ткачихи, служа у хозяина и боясь остаться без работы, держали в секрете свой производственный опыт. Передовики труда в нашем цехе охотно обучают молодых.

Сейчас я мечтаю о том, чтобы на нашей фабрике по примеру советского мастера Александра Чутких широко применять метод коллективной борьбы за улучшение качества продукции и за высокую производительность труда. Я убедилась, что в СССР этот метод широко распространяется и дает отличные результаты.

Надеюсь, что, применяя замечательные методы труда советских людей, наша текстильная фабрика имени Дзержинского станет передовой.

Гости спустились в шахту...

Юзеф ВОНТОРЕК,
директор шахты имени генерала Завадского

Это было осенью 1948 года. На нашу шахту имени генерала Завадского приехала делегация советских шахтеров. Они участвовали в работах Всепольского конгресса горняков и сейчас приехали к нам в гости.

Наши друзья спустились в шахту, в один из забоев, где в то время работала бригада Владислава Матыса. И здесь, под землей, прославленные советские горняки дали нам наглядный урок стахановского труда.

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, бывший забойщик, а ныне начальник участка шахты № 30 комбината «Москвоуголь» Л. Борискин взял горняцкий инструмент и показал бригаде, как он достиг наибольшей выработки. Гость обратил наше внимание на то, что первая смена ушла, не выбрав угля из забоя, и тем самым не подготовила рабочего места товарищам. Все это пришлось делать новой смене, в результате уменьшилась добыча. Л. Борискин передал польским горнякам опыт работы в советских шахтах.

Прошло уже два года. Передовой забойщик нашей шахты Владислав Матыс сейчас выполняет на 160 процентов новую норму.

Когда к нам приезжали посланцы СССР, Ян Коцот был помощником забойщика, а теперь он руководит бригадой. Забойщиками стали и бывшие навалооткатчики Ян Галя и Франтишек Рус. Своими успехами они во многом обязаны советским шахтерам — урок, полученный осенью 1948 года, пошел впрок. Изменились методы работы. И сейчас весь коллектив шахты перевыполняет план.

Часто мы у себя на шахте вспоминаем советских друзей. Они не только освободили нашу страну от фашистов. Они учат нас жить, работать, бороться за досрочное выполнение шестилетки.

Праздник народов Дагестана

Б. КАШКАЕВ

В жизни каждого народа есть моменты, с которых он ведет счет времени, с которых начинается новый период его истории. В жизни советского Дагестана такая знаменательная дата — 13 ноября 1920 года. В этот день товарищ Сталин по поручению великого Ленина, именем советской власти огласил на съезде народов Дагестана декларацию о советской автономии Дагестана. Горцы Дагестана, в прошлом отсталые, лишенные всяких прав, впервые в своей истории обрели автономное государственное самоуправление, получили широкие возможности свободного развития.

Трудящиеся Дагестана при бескорыстной помощи и братской поддержке великого русского народа отстояли свою свободу в борьбе с англо-турецкими, белогвардейскими и буржуазно-националистическими бандами и приступили к строительству новой, счастливой жизни. Борьбой трудящихся Дагестана непосредственно руководили лучшие сыны большевистской партии — Сергей Миронович Киров, Григорий Константинович Орджоникидзе, Анастас Иванович Микоян.

Партия большевиков довела великие идеи социализма до сознания широких масс трудящихся Дагестана, вырастила из их среды выдающихся революционеров — Уллубия Буйнакского, Махача Дахадаева, Кази Магомеда Агасиева, Мукита Адыра Айдинбекова и других.

Советскому Дагестану всего 30 лет, но за это время в пустынных степях выросли новые социалистические города, Дагестан превратился в индустриально-колхозную республику. Выросли леса нефтяных вышек вокруг Махач-Калы, Избербаша и других городов. Бурное развитие индустрии повлекло за собой рост рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции.

В республике гордятся передовыми людьми промышленности — стахановцами. Всем знакомы имена знатной текстильщицы фабрики «Третий Интернационал» депутата Верховного Совета Дагестанской АССР Зубай Нурбагандовой, слесаря завода имени Магомеда Гаджиева депутата Верховного Совета Дагестанской АССР товарища Устименко и многих других.

Огромных успехов добилось за годы советской власти и сельское хозяйство республики. В прошлом мелкое, раздробленное крестьянское хозяйство Дагестана имело своим единственным производственным орудием деревянную соху. Ныне трудящееся крестьянство объединено в 1027 колхозов, обслуживаемых 18 машинно-тракторными и машинно-животноводческими станциями. На полях колхозов и совхозов Дагестанской республики работают сотни тракторов, комбайнов и других сложных сельхозмашин.

Колхозный строй покончил с вековой нищетой крестьянства, обеспечил высокий уровень материально-культурного благосостояния трудящихся. С каждым годом растет число колхозов-миллионеров.

Всеобщим уважением среди трудящихся пользуются знатные люди социалистического сельского хозяйства Дагестана — мастер высоких урожаев Герой Социалистического Труда Ханум Магомедова, Герои Социалистического Труда К. Магомедов, Агабек Уроджев и другие.

Блистательные результаты торжества ленинско-сталинской национальной политики особенно наглядно видны в области культурного строительства Дагестанской АССР.

В Дагестане 36 народностей и столько же языков. До установления советской власти все эти народности не имели своей письменности, были лишены и права и возможности обучать своих детей на родном языке, развивать свою культуру. Реакционное мусульманское духовенство и феодалы веками развращали сознание народов мюридизмом и шариатом, всячески насаждая национальную вражду. И только советская власть спасла народности Дагестана от одичания и духовного вымирания.

В памятном для дагестанских народов 1920 году, объявляя автономию республики, великий Сталин говорил:

«Советская власть знает, что темнота — первый враг народа. Поэтому необходимо создать побольше школ и органы управления на местных языках.

Этим путем Советская власть надеется вытащить народы Дагестана из той трясины, темноты и невежества, куда их бросила старая Россия».

Слова великого вождя сбылись. Советская власть привела народы Дагестана к расцвету хозяйства, культуры, науки и искусства. В республике свыше 1200 начальных и средних школ, 5 высших учебных заведений, 6 музеев, десятки библиотек, несколько театров, в том числе аварский, лезгинский, лакский и кумыкский, около 200 киноустановок, радиоузлов, более 600 сельских культурно-просветительных учреждений, 3 издательства, на 9 языках издаются десятки газет. В республике создан филиал Академии наук СССР. Руководит этим научным центром действительный член Академии наук Азербайджанской ССР профессор К. И. Амирханов. В 12 научно-исследовательских учреждениях и институтах Дагестана сейчас работает 20 докторов и 95 кандидатов наук.

Одно из величайших завоеваний советской власти в республике — раскрепощение женщины-горянки. Кануло в вечность ее былое бесправие, она стала активным строителем коммунистического общества. В республике сейчас свыше 3 тысяч женщин-педагогов, 500 врачей, 800 специалистов промышленности и сельского хозяйства. Семнадцать горянок — кандидаты наук; 42 женщины-горянки избраны народом в Верховные Советы СССР, РСФСР и Дагестанской АССР, 3 дагестанские женщины — Герои Социалистического Труда.

Блестящим доказательством того, что ранее отсталые народы достигли в советских условиях подлинного расцвета материальных и духовных сил, является развитие литературы и искусства советского Дагестана. Среди горцев выросли крупные музыканты, артисты, художники, композиторы.

Дагестанскому композитору Гасанову за его концерт для фортепиано с оркестром, написанный по мотивам дагестанских народных мелодий, присуждена Сталинская премия.

В Дагестане большим успехом пользуются народная артистка республики лезгинка Рагимат Гаджиева, заслуженная артистка республики даргинка Аминат Ибрагимова, заслуженная артистка РСФСР и народная артистка Дагестанской АССР кумычка Барият Мурадова, заслуженный артист республики Орудж Абубекатов и другие.

До революции Дагестан не имел ни одного профессионального художника. Сейчас в республике успешно творят художники Муетдин Джемал, Юсуп Моллаев, скульптор Хасбулат Аскар-Сарыджа.

До революции не могло быть и речи о литературе народов Дагестана. Советская власть дала горцам письменность, вызволила из-под спуда народные таланты, высоко подняла народное творчество.

«Я подобен зарытому в землю заржавленному оружию, которое коммунистическая партия и Советская власть раскопали и остро отточили», — говорил Сулейман Стальский, вдохновенный певец новой, советской жизни. Свои самые лучшие произведения он посвятил великим вождям В. И. Ленину и И. В. Сталину.

В советское время во весь голос заговорил и выдающийся народный поэт Гамзат Цадаса, творчество которого составляет целый этап в развитии дагестанской литературы. В течение почти полувека Гамзат Цадаса неутомимо трудится на поэтическом поприще. До революции он изобличал эксплуататоров. В советское время Г. Цадаса воспевает народное счастье, весь свой талант посвящая строительству социализма.

В Дагестане выросла плеяда молодых поэтов и писателей. Широкой популярностью пользуются у читателей произведения Эффенди Капиева, Загида Гаджиева, Юсупа Хаппалаева, поэтессы Машидат Гаирбековой и других.

Плодотворно влияние великой русской культуры на национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру народов Дагестана. На языки Дагестана переведены выдающиеся произведения классиков русской литературы и советских писателей. Достоянием дагестанского читателя стали произведения Пушкина, Толстого, Лермонтова, Горького, Маяковского и других русских и советских прозаиков и поэтов.

К тридцатилетию своей республики трудящиеся Дагестана пришли с серьезными успехами. Рука об руку со всеми народами Советского Союза, ведомые великим вождем всего прогрессивного человечества товарищем Сталиным, они уверенно идут к сияющим вершинам коммунизма.

В детском саду Буйнакского консервного завода.
Фото А. Штукатурова

ПОЭТЫ ДАГЕСТАНА

Знаменосец мира

Гаджи ЗАЛОВ

Я, гость, на площадь Красную пришел
В день праздника под майским небом синим.
Мне, горцу, так легко и хорошо
Здесь, в центре мира, на его вершине.

Как солнце всходит над землей моей,
Сады и нивы заливая светом,
Так мудрый вождь, взойдя на Мавзолей,
Нас озарил отеческим приветом.

И русский, и аварец, и казах,
Поляк, и чех, и делегат Берлина
Свои сердца сливают воедино,
Восторг и радость светятся в глазах.

И я, принесший преданность сыновью,
Земной поклон от земляков своих,
В душе, что переполнена любовью,
Навеки сохраню великий миг.

Овации всю площадь всколыхнули,
Не умолкая, длится торжество.
В многоголосом, стоязыком гуле
Звучит и голос сердца моего.

Как счастлив я, что вместе с нами Сталин
На площадь первомайскую глядит.
С вершины целый мир ему открыт,
Материков и океанов дали.

Простые люди всей земной планеты,
Своих народов честные сыны,
Отцовским взглядом Сталина согреты
И мудростью его окрылены.

Он всюду — и на Темзе, и на Шпрее,
В марсельских доках, в недрах рурских шахт,
Он всюду — во Вьетнаме, и в Корее,
И на китайских рисовых полях.

И все сердца, распахнутые настежь,
Сейчас к Москве, к вождю обращены.
Он — мастер человеческого счастья,
Он — знаменосец мира и весны.

Перевел с аварского Я. ХЕЛЕМСКИЙ

Могучее слово

Анвар АДЖИЕВ

То слово не ветер, но флаги оно
Колышет,
не сабля, но косит врага.
Как солнце, оно пригревает зерно,
Как дождь, освежает поля и луга.

Оно односложно, но нам говорит
О счастье яснее размашистых фраз.
То слово в глазах комсомольцев горит,
В зрачках стариковских, прищуренных глаз.

На свете не страшно ему ничего,
И песней взлетает оно в небеса.
И молот, стуча, произносит его,
Врезаясь в траву, произносит коса.

То слово поет седовласый ашуг,
То слово проходит сквозь бурю и дым.
И тысячи, тысячи, тысячи рук
Уверенно подписи ставят под ним!

То слово не солнце,
но греет людей,
То слово не солнце,
но солнца светлей.
Оно не железо, не танк и не дот,
Не крепость,
но пуля его не берет.

Оно потрясает дома богачей,
И, слыша то слово, трясется банкир
И атомщик с атомной бомбой своей...
То слово —
могучее слово
МИР!

Перевел с кумыкского Н. ГРЕБНЕВ

Табунщик Булат

Гаджи ЗАЛОВ

Герою Социалистического Труда
Булату Алиеву

Ранней ранью на кутане * травы, словно мед.
Ранней ранью солнце встанет из каспийских
вод,
Вспыхнут утреннего солнца первые лучи.
На лугу табун пасется, кони горячи.

По весне еще нежарко, пекло не томит,
Весь кутан блестит, как бархат, росами омыт.
С лошадей табунщик зоркий не спускает
глаз,
А Звезда на гимнастерке золотом зажглась.

Он теперь известен всюду, наш герой Булат.
— У Булата кони — чудо! — люди говорят.
Он их знает поименно, назовет подряд
Скакунов непревзойденных, резвых жеребят.

Вот, его покорный зову, замирает конь.
Гладит скакуна гнедого сильная ладонь:
— Что ты, милый, нынче скучен, плохо
ешь у нас!
Я овса на всякий случай для тебя припас.
Ну-ка, лакомься, дружище, вволю!.. А пока
Дай-ка я тебе почищу щеткою бока.

На часы табунщик глянет, чуть прищурив
глаз,
Водопоя и купанья наступает час.
Чистая речная свежесть, звонкий плеск воды.
На песчанике прибрежья влажные следы.
На боках и гривах брызги, искры-огоньки.
Кони сыты, кони быстры, статны и легки.

Кони быстры, неустанны, молнией летят.
Для джигитов Дагестана их взрастил Булат.
Не напрасно о Булате люди говорят:
— Ты у нас по праву знатен, дорогой Булат,
Честь колхоза не уронишь, сбережешь свою.
Не сдадут в работе кони, не сдадут в бою.

Перевел с аварского Я. ХЕЛЕМСКИЙ

* Кутан — пастбище.

Сулак сдается

Анвар АДЖИЕВ

Гидростанция здесь будет
И плотина.
А пока
Не желает сдаться людям
Эта грозная река.

Лбом стучится о преграды,
Колесом вздувает грудь
Бешеный Сулак,
но надо
Преградить Сулаку путь.

Злобный он, на все готовый,
Валит вбитые столбы,
Гребни волн пятиметровых
Подымая на дыбы.

То по-волчьи, то по-птичьи
Волны всех подвластных рек
Он себе на помощь кличет,
Но смеется Человек:
— Слушай, ты уже слабеешь!
Брось, Сулак, в моей стране
Были реки погрознее,
Да и те сдавались мне.

Волн твоих боялись деды,
Мы же справимся с тобой...
И настанет день победы
Человека над рекой.

Будет он одним из лучших,
Небывалым до сих пор,
Черным для реки могучей,
Светлым для народов гор.

Зажурчат арыки в поле,
Свет рассеет ночи мрак.
Большевистской нашей воле
Покорятся Сулак.

Перевел с кумыкского Н. ГРЕБНЕВ

На родине

Даниил АТНИЛОВ

Я шагаю по когда-то
Мной исхоженным местам,
По долинам и по скатам,
По оврагам и лесам.

Широки, светлы просторы,
И, куда ни бросишь взгляд,
Те же реки, те же горы,
Что и десять лет назад.

Вдруг среди полей зеленых
Вижу: поле все в снегу.
Я смотрю, завороженный,
И поверить не могу.

Светит солнце в небе синем,
И журчат потоки рек.
Все, как летом,
лишь в долине
Зимний белый, белый снег.

Вот загадка.
Как же это!
Кто мне толком объяснит:
Почему в низине летом
Белый снег пластом лежит!

У прохожего мужчины
Я спросил:
«Скажи, кунак,
Объясни мне: как же так,
Почему в снегу долина!»

И, помедлив чуть с ответом,
Он ответил на вопрос:
«Это не сугробы:
это
Хлопок вырастил колхоз!»

Перевел с татского Н. ГРЕБНЕВ

На заводе «Уралэлектроаппарат». Лучшая бригада изолировщиц (слева направо): бригадир Аня Хромцова, Сима Первушина и Нина Маклакова за изолировкой статора синхронной машины.

Фото А. Гостева.

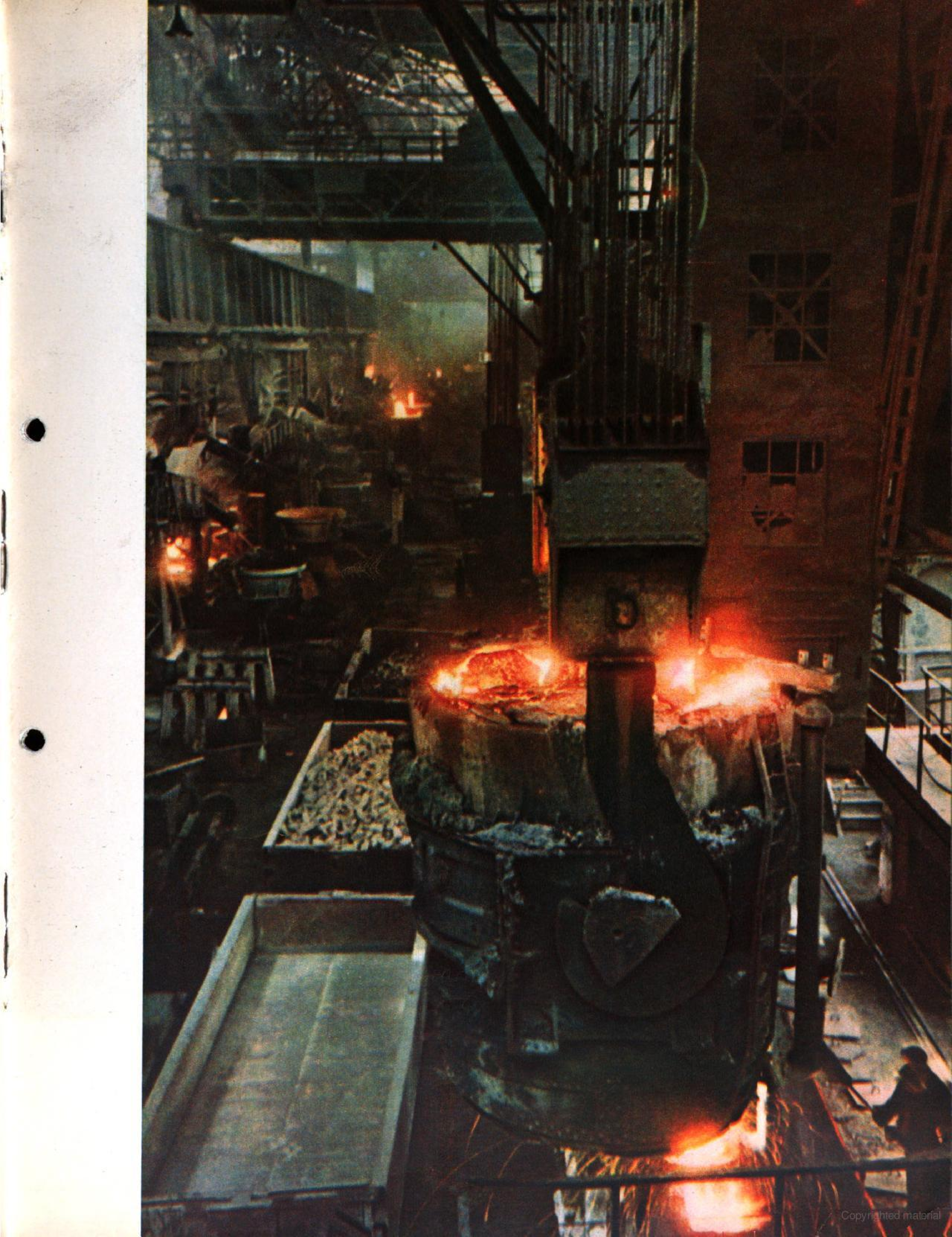
Металл Магнитки...

Сталь, выплавленная в ее мартенах, прокат, сошедший с ее могучих станов, представлены почти повсюду, где возведены и возводятся крупнейшие сооружения сталинских пятилеток. Коллектив уральского комбината, который носит имя товарища Сталина, высоко держит знамя передовой советской металлургии. Магнитогорская марка гарантирует надежное качество металла.

Наша страна вступила в полосу невиданного по размаху нового строительства. Вместе со всей социалистической индустрией Магнитка вносит свой вклад в это всенародное дело. Уже выполнены первые заказы, отгружены первые составы в адрес волжских гидростанций. Будничный труд металлургов озарен великим сталинским планом.

На снимках — мартеновский цех комбината. Справа — разливка стали в изложницы. Слева — заливка чугуна в мартеновскую печь. На обороте — магнитогорский металл отправляется в путь, на Волгу.

Фото Дм. Бальтерманца.

Человек, взвесивший свет

Кирилл АНДРЕЕВ

В этот осенний день 1891 года в Большой физической аудитории Московского университета все было, как обычно.

Уже за пять минут до лекции студенты сидели на местах, приборы на столе выверены и подготовлены. Но прозвенел звонок, прошла минута, другая, третья — никто не появлялся. Приглушенный шепот пронесся по аудитории. Все знали, что профессор А. Г. Столетов никогда не опаздывает и поднимается на кафедру с последним ударом часов.

Внезапно шум затих, дверь отворилась, и вошел профессор. Он был не один: с ним рядом стоял кто-то незнакомый.

— Петр Николаевич Лебедев, наш новый преподаватель, — сказал Столетов.

Его очки холодно блеснули, когда он усаживался в кресло, как будто приглашая сохранять порядок, который никто и не думал нарушать.

С любопытством рассматривали студенты нового преподавателя. Он был молод, невысок ростом, но крепок и широк в плечах. Его небрежный костюм представлял разительный контраст со строгим сюртуком Столетова. Но еще большим контрастом была его лекция.

Большинство студентов привыкло к размеренной речи Столетова, к его законченным периодам, отшлифованным до блеска, к огромным, нарисованным уверенными мазками картинам, объединявшим историю науки с сегодняшним днем и обнажавшим скрытые пружины гигантского механизма природы. Их трогал тот страстный и упрямый труд, который стареющий профессор вкладывал в свои лекции, рожденные в бессонные ночи, написанные заранее, но казавшиеся вдохновенными импровизациями. Многие подражали его походке, сдержанным жестам, умению владеть собой. Столетов был живым корифеем науки, своими работами по магнетизму и фотоэлектричеству увенчавшим величественное здание классической физики. Но Лебедев...

Лекции Лебедева были совсем иными. Он говорил тихо, запинаясь, часто останавливался и подолгу молчал. Это происходило не от недостатка мысли или воображения, напротив: именно обилие идей заставляло молодого ученого бросать мысль не раскрытой до конца и переходить к следующей, внезапно увлекшись неожиданным, смелым, плодотворным сопоставлением! Это был самый обнаженный процесс мысли, зримый процесс творчества.

Очень немногие могли сразу понять и оценить Лебедева. Ученые-неудачники злобно писали о нем, как о «плохом» профессоре и лекторе. Но великий физик обращался к тем, кто не пересказывает чужих мыслей, а сам проникает в тайники природы.

Ученик Лебедева, С. И. Вавилов, ныне президент Академии наук СССР, так вспоминает о его лекциях: «Это были слова только ученого, а не профессора, и содержание лекции было необыкновенным. Лебедев обращался к аудитории как к возможным будущим ученым».

Хотя Столетов сам пригласил Лебедева в Московский университет, положив на это немало труда, но они были весьма разными людьми и в науке и в жизни. Столетов любил Лебедева, но пути их часто расходились.

Столетов — человек огромной разносторонней культуры — любил картины и музыку, сам играл на рояле и писал стихи. Он изъездил всю Европу. Наука была лишь одной из сторон его деятельности, но она не могла захватить его целиком. Он был одинок. Столетов принадлежал к тому же типу ученых, что Ньютон, Фарадей, Гельмгольц — никто из них не создал школы.

Для Лебедева наука была всем: трудом и творчеством, развлечением и отдыхом — она была его жизнью. В молодости он увлекался спортом, но однажды, во время состязания по гребле, у него почти остановилось сердце, и его полумертвым вынесли из лодки. С тех пор он отдал себя целиком науке, и только она одна занимала его мысли. «С каждым днем я влюбляюсь в физику все более и более,— писал он в своем юношеском дневнике. — Я уже теперь перестал понимать, как можно существовать без физики... У меня только одно горе — день мал».

Восхищаясь многими научными открытиями, мы порой с трудом можем поверить, что тот или другой ученый действительно совершал свой подвиг методами, которые он описывает. Это тем более верно, что некоторые ученые, сформулировав какой-нибудь новый закон, не раскрывают перед миром своих путей, своего «секрета». Построив совершенное доказательство, они удаляют все «леса», все следы вспомогательных сооружений.

Иным был Лебедев. Его творчество проходило у всех на глазах, он не боялся показывать ученикам свои опыты как удачные, так и неудачные, весь процесс своей работы — от момента зарождения мысли до завершающего эксперимента. Многим в те времена казалось, что работы Лебедева очень просты, что при подходящих обстоятельствах каждый мог бы все это совершить. Но при первой же попытке хотя бы повторить опыты Лебедева обнаруживаются такие трудности, что «священный» трепет овладевает смельчаком и в его уме возникает слово «гений».

В истории физики, да и вообще в истории науки, трудно найти что-нибудь схожее по стилю с научной деятельностью Лебедева. Рядовой ученый нередко обходит важнейшие задачи своего времени или ищет их косвенного решения, боясь невообразимых трудностей. Лебедев же намеренно выбирал труднейшие задачи и притом атаковал их с фронта, изыскивая изящные и как будто чрезвычайно простые методы решения.

Характерно, что событием является даже повторение его опытов. В наши дни любой школьник может повторить опыты Галилея, Ньютона, Фарадея, но чтобы воспроизвести опыты Лебедева, нужно лебедевское мастерство.

Сенсацией было, когда два американских физика, лишь повторившие его эксперимент, измерили давление света на твердые тела. Но его опыт по измерению давления света на газы до сих пор повторить никто не смог; никто не отважился пойти по этому пути.

Именно поэтому Лебедев один из всех ученых мира носит почетное имя «гения эксперимента».

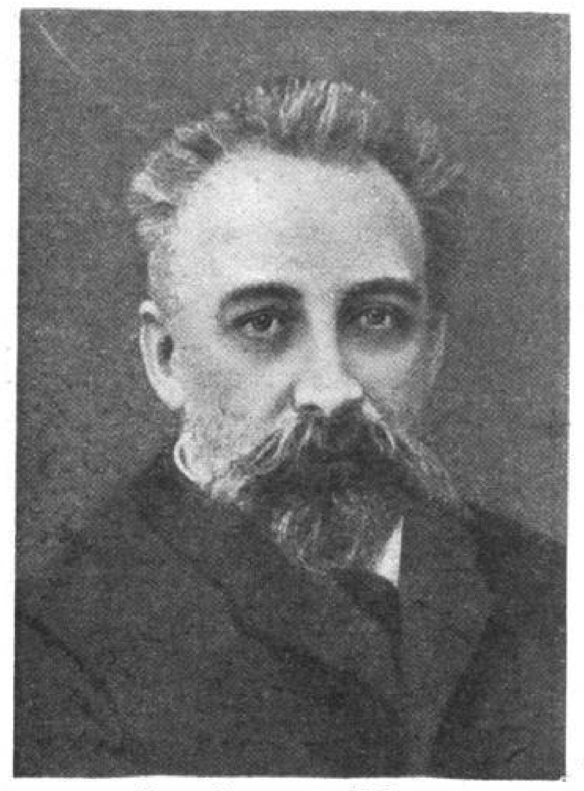
Десятки ученых проделывали простой опыт. Световой луч от электрической дуги падал на заключенное в сосуде легкое крылышко. Оно отклонялось, закручивая нить, на которой было подвешено, и по его отклонению исследователи могли измерить... что? Здесь-то и обнаруживались чудовищные трудности несложного, казалось бы, эксперимента.

Крылышко действительно отклонялось. Но его поворачивали удары молекул воздуха, неравномерное нагревание, движение воздуха в сосуде — многие силы, в тысячи раз превышавшие давление света.

Лебедев начал свои опыты большой теоретической работой, заранее изучив возможные ошибки. Он установил, что помехи убывают по мере разрежения воздуха, а чтобы устранить их, давление воздуха под колпаком нужно довести до одной стотысячной атмосферы. Но воздушные насосы того времени не позволяли создать такой совершенной пустоты.

Великий экспериментатор преодолел затруднение. В стеклянном баллоне, где стоял прибор, он помещал каплю ртути и слегка ее подогревал, в то же время непрерывно откачивая воздух, иногда по нескольку дней подряд. Ртутные пары вытесняли остатки воздуха, а когда они заполняли весь баллон, ученый замораживал их.

На работы по измерению светового давления на твердые тела ушло почти десять лет. За разработку одной лишь из частных проблем Лебедев получил докторскую степень, минуя магистерскую степень, без экзамена, и был утвержден профессором. За эти же годы сложилась «лебедевская школа», и сама собой пришла мировая слава. Работы Лебедева были опубликованы за рубежом на многих языках. Летом 1900 года на Международном конгрессе физиков в Париже он сделал сообщение о своем открытии. Рядом с его докладом стоял доклад Пьера и Марии Кюри об открытии радия.

Петр Николаевич Лебедев.

«Лебедевский подвал» — лаборатория, помещавшаяся в подвальном помещении университета,— стал его домом. Когда-то Лебедев записал в дневнике: «Обилие мыслей и проектов не дает мне спокойного времени для работы». Теперь его окружали ученики — его школа,— подхватывавшие его идеи, развивавшие их.

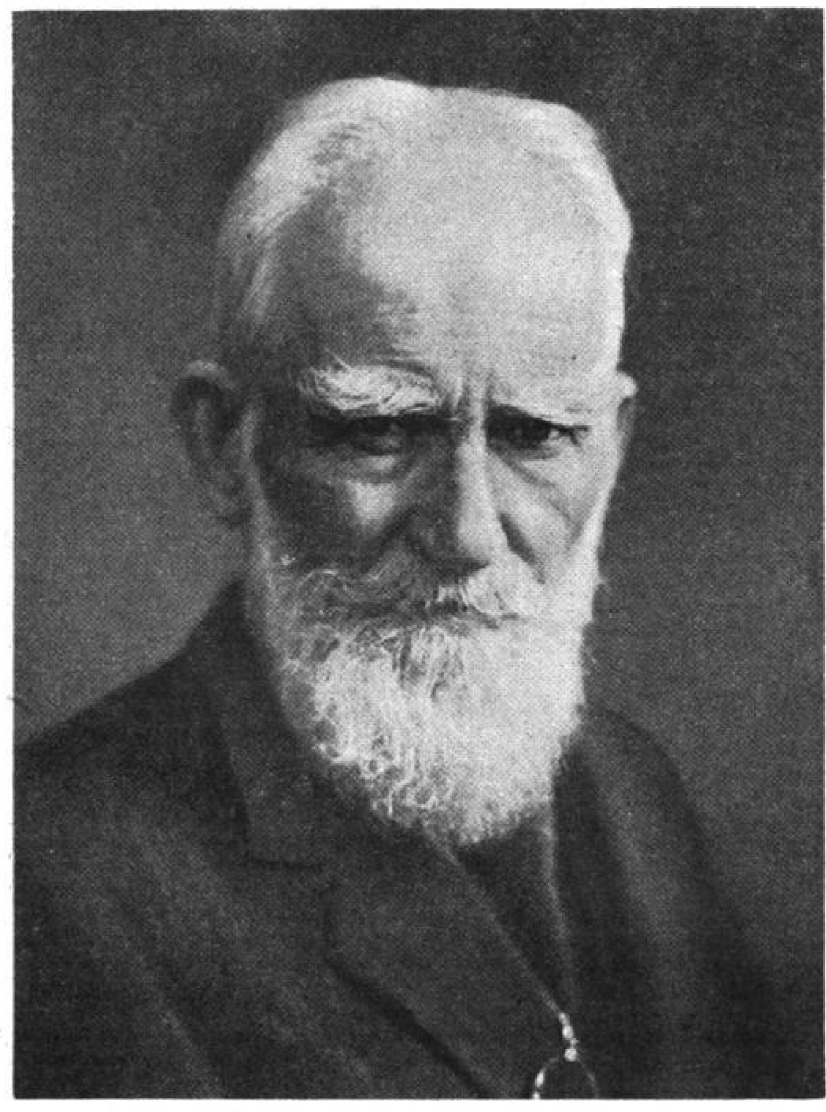
Это была подлинно коллективная работа— прообраз научно-исследовательских институтов наших дней. Одни исследовали волны на поверхности жидкости, другие — силу давления звука; искали способы обнаружения ультразвуковых волн; испытывали поглощение волн веществом; изучали трение газов при низких давлениях; строили спектрограф для инфракрасных волн — все это были детища Лебедева, возникшие как частные проблемы при изучении светового давления и развитие его учениками.

Лебедев был строгим учителем. Он не скупился на резкое словцо в минуту неудовольствия. Но ученики всегда были ему рады, и он шел в лабораторию не только работать, но и отдыхать, шел в неурочный час, иногда поздней ночью, и всегда радовался, находя там прилежных тружеников.

По средам в «подвале» происходили общие собеседования: ученики докладывали о новых работах, реферировали научную литературу, говорили о своих планах и надеждах. Но над всеми царило слово председателя, изумлявшего всех памятью, богатством и разнообразием знаний и личных воспоминаний.

Сюда приходили не только физики. К. А. Тимирязев, уже немолодой, не пропускал ни одной лебедевской «среды». Но часто собравшиеся с глубокой горечью видели, как их учитель внезапно бледнел, прерывал речь и, схватившись за сердце, доставал пузырек с лекарством — уже тогда исследователь был смертельно болен,—сердце его билось с перебоями. И все же он продолжал работать, никогда не отдыхая.

Еще десять лет короткой жизни ученого ушло на решение второй титанической задачи — измерения давления света на газы. Поистине нужно быть Лебедевым, чтобы проделать этот опыт. Было построено больше двадцати приборов — и все самим ученым, так как даже ювелиры отказывались делать эти тончайшие сооружения. Лебедев дошел до крайнего переутомления, но на требования

БЕРНАРД ШОУ

Умер 94 лет от роду Бернард Шоу. Сошел в могилу последний классик буржуазной Англии, в творчестве которого так своеобразно столкнулись сложнейшие противоречия его времени.

Шоу вступил в литературу, когда могуществу английского капитализма был нанесен удар промышленным кризисом конца 70-х годов. Шоу сошел в могилу, когда все более деградирующая английская буржуазия в страхе перед крепнущим лагерем коммунизма угодливо мирится с превращением Британской империи в «49-й штат».

Еще в 80-х годах прошлого века Шоу обратился к социализму, но это был специфически английский, реформистский социализм «фабианского общества», политику которого В. И. Ленин охарактеризовал как «самое законченное выражение оппортунизма». Фабианство наложило свой отпечаток на творчество Шоу. Но художник, искренне презиравший современную ему буржуазию, писатель острого критического ума и большой наблюдательности, Шоу зачастую вступал в противоречие со своей реформистской программой и создавал острую сатиру на господствующие классы Англии.

Сложность позиции Шоу породила известную умозрительность его творчества и парадоксальность многих его выступлений. Но это творчество органически враждебно эстетству, оно идейно. «Для чистого искусства, — восклицает писатель, — я не написал бы ни одной строчки!».

Шоу выступил как новатор английской драматургии, переживавшей до прихода писателя упадок. Пропагандируемую им драму сам Шоу определял, как «искусство столкновения идей». Острый глаз и не менее острое перо часто позволяли писателю довести это «искусство столкновения идей» до высокого художественного совершенства.

Правда, далеко не всегда остроумие Шоу направлено против наиболее существенного и типичного. Зачастую иронические стрелы драматурга отнюдь не смертельны. Нередко парадоксальность формулировок притупляет остроту сатирических выпадов. Английская буржуазия делала и делает «хорошую мину при плохой игре», пытаясь свести творчество Шоу к «остроумной забаве» и издавая даже календари Шоу, в которых на каждый день приводятся юмористические цитаты из Шоу. Но, несмотря на все свои противоречия, Шоу доставил буржуазной Англии, да и всему капиталистическому миру, немало неприятностей.

Рассказывая о своем вступлении в драматургию, Шоу писал: «Мне приходилось прокладывать себе путь с пером наперевес». В первую очередь это относится к ранним его пьесам, многозначительно названным «Неприятные пьесы». Какой пощечиной респектабельной Англии прозвучала комедия этого цикла «Профессия госпожи Уоррен», героиня которой в содружестве с капиталистом Крофтом организует целый «концерн» публичных домов, приносящих вполне «законную» и «естественную» в буржуазном обществе прибыль!

И пусть в собрании сочинений Шоу наряду с «Неприятными пьесами» значатся «Приятные пьесы», пусть в иные годы он ослаблял резкость своей критики капитализма, но великое достоинство писателя в том, что его живой, критический ум помог ему разглядеть подлинную правду буржуазной действительности и запечатлеть ее пороки в изумительных по остроумию и памфлетной беспощадности картинах.

«Правдивым фарсом» назвал Шоу свой памфлет «Огестус выполняет свой долг». Но таким же «правдивым фарсом» можно назвать и ряд других его пьес, изобличающих фарисейство английской буржуазии.

Лев Толстой ценил в Б. Шоу именно то, что он — писатель, «очень хорошо вскрывающий лицемерие современного общества».

В памфлете «Справочник революционера» Шоу издевается над вековечным ханжеством и лицемерием респектабельного английского общества: «Общественная ложь принимает гигантские размеры, так что в этом отношении карманный вор, арестованный полицией, не больше лжет, чем министр, восседающий на министерской скамье... подлость стала общераспространенным явлением: патриотизм, общественное мнение, родительские обязанности, дисциплина, религия, нравственность, — все это лишь красивые слова...».

Великолепно охарактеризовано традиционное лицемерие английского капиталиста и в пьесе «Человек судьбы»: «...всегда на все у него наготове эффектная поза нравственного человека. В качестве великого борца за свободу и национальную независимость завоевывает он и присоединяет к своей стране полмира... на брамстеньгу прибивает флаг с крестом и носится по морю во все концы мира, топя, сжигая и разрушая все, что оспаривает его господство над водами».

Глубоким стариком встретил Б. Шоу вторую мировую войну. И хотя издалека не все было ясно писателю, но лицемерие правителей Великобритании, рядящихся в тогу освободителей человечества, и на сей раз не обмануло его. В 1939 году он высмеивает английскую «болтовню относительно свободы, демократии и всего того, что мы упразднили у себя в стране».

В 1940 году Шоу напоминает Черчиллю, декламирующему о свободе, что «в 1920 г., когда Россия была истощена, а ее армия представляла собой горстку оборванных, босых молодых людей, мистер Черчилль захватил сотни миллионов денег, предназначенных для целей войны с Германией, и... снарядил экспедицию против Советов, надеясь свергнуть их».

Замечательный сатирик срывает идиллическую маску и с американской демократии. Еще в 1903 году в памфлете «Справочник революционера» Шоу писал: «В Америке нет феодальных баронов. Но у нее имеются тресты, имеются миллионеры, конторы которых ограждены электрическими проводами и защищены пинкертоновскими наемниками с заряженными ружьями... Если бы Вашингтон или Франклин могли предвидеть современную действительность!..»

В силу своих фабианских предрассудков Б. Шоу не всегда правильно понимал политику нашей страны, но, сопоставляя Советский Союз с деградирующим капитализмом Англии и Северной Америки, Шоу не мог не придти к знаменательным выводам. В речи по радио по поводу своей поездки в СССР Шоу заявил: «Россия оставила нас в хвосте... Сейчас мы банкроты». В этих словах — приговор писателя агонизирующему буржуазному обществу.

Я. МЕТАЛЛОВ

врачей бросить работу отвечал: «Пусть я умру, а работу доведу до конца». И он завершил ее.

Лебедев на вершине славы. Но ему мало достигнутого. В его уме уже созрел новый великий замысел. На этот раз он хотел найти причину земного магнетизма.

Ученый предполагал, что вокруг всякого вращающегося тела должно образовываться магнитное поле. Но это отвлеченная теория. Он часто повторял ученикам: «Еще Менделеев говорил: «Оно, конечно, сказать все можно, а ты пойди, демонстрируй!»

Работа была начата, первые опыты поставлены, как вдруг разразилась катастрофа.

В 1911 году в знак протеста против действий царского правительства Лебедев вместе с большой группой профессоров демонстративно вышел в отставку. Он оставил университет, которому отдал двадцать лет жизни, покинул лабораторию, любимых учеников — только потому, что не хотел мириться с полицейским произволом.

Как только весть об его отставке разнеслась по миру, он получил приглашение Нобелевского института переехать в Стокгольм. «Естественно, что для Нобелевского института было бы большой честью, если бы Вы пожелали там устроиться и работать, — писал директор института знаменитый Сванте Аррениус, — и мы, без сомнения, предоставили бы Вам все необходимые средства, чтобы Вы имели возможность дальше работать... Вы, разумеется, получили бы совершенно свободное положение, как это соответствует Вашему рангу в науке».

Расстаться с родиной?! Никогда, решил Лебедев. На общественные средства была восстановлена его лаборатория, уже строился специальный новый физический институт. Но больное сердце ученого не выдержало волнений. Через несколько месяцев после отставки, весной 1912 года, он скончался в возрасте 46 лет.

Прошло полвека со дня великого подвига Лебедева, но с каждым днем все шире раскрывается роль давления света в космических процессах. Оно управляет образованием кометных хвостов и движением пылевой материи, на нем зиждется внутреннее равновесие звезд и процессы в звездных атмосферах; повидимому, огромную роль оно играет и в образовании звезд и туманностей. Значение лебедевского давления света становится равным значению ньютонового тяготения.

Тончайшие методы современной науки позволили измерить магнитные поля Солнца и некоторых звезд. Эти данные как будто подтверждают гипотезу о связи вращения небесных тел с их магнитными полями. Но подтвердить это точно может лишь лабораторный опыт. Однако никто за него пока не берется.

В наши дни все шире раскрывается огромное философское значение лебедевского научного наследства. Ведь, по существу, Лебедев установил ту связь между массой и энергией, которая является основой основ современной физики. Он не только измерил давление света, но и определил его массу: он буквально «взвесил свет»!

Гениальная работа Лебедева — это важнейший экспериментальный узел, определивший развитие теории относительности, теории квант и современной астрофизики. Соотношение, выведенное Лебедевым, приобрело в наши дни огромное практическое значение как основное уравнение физики атомного ядра. С другой стороны, оно утверждает единство материи и энергии и материальность всего познаваемого мира.

Физический институт Академии наук СССР, строившийся для Петра Николаевича Лебедева, ныне носит имя своего основателя. Это достойный памятник великому ученому.

Лектор из колхоза

Фото С. Осипова и Н. Козловского
Текст С. Хмельнова

Сказано вполне точно: лектор из колхоза. Недавно в Белой Церкви на научной конференции вузов наряду с видными учеными Украины читала лекцию доярка Мария Шиян из колхоза имени Кагановича, Киевской области. Она держала себя на кафедре просто и с достоинством, на вопросы аудитории отвечала уверенно и убежденно, как человек, взгляды которого прочно сложились на основе длительной практики.

Доярку спросили:

— Интересно, Мария Васильевна, сколько в среднем кормовых единиц вы расходуете на получение литра молока от закрепленных за вами коров?

У животноводов принята условная кормовая единица — один килограмм овса. Все расчеты по кормлению животных зоотехники исчисляют в этой единице.

Не прибегая к записной книжке, Мария Шиян привела напамять исчерпывающую справку:

— На каждый литр молока я расходую в среднем половину кормовой единицы, точнее сорок девять сотых. Но я не люблю средних цифр. Они хороши только для статистики и не вскрывают всей сложности нашей работы. Корова корове рознь. При кормлении я всегда применяюсь к индивидуальным особенностям животного.

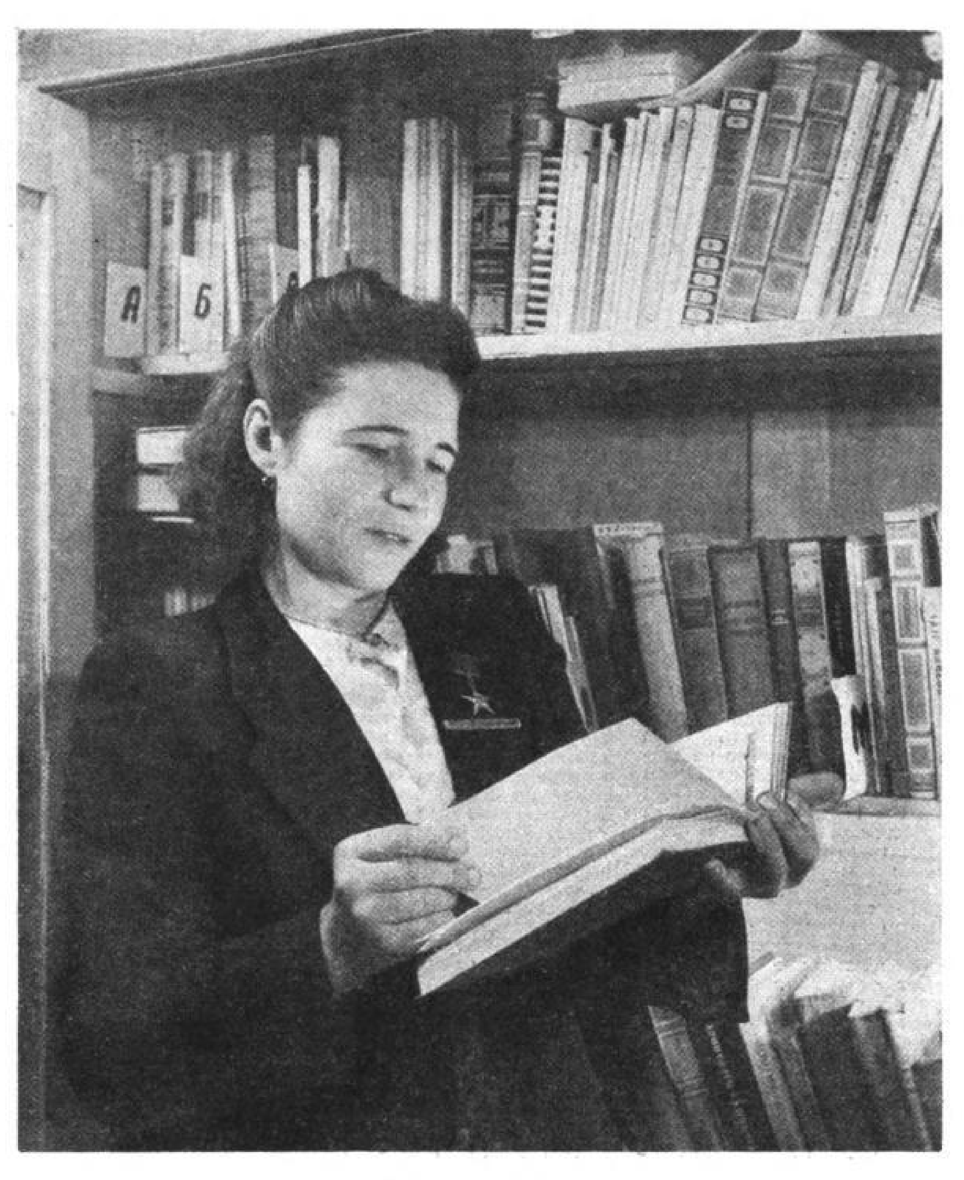
Мария Шиян объяснила, что она имеет в виду живой вес коровы, крепость ее телосложения, ее вкусы.

— Да, да! — подтвердила свою мысль доярка. — Если вы намерены взять от коровы 5—6 тысяч литров молока за лактацию, если вы намерены продлить ее жизнь, считайтесь с физическими качествами и нравом животного. Молоко у коровы на языке, и у каждой есть свои любимые «блюда». Малейшее нарушение привычек коровы, понервничает она из-за пустяков — и сразу же сбавит молока. Вот и рухнут все расчеты, не оправдаются кормовые единицы...

Талантливая доярка подробно изложила перед аудиторией сущность ее метода раздоя, рассказала о строгом распорядке на ферме, расписанном по часам в зависимости от сезона. Образным языком она нарисовала картину законченного «технологического» процесса, словно это не молочная ферма с коровами и доильными аппаратами, а своеобразный биохимический завод.

Опыт Марии Шиян основан на освоении и использовании физиологических и биологических законов, открытых Мичуриным и Павловым. Пользуясь этим, Шиян в короткий срок удвоила и даже утроила удои. Правительство присвоило ей звание Героя Социалистического Труда.

Мария Васильевна твердо убеждена, что ее метод работы доступен всем дояркам, и не жалеет энергии для его пропаганды. Она часто пишет в газетах, выступает по радио, не оставляет без ответа ни одного письма.

Мария Шиян.

«Маруся, не беспокойся, у нас все в полном порядке...» — подруги-доярки сердечно встретили Марию Шиян, вернувшуюся с конференции.

Колхоз имени Кагановича досрочно выполнил трехлетний план развития общественного животноводства. Стало тесно на ферме, и колхоз строит новый телятник.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Во имя мира

Есть книги, о которых можно сказать, что они становятся в строй, занимают огневую позицию в борьбе за светлое будущее человечества.

Такую книгу выпустила в 1949 году в свет немецкая писательница-коммунистка Анна Зегерс. Она дала ей название «Мертвые остаются молодыми». Это произведение, созданное честным и талантливым художником, устремлено к борьбе за мир во всем мире и помогает немецкому народу осмыслить свое прошлое во имя настоящего и будущего.

Немецкий народ, мужеством советских войск спасенный от гитлеровского режима и основавший Германскую демократическую республику, с особенной силой ощутил необходимость и обязанность познать свое прошлое. Не случайно немецкая печать уже обогатилась такими документами, как работа Вильгельма Пика «К истории коммунистической партии Германии. 30 лет борьбы» и как биография Эрнста Тельмана, написанная Бределем.

Роман «Мертвые остаются молодыми» охватывает жизнь немецкого народа за период от установления буржуазной республики до крушения гитлеризма.

Книга на первый взгляд кончается тем же, с чего началась: смертью человека, которого убивают за то, что он восстает против войны и рабства. Убийце почудилось даже, что перед ним в 1945 году тот же человек, что и в 1919 году (Анне Зегерс легко это правдоподобно обосновать, так как расстрелянные — отец и сын). И все же достаточно внимательно прочитать роман, чтобы убедиться, что отец и сын умирают по-разному, так как между этими двумя смертями пролегла судьба целого народа. Однако, живя и умирая по-разному, отец и сын связаны друг с другом преемственностью, в силу которой борьба народа за мир и свободу продолжается и «мертвые остаются молодыми».

В историю Германии вписаны имена Эрнста Тельмана, Фите Шульце, Вальтера Хуземана, Ганса и Гильды Коппи и многих других мужественно сражавшихся с фашизмом и павших на боевом посту. Но наряду с величественными примерами гражданской доблести, проявленной коммунистами, история немецкого народа продемонстрировала всему миру и другой пример — роковой пример того, как народ, не сумевший противостоять намерениям поджигателей войны, в конечном счете сам оказывается жертвой совершенного ими преступления.

Анна Зегерс требует от всех народов и от своих соотечественников сознания ответственности за дело мира.

В центре внимания писательницы семья берлинского рабочего Гешке. Гешке — старый социал-демократ. Дома он хранит винтовку для того, чтобы в случае необходимости пойти сражаться за правое дело. Но винтовка Гешке не стреляла ни в 1933 году, когда фашисты подожгли рейхстаг, ни позже, когда фашисты разнесли пламя народоубийственной войны по всему миру. Вильгельм Пик отметил, что наличие внутри рабочего класса Германии раскола между социал-демократами и коммунистами губительно сказалось на истории немецкого народа.

Гешке — рабочий, насущные интересы которого расходятся с интересами партии социал-предателей. Но Гешке чуждается коммунистов и остается одиноким. Растерянный, изверившийся, он пассивно переживает трагедию родины и гнетущее сознание собственного банкротства. Много позднее Гешке наконец начинает понимать, что ответственность за свободу и мир нельзя перекладывать на чужие плечи. Гешке умирает во время воздушного налета на Берлин, умирает, едва успев примкнуть к подпольщикам.

Жизнь жены Гешке, Марии, изображена Анной Зегерс как остающийся незаметным подвиг труда и материнской любви. Марию, в молодости мечтавшую только о четырех стенах собственного дома, в которых родился бы и вырастал ее сын, писательница ведет путем, похожим на путь горьковской Пелагеи Ниловны. Когда сын Марии становится подпольщиком-антифашистом, Мария не может не поддержать его. Однако между Пелагеей Ниловной и Марией Гешке все же существует колоссальная разница. Пелагея Ниловна стала идейным и самостоятельным борцом за дело рабочего класса. Мария Гешке не в состоянии подняться до такой высоты даже тогда, когда, потеряв все, что было ей дорого, она начинает участвовать в саботаже.

В романе среди многих ярких эпизодов есть один незабываемый. Немецкий коммунист, полумертвый от пыток, подвергается допросу в дни, последовавшие за поджогом рейхстага. Гестаповцу кажется, что он придумал способ сломить этого несгибаемого человека: сказать ему, что Димитров в СССР, а что он, немецкий коммунист, умрет. Гестаповец ждет вспышки низменных чувств: зависти, ненависти умирающего к тому, кто будет жить. Но коммунист отвечает радостным взглядом. Так А. Зегерс изобразила торжество высокой коммунистической морали, согласно которой ценность жизни и мера счастья определяются участием человека в борьбе за народное благо.

В годы фашистского режима, когда молодежь подвергалась развращающему воздействию гитлеровской пропаганды, юноша Ганс, сын спартаковца Эрвина, расстрелянного в 1919 году, был подпольщиком. Писательница правдиво досказала до конца его жизненную историю. В самых суровых главах своей книги Зегерс повествует о том, как Ганс становится гитлеровским солдатом и стреляет в русских. Показав глубину падения своего героя, который воевал против СССР, единственного в мире отечества трудящихся всех стран, Зегерс с особо жгучей силой заклеймила идеологию безответственности, выжидания, уклонения от немедленного и решительного выполнения гражданского долга, гнездившуюся в сознании даже тех, кто занимал сначала явно антифашистские позиции.

В 1945 году Ганс возвращается в ряды борцов с фашизмом, и его расстреливают за попытку организовать коллективный побег к русским. Образ Ганса обрисован со скорбной, большой, почти материнской любовью, но это только часть правды.

Показанный же в романе революционер-профессионал Мартин изображен размышляющим, но не действующим.

Роман был бы неизмеримо значительней, если бы идея преемственности народно-освободительной борьбы нашла воплощение не только в образе Ганса, но и в художественно полноценных образах коммунистов, ни на секунду не прекращавших борьбы с врагом.

В романе показано, что уже в 1945 году немецкие дельцы, в руках которых гитлеровские заправилы были удобными марионетками, могли рассчитывать на поддержку США.

А. Зегерс ясно, что опасность фашизма продолжает нависать над миром. Борясь с нею, писательница показала тех, кому выгоден фашизм.

Однако именно те части произведения, в которых повествуется о врагах народа, оказались наименее удачными. Так, в полном противоречии с передовым мировоззрением находится идеализированный образ прусской аристократки Амалии фон Венцлов. В отдельных случаях писательнице мешает некий объективистский психологизм, бесстрастное погружение в переживания отрицательных героев.

Но все это не умаляет значения этой книги, глубоко реалистичной и, несмотря на трагическую судьбу главных героев, проникнутой большим оптимизмом.

Последние строки романа написаны не о смерти, а о рождении — о рождении сына антифашиста Ганса, внука спартаковца Эрвина. Так А. Зегерс жизнеутверждающе намечает перспективы судеб немецкого народа.

Приветствуя основание Германской демократической республики, товарищ Сталин писал, что если русский и немецкий народы «проявят решимость бороться за мир с таким же напряжением своих сил, с каким они вели войну, то мир в Европе можно считать обеспеченным».

Роман А. Зегерс, безусловно, принадлежит к числу ценных произведений современной немецкой литературы, которые воспитывают в немецком народе эту решимость бороться за мир.

Л. СИМОНЯН

Анна Зегерс. МЕРТВЫЕ ОСТАЮТСЯ МОЛОДЫМИ. Издательство иностранной литературы. 1950. 584 стр.

«Новая красота человеческая»

В рассказе Сергея Антонова «Весна» старый колхозник вдовец Савельич вспоминает, «как свою покойницу сватал»:

«Гулял с ней, гулял... хороша была, а тут, как жениться,— не люба! Нос махонький, губы, конечно дело, толстые, ровно у арапа, и, самое главное, как засмеется она, так всю верхнюю десну открывает, а десна синяя. И диву я тогда дался, как это я, дурень, столько времени за ней ходил, а такого дефекта не заметил?.. А на другой день помирает, конечно дело, ейный дядя-мельник, и вся мельница достается ейному батьке... И вижу — нос не так уж махонький, и губы не толсты, а что десну выказывает, когда смеется,— тоже, думаю, не беда: со мной поживет — не больно часто выказывать будет. Вот оно как поворотилось. Отсюда и понял я, что человека красило богатство! Богатство при человеке было главной красотой. А теперь что есть главная красота в человеке?»

Свои молодые годы Савельич стал вспоминать потому, что его сын Василий, недавно вернувшийся с фронта, ныне председатель колхоза, тоже ухаживает за девушкой, которая ему не люба. Но почему не люба Василию ветеринар Лелька — вот чего не понимает старик:

«Двадцать пять лет парню, девка красавица, ученая, самостоятельная... Я его спрашиваю, а он говорит, что не это в человеке главная красота... не поймешь молодых. Что есть в человеке главная красота?»

Из прошлой жизни Савельич знает: красило человека богатство. Что же его красит нынче?

На этот вопрос с блеском художественного дарования и отвечает рассказом «Весна», целым сборником рассказов — первой своей книгой — молодой писатель Сергей Антонов.

С того времени, как вернулся Василий, жизнь в колхозе пошла по-новому. Перед нами проходит трудовой день председателя артели. Мы видим, как он заводит машину, хоть и неисправен аккумулятор, как он, стоя на коленях, промеряет глубину закладки зерен и любовно покрывает зернышко землей. «Не зерно ты, парень, а душу свою в землю кладешь», — говорит ему колхозник, и он отвечает: «Погоди, летом послушаешь, как душа наша на этом поле зашумит».

Чем больше наблюдает Василия бригадир Нюша, от имени которой ведется рассказ, тем сильнее она верит в него. Под его влиянием она становится стахановкой. И знакомый Нюше с детства соседский парень Васька, в котором, как ей казалось вначале, «ничего нет интересного», постепенно овладевает ее сердцем. Она, да и вся деревня, величают его теперь: Василий Карпович.

«Василий Карпович поднял обеими руками ведро и стал пить, запрокинув голову, и капли, как бусинки, скатывались на землю по его шинели, не оставляя следа, и мне стало завидно, что он так умаялся, и самой захотелось так же сладко умаяться, отереть пот со лба и приникнуть к воде, от которой пахнет мокрым железом».

В одной этой фразе целая поэма любви. Пьет воду с привкусом железа умаявшийся от работы Василий. Нюша только глядит на него и любуется им, но в немом ее любовании угадывается много чувств и дум.

Любит Нюшу и Василий, хоть не смеет выказать своего чувства. Сближает их общий труд на благо Родины, в котором проявляются их лучшие нравственные, душевные качества.

Герои рассказов и очерков С. Антонова — советские люди разных профессий и возрастов.

Очерк «3019-я морская» знакомит нас с жизнью бакинских нефтяников. Увлеченно рассказывает писатель о вдохновенном труде лучшего передовика треста «Сталиннефть», мастера Мирзы Бедирханова и его помощников. Мирза придумал новые, интереснейшие приспособления, повышающие отдачу нефти скважинами. Он говорит своему помощнику:

«...наша работа не шагом идет, а бегом бежит. Борьба идет... Это для коммунизма надо. Вот что надо помнить в первую очередь, когда ты берешь обязательство, Исмаил...»

И в очерке С. Антонов показывает, как беззаветно работают люди, которые в первую очередь думают о коммунизме.

Приметы коммунизма, чудесные черты в характере наших людей и есть озаряющая человека «новая его красота». Рассказ «Утром» автор так и заканчивает словами: «Мы едем весенними полями и рощами, и я долго думаю о новой красоте человеческой...».

В рассказах Сергея Антонова многообразно раскрываются люди нашего послевоенного времени. В каждом рассказе обрисовано до десятка людей, и все они четко индивидуализированы.

Чтобы так писать, нужно досконально знать современную действительность, надо хорошо знать и как формируется социалистическое сознание, проявляющееся и и в труде и в быту. Тут требуются острая зоркость, чуткий слух, большая сосредоточенность внимания, фантазия, способность живого воспроизведения, то есть нужен талант.

С. Антонов достигает меткости характеристик и полнозвучия повествования главным образом мастерской индивидуализацией речи. Ведется ли рассказ от имени крестьянской девушки, комсомолки, землемера, говорит ли старый колхозник, или доктор, или сержант, или тракторист, в самом словаре людей, в их речевой интонации, в подборе эпитетов сразу видно, с кем имеешь дело, видны возраст человека, его культурный уровень, понимание жизни.

Сюжет рассказов Сергея Антонова поразительно подвижен, насыщен действием. Он жизненно правдиво отражает то руководимое партией коллективное действие, которым ныне до краев полна наша жизнь.

Чтобы коротко и выразительно рассказать о счастливой, большой жизни советских людей, Антонов использует все разнообразие красок своей палитры — лиризм, юмор, умелое обыгрывание художественной детали, образность речи.

Мальчик, от имени которого ведется рассказ «По дороге идут машины», передает, как он проснулся ночью: «Слышу — шумят машины, и изба тихонько дрожит, и ведро постукивает дужкой, и белый след окна проползает по стенке и по потолку».

Одно из лучших произведений С. Антонова — повесть «Лена». Своевольная Лена исполнена девичьего лукавства. Она совершает одну озорную проделку за другой. Но за этим озорством таятся страстная натура новатора, большие человеческие чувства.

К уснувшей после многих волнений и трудов Лене обращена немая речь матери.

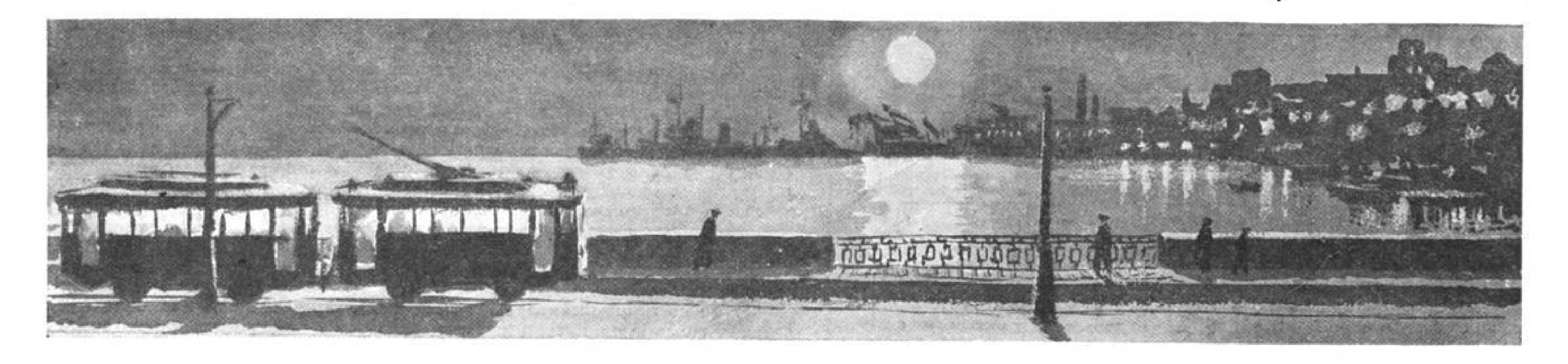
Мать не смеет приласкать дочку и мысленно говорит ей:

«...Милая моя доченька!.. Что тянет тебя на непривычные, на самые трудные дела?»

Мать Лены, как и Савельич, отец Василия Карповича, не всегда понимает молодежь, но смутно чует в них «главную в человеке красоту» — нравственное, душевное богатство. Оно рождено новым, коммунистическим отношением к труду, любовью к человеку, к социалистической Родине.

И. ЛЕЖНЕВ

Сергей Антонов. «ПО ДОРОГАМ ИДУТ МАШИНЫ». Рассказы и очерки. «Советский писатель». Л. 1950. 224 стр.

В ПРИМОРСКОМ ГОРОДЕ

Повесть

Михаил МАКЛЯРСКИЙ

Рисунки О. Верейского

Глава первая

Осень, как всегда в этих краях, была великолепна...

Впрочем, подполковнику Никонову — записному охотнику и рьяному любителю природы — сейчас было не до осенних красот. Он находился сейчас во власти одной мысли: «Кто подменил ампулу?»

У Никонова была давняя привычка: в минуты глубокого раздумья заниматься какой-нибудь, хоть самой пустяковой, физической работой. Если он размышлял, сидя за своим письменным столом, то работа эта обычно сводилась к одной и той же автоматической операции: с удивительной ловкостью он оттачивал один за другим карандаши, десятка полтора которых торчало из высокого массивного стакана зеленовато-желтого стекла.

Аккуратные, чуть загнутые стружки падали в пепельницу, а мозг подполковника, словно отгороженный от всего внешнего, функционировал в это самое время с интенсивностью не меньшей, чем руки.

Секретарь Никонова Артемьев по количеству стружек и пепла довольно точно представлял себе, сколько забот выпадало на долю его начальника в тот или иной рабочий день.

...Карандаши давно уже были очинены, и руки пребывали в вынужденном бездействии, мозг же все еще трудился над загадкой, которую принесли с собой вчерашние события.

Никонов напряженно раздумывал над фактами, имевшими, как ему казалось, отношение к совершившемуся вчера преступлению. Он пытался в этой груде фактов разглядеть связующие звенья, найти естественный порядок, потому что только в естественном порядке расположенные факты могли привести к ответу на вопрос о том, кто виновен в подмене ампулы.

Стремясь воссоздать эту объективную картину, подполковник мысленно вернулся к тому июльскому воскресному дню, когда впервые возникла убежденность, что инженер Дмитриев привлек к себе внимание иностранной разведки...

Лето выдалось на редкость знойное. Даже близость моря не умеряла жары. По воскресным дням в полуденные часы город замирал: жители отсиживались в домах, прикрывая окна ставнями, занавесками, или с утра устремлялись на огромный золотистый пляж, тянувшийся добрых пять — шесть километров.

Просторный служебный кабинет Никонова был защищен от палящих лучей плотными портьерами. Солнце проникало лишь через две — три узенькие щели, но, отразившись сначала в темном зеркале паркета, потом на потолке, на стенах, увешанных географическими картами, освещало комнату все же достаточно сильно, чтобы можно было читать или писать, не напрягая зрения.

Никонов сидел за большим письменным столом мореного дуба. Электрический вентилятор гнал в его сторону струю воздуха. Это не приносило заметного облегчения — воздух был слишком нагрет, и подполковник временами доставал из кармана платок, вытирал им лицо и шею, глубоко залезая за полурасстегнутый воротник чесучового кителя.

По другую сторону стола в одном из двух глубоких кресел сидел старший лейтенант Киселев, высокий блондин с осанкой спортсмена. Лицо его выражало крайнюю степень внимания.

— Так и не догадываетесь? — спросил Никонов собеседника.

На лоб Киселева, увенчанный шевелюрой непокорных волос, набежали мелкие морщинки.

— А знаете почему? — продолжал подполковник.— Потому что в своих рассуждениях вы ограничили себя узким кругом фактов. И притом фактов, так сказать, близлежащих. Между тем в нашей работе важно уменье широко мыслить, уменье связывать факты, которые на первый взгляд кажутся совершенно не зависящими друг от друга...— Никонов вынул из стола небольшую папку и положил ее перед собой.— Вам известно о врачебном консилиуме? О его результатах?

— Известно.

— Что ж, и это не навело вас ни на какие размышления?

Киселев недоумевающе пожал плечами.

— Вам известно,— терпеливо продолжал подполковник,— что на консилиуме обсуждалось предложение приезжего профессора направить инженера Дмитриева на курортное лечение за границу?

— Но ведь Дмитриев серьезно болен... Вы же это знаете.

— Это-то и заставляет меня задумываться. Предположим на минуту такую нелепость: Дмитриев симулирует болезнь. Тогда все ясно, и я бы не стал предлагать вам решать этот ребус... Да еще в такой жаркий день... Чорт бы ее побрал, эту жару!

Никонов снова вытер лицо платком, бросил его на стол и развернул папку. Перелистав несколько бумаг, скрепленных скоросшивателем, он нашел протокол консилиума.

— Дмитриев действительно серьезно болен. К тому же он категорически отказался ехать за границу... и вообще ехать куда бы то ни было...— Подполковник перевел взгляд с протокола на собеседника.— Мы с вами знаем, что состояние работы, безусловно, требует постоянного присутствия Дмитриева в ОКБ, хотя дела и идут успешно.

Никонов снова перевел взгляд на бумагу.

— Наумова поддержала своего пациента, заявив, что любое длительное путешествие плохо отразится на его здоровье. Вакулов тоже высказался против, причем к аргументации Наумовой прибавил, что

Старейший рабочий поэт

И. А. Назаров.

В древнем русском городе Суздале, в маленьком домике на улице Льва Толстого, живет старейший русский рабочий поэт Иван Абрамович Назаров. За последние годы это имя редко встречалось в печати. Между тем И. А. Назаров прожил яркую творческую жизнь и, несмотря на преклонный возраст — 72 года, — продолжает много работать.

Иван Абрамович приветливо встречает нас у ворот своего дома, где он живет почти полвека. В доме на стенах картины, написанные поэтом, много редких фотографий с автографами.

Подростком, живя в нужде и лишениях, Назаров упорно занимался самообразованием и начал писать стихи. В дальнейшем ему пришлось перепробовать десятки профессий: он был певчим переплетчиком, декоратором, книгоношей, землекопом, железнодорожным рабочим, приказчиком в бакалейной лавке и даже дворником; восемь лет проработал на Тейковской и Ивановской текстильных фабриках.

В 1900 году И. А. Назаров вступает в Суриковский литературно-музыкальный кружок, а в 1910 году организует в Суздале кружок писателей из крестьян и рабочих. Перу Ивана Абрамовича принадлежит десять книг. Его произведения отображали горькую долю рабочих на фабриках и заводах, будили ненависть к царизму, фабрикантам и заводчикам, звали к борьбе за свободу и счастье. В послеоктябрьские годы в творчестве рабочего поэта зазвучали новые темы — темы созидательного труда, победного шествия социализма.

В Суздале, Вязниках и Воронеже под редакцией И. А. Назарова еще до революции были изданы на товарищеских паях четыре альманаха «Пробуждение». В них участвовали писатели и поэты, вышедшие из самых глубин рабочего класса и крестьянства.

Недавно И. А. Назаров закончил книгу «Мой путь». Это воспоминания о встречах и переписке с выдающимися русскими писателями, в том числе с великим Горьким, письма которого Иван Абрамович любовно бережет.

35 лет жизни Иван Абрамович отдал работе над биобиблиографическим словарем, посвященным писателям и поэтам из народа. В 1929 году он послал первый вариант своего труда на отзыв Алексею Максимовичу Горькому. «Словарь Ваш я считаю книгой полезной», — ответил ему Горький и сопроводил свой отзыв ценными дополнениями и советами.

И. А. Назаров непрерывно пополнял и расширял словарь. Ныне в рукописи более 750 имен русских писателей и поэтов из рабочих, крестьян, солдат, ремесленников, начиная от торгового человека Афанасия Никитина, выпустившего в XV веке описание своего путешествия в Индию, и кончая пролетарскими поэтами, выступавшими в канун Великой Октябрьской социалистической революции в «Звезде» и «Правде».

Недавно в гостях у И. А. Назарова побывали писатели Всеволод Иванов, Ираклий Андроников, Эммануил Казакевич.

Словарь И. А. Назарова представляет большую ценность. Ничего подобного нет в нашей биобиблиографической литературе — таково единодушное мнение посетивших Ивана Абрамовича писателей.

Ал. ЛЕСС

наша медицина и наши курорты ничем не хуже заграничных... Таким образом, приезжее светило медицинской науки осталось в одиночестве...

Подполковник замолчал.

— Все еще не понимаете?

— Не понимаю, товарищ подполковник,— с искренним огорчением признался старший лейтенант.

— Плохо... Плохо, товарищ Киселев! — огорчение звучало теперь в голосе Никонова.— Давайте танцевать от печки... Работа Дмитриева, как вы знаете, имеет исключительно важное значение, и раскрытие планов инженера причинило бы нашей Родине огромный ущерб. Следовательно...

Никонов взглянул поверх головы Киселева куда-то вдаль, точно в этой дали хотел разглядеть нечто ему самому еше не вполне ясное.

—...Следовательно,— продолжал он, размышляя вслух,— нельзя сомневаться в том... что охотники раскрыть... то, что нам поручено сохранять в тайне, несомненно, имеются... и охотники энергичные, матерые, не останавливающиеся ни перед чем...

Никонов замолчал. Взор его все еще блуждал где-то далеко за пределами кабинета. Киселев замер в ожидании слов, которые наконец должны были принести разгадку. Правильней сказать, он уже начал — так, во всяком случае, ему казалось — понимать ход мыслей подполковника, и тем не менее вопрос последнего застал его врасплох.

— Вы сталкивались с ними? — спросил Никонов.— Я хочу сказать: ощущали по каким-нибудь конкретным фактам, по каким-нибудь хотя бы неясным намекам, что они уже шныряют поблизости от Дмитриева?

— Нет, Леонид Федорович, я... конечно, я понимал, что рано или поздно...

— Ну, так вот! — перебил подполковник старшего лейтенанта и встал.— Сидите,— сказал он Киселеву, намеревавшемуся вскочить с кресла,— считайте, что это «рано или поздно» уже наступило!.. Я не утверждаю. Но мы обязаны предположить, что за советом профессора-консультанта скрывается отнюдь не забота о здоровье Дмитриева... И тогда следует попросить Москву, чтобы она заинтересовалась, не подсказывал ли кто-нибудь профессору... Повторяю, это не утверждение, а предположение, но мы его сделать обязаны...

Никонов нагнулся над столом, взял карандаш и что-то записал в блокноте.

— Теперь взгляните на все это с другой точки зрения. Вполне можно себе представить, что наши местные эскулапы, лечащие Дмитриева, настолько терроризированы его властным характером...— подполковник почесал затылок и с комической растерянностью посмотрел на собеседника.—...Этот чудный характерец мы, кажется, оба испытали на своей шее?.. Так вот, может быть, они идут на поводу у своего пациента. Может быть, нужно насильно заставить его прервать работу именно в интересах дела? Может быть, режим, который они установили... эти систематические инъекции только на время оттянут необходимость санаторного лечения, и еще неизвестно...

Стоявшие в углу кабинета часы своим громким и торжественным боем перебили речь подполковника.

Киселев с беспокойством сказал:

— Уже пять...

— Ну и что? — удивился подполковник.

— А жара все не спадает. Подумайте, Леонид Федорович, какое будет пекло на стадионе.

Никонов улыбнулся.

— Я и забыл! — сказал он.— Вы ведь сегодня судите матч?

— Я,— не без гордости ответил Киселев.

— Ну, так вам, пожалуй, пора, а я еще часок поработаю и тоже махну на стадион.

Киселев встал:

— Какие будут приказания, товарищ подполковник?

— Телеграмму в Москву составлю я сам. Вам же придется в число своих объектов включить также и заводскую поликлинику. Завтра мы это обсудим.

После ухода Киселева подполковник Никонов занялся просмотром свежих иностранных газет.

Перелистав десятка полтора страниц, он увидел статью Болдуина, обозревателя газеты «Нью-Йорк таймс». Это была вторая его статья из серии, посвященной послевоенной деятельности американской разведки. Подполковник отчеркнул толстым цветным карандашом следующие строки:

«В числе сотрудников всех американских посольств за границей имеются агенты, состоящие на службе у недавно созданного центрального разведывательного органа...»

Само собой разумеется, для Никонова это не было новостью, как не было для него открытием и сообщение автора статьи о том, что «для пересылки шпионских материалов американские разведчики широко используют средства дипломатической связи». Его поразила откровенная наглость этих циничных признаний.

«Именно наглость!» — подумал подполковник, и в памяти его всплыла одна красочная история.

Незадолго до нападения японцев на американскую эскадру в Пирл-Харбор — в порт Гонолулу прибыл на учебном судне японский адмирал. Американские моряки, соблюдая традиции, устроили банкет в честь гостя. В конце обеда адмирал обратился к своему соседу, старшему из присутствовавших американских офицеров: «Сэр, не могли ли бы вы доставить мне удовольствие: показать систему управления огнем на Даймонд-хед?» Пораженный американец на минуту лишился дара речи. Справившись с волнением, он кое-как состряпал вежливо-уклончивый ответ: ему-де ничего не известно о такой системе, но если она и существует, то только правительство могло бы разрешить подобного рода осмотр. «Вот как? — удивился адмирал.— Впрочем, это не так уж важно: я работал там электромонтером в течение двух лет, когда эта система строилась, и имею о ней более или менее ясное представление».

Вспомнив сейчас об этом, Никонов мысленно сказал:

«Но эта наглость японца легко объяснима: нападение на Пирл-Харбор было не только предрешено, но и вполне подготовлено. Тогда никакая сила в мире не могла уже остановить пущенную в ход японскую военную машину. А здесь?.. Чем следует объяснить наглость американских разведчиков?.. Не так-то ведь легко втянуть человечество в третью мировую войну».

Никонов вернулся к статье Болдуина: «В настоящее время между руководителями государственного департамента и руководителями разведывательного центра возникли серьезные разногласия главным образом по вопросу о том, насколько распространяется власть посла на представителя разведки, действующего под ширмой сотрудника данного дипломатического органа...»

Подполковник улыбнулся:

«Применительно к нашему городу это означает: насколько распространяется власть генерального консула мистера Морлея на секретаря консульства мистера Томаса Д. Кларка... Впрочем, и сам мистер Морлей...»

Никонов задумался. Указательный палец его на стекле стола написал фамилию консула по-английски: «Morley»,— а ладонь стерла невидимые буквы.

О том, что приехавший около полутора лет тому назад новый секретарь генерального консульства США Томас Кларк был разведчиком, Никонову стало известно, как только Кларк, работавший в американском посольстве в Москве, получил назначение в местное генеральное консульство. У Никонова имелась кое-какая информация и о прошлой деятельности Кларка. Но сейчас подполковник думал не о тех годах,

когда секретарь консульства носил военный мундир и состоял в штате русского отдела разведывательной организации «УСС» (Управление стратегической службы). Никонова беспокоило другое: Кларк прибыл из Москвы вскоре после того, как Особое конструкторское бюро инженера Дмитриева развернуло свою работу. «Что это? Случайное совпадение или?..»

Еще несколько дней назад — до врачебного консилиума — такой вопрос не пришел бы в голову Никонову. Ничто не давало повода думать, что Кларк интересуется работой Дмитриева, что он вообще догадывается о существовании ОКБ. Повидимому, главной приманкой для «секретаря» генерального консульства был военный флот — боевые корабли и их береговое хозяйство. Не случайно же Кларк частенько фланировал по узким кварталам «старого города», жители которого работали по преимуществу в порту.

«Флот флотом,— подумал Никонов,— а ОКБ — тоже объект заманчивый... Может быть, даже более заманчивый...»

Подполковник посмотрел на часы, сложил газеты и нажал кнопку звонка.

— Вызывайте машину, Артемьев,— сказал он приоткрывшему дверь кабинета секретарю.

«И все же я думаю, что это не простое совпадение»,— заключил свои размышления подполковник.

Подполковник Никонов ошибался: приезд нового секретаря генерального консульства никак не был связан с организацией Особого конструкторского бюро инженера Дмитриева. Полтора года тому назад, когда капитан Томас Д. Кларк получил это неожиданное для него назначение, ни он сам, ни его шеф, полковник Паттон, ничего не знали о Дмитриеве. Основным объектом деятельности американского «дипломата», как об этом говорилось в инструкциях, полученных им еще в Москве, действительно должен был быть военно-морской флот. Кроме того Кларку надлежало всячески стремиться к созданию на территории консульского округа разветвленной шпионской и диверсантской сети: его предшественник не сумел выполнить эту задачу. Но прошло некоторое время, и Кларк случайно обнаружил... Впрочем, Кларк решительно запротестовал бы, если б кто-нибудь сказал, что случай помог ему обнаружить ОКБ инженера Дмитриева. «Случай? Ну, нет!» В этом деле он проявил настоящий талант разведчика. Это должен был признать и сам полковник Паттон, а он не из тех людей, кто любит отпускать комплименты своим подчиненным.

По материалам, полученным в наследство от своего предшественника, Кларк знал, что в числе предприятий, расположенных в этом большом портовом городе, имеется номерной завод, производящий авиационные моторы. Тип этих моторов был хорошо известен. В военном, да и техническом отношении он уже не представлял никакого интереса. Русские ставили эти моторы на тихоходные самолеты, применяемые главным образом в сельском хозяйстве.

Завод был невелик. Поверх глухого забора, ограждавшего его территорию, можно было видеть крыши немногочисленных цехов и других заводских строений. Работал завод отлично. Кларк часто находил в местной газете заметки и даже пространные статьи, в которых отмечались многие достоинства заводского персонала, особенно его высокая производственная культура, новаторство в области технологии и организации труда.

Читая эти заметки, Кларк мысленно говорил: «Возможно, возможно... Большевики, надо отдать им должное, умеют управлять промышленностью. Однако продукция у этого заводика явно непривлекательная. Глупо было бы мне возиться с таким объектом». Все же для порядка решил к нему присмотреться. «Вот только налажу дела в старом городе». Но «дела» в старом городе никак не налаживались: не удавалось завести ни одной связи, и свое намерение присмотреться к заводу Кларк откладывал со дня на день: «С этим можно подождать, а вот за провал вербовки агентов Паттон голову снимет...»

Весьма возможно, что завод так и остался бы вне поля зрения Кларка, если б не произошло нечто такое, что сразу возбудило у секретаря генерального консульства живейший интерес к этому предприятию. Проезжая однажды по дороге на стадион мимо заводской территории, Кларк увидел, как из проходных ворот выехали две легковые машины, в которых сидели офицеры военно-воздушного флота. Среди них он разглядел трех генералов. «Пышная экскурсия...— мысленно пошутил Кларк и тут же осекся.— Стоп, стоп! Что-то больно много генералов... И вообще, чем здесь мог заинтересоваться военно-воздушный флот?.. Эй, Томас, ты, кажется, напоролся на интересную загадку... Во всяком случае, надо попытаться выяснить, что делается за этим забором».

Удивительная история! Выяснилось, что этот «пустяковый заводишко», кроме забора, был обнесён еще одной «стеной». Стена была невидимой, но пробраться через эту как бы и несуществовавшую ограду Кларк не мог при всем своем старании.

Кларка прежде всего удивила необычайная настороженность («бдительность», как любят говорить русские) всего персонала, включая и самых простых рабочих. Он несколько раз, втиснувшись в переполненный заводскими рабочими вагон трамвая, затевал с ними разговор о том, о сем. Но всегда даже самые словоохотливые попутчики умолкали, как только задавался какой-либо, хотя бы самый безобидный, вопрос о заводе. Собеседник не только умолкал, но и с подозрением — так, по крайней мере, казалось Кларку — смотрел на вопрошавшего.

Как-то Кларк чуть не попал в беду. Будучи близко от заводского забора, Кларк с беспечным видом шел вдоль него по тропинке, протоптанной к городскому пляжу рабочими; он на мгновение остановился и пригнулся, чтобы в узкую щель посмотреть на заводской двор. Как раз в этот момент со стороны моря показалась группа молодых рабочих с полотенцами и мокрыми трусами в руках. Кларк быстро нашелся: сделал вид, что завязывает шнурок на туфле, потом пошел дальше. Когда он уже разминулся с рабочими, ветер донес обрывки их разговора:

— ...Ей богу, пригинался, а тут как раз и дыра...

— ...Видел, что завязывал...

— ...Знаем эти шнурки...

— ...И я говорю: надо бы остановить и прове...

Кларку посчастливилось: его не остановили и не проверили.

С исключительной тщательностью был обставлен прием на завод новых людей. Впрочем, количество вновь принимаемых на работу было весьма невелико: заводские кадры создавались на протяжении многих лет, рабочие и служащие покидали завод и переходили на другое предприятие крайне редко,— они гордились своим заводом, а особенной нужды в дополнительной рабочей силе не было, так как расширение выпуска продукции шло главным образом за счет технических усовершенствований и повышения производительности труда. В газете Кларку не раз попадались заметки, где говорилось, что «цех такой-то путем улучшения технологии и массового освоения среднепрогрессивных норм сумел высвободить для других нужд завода такое-то количество рабочей силы».

И вот эта-то невидимая, как бы и несуществовавшая и вместе с тем исключительная по своей неприступности ограда укрепила Кларка в той мысли, что завод, к которому поначалу он столь презрительно отнесся, представляет собой весьма интересный объект. Именно необычайная тщательность, с какой укрывался завод от всякого постороннего взгляда, и заставляла предположить, что, кроме серийного выпуска маломощных моторов, он занят еще какой-то другой и притом очень важной работой. Но предположения оставались предположениями...

Однажды в «Правде» Кларк увидел список конструкторов, награжденных орденами за работу в области авиационного моторостроения. Среди прославленных советских конструкторов, среди людей, давно уже известных всему техническому миру, Кларк нашел некоего инженера Дмитриева. Эта фамилия ничего бы ему не сказала, если б он уже не знал, что главным инженером заинтересовавшего его завода является Дмитриев, Михаил Иванович Дмитриев.

«Вот она, разгадка! — возликовал Кларк. — Если главный конструктор рядового завода оказывается в числе небольшой группы самых знаменитых конструкторов, то, несомненно, он занят какой-то очень важной работой... Но какой? Но нынешним временам можно почти безошибочно сделать вывод: это — реактивное моторостроение... Да, да, это, вероятно, так!» И Кларк с еще большим рвением стал собирать самые разнообразные сведения о заводе, о Дмитриеве.

Основным источником его информации попрежнему были газеты. Но выжать из газетных строк что-нибудь существенное не удавалось. Во время войны английский майор Хамбер рассказал как-то Кларку, что один из его агентов, переброшенный из Афганистана в Среднюю Азию, сумел составить подробную дислокацию частей гарнизона, пользуясь исключительно телефонной книгой и местными газетами.

Использование газет и различных официальных справочников для шпионских целей — прием не новый. Если же учесть, что случай, о котором рассказывал английский разведчик, относился к далекому прошлому, к началу тридцатых годов, то удивляться не приходилось. «С тех пор большевики научились многому,— сетовал Кларк,— и, пожалуй, ни в одной стране печатные издания не дают так мало пищи даже самому опытному разведчику, как здесь, в России».

Все же кое-что интересное попадалось. Так, например, внимание Кларка привлек отчет о собрании городского партийно-хозяйственного актива. Из перечня фамилий выступавших явствовало, что пост главного инженера завода занимает уже не Дмитриев, а его заместитель Найденов. Кларк решил было, что Дмитриев отзывается в Москву для назначения на новую, вероятно, более важную должность, но шло время, Дмитриев продолжал ежедневно ездить на завод и, повидимому, отнюдь не собирался покидать город. «Как это понять?»

Попрежнему оставалось неизвестным и самое главное: за что именно Дмитриев награжден орденом Ленина. Ведь у русских давно уже име-

лись серийные реактивные самолеты различных марок — Кларк сам видел их в воздухе на московских парадах,— конструированием этих самолетов занимались многие советские инженеры. И высокая награда означала, что Дмитриеву удалось сделать что-то очень важное в этой области. Но что именно? До этого и нужно было докопаться.

Легко сказать «докопаться». Как? Без помощи агента, работающего на заводе или хотя бы имеющего косвенное отношение к нему, этой задачи не решить!

Между тем вербовка агентов явно не удавалась, и Кларк вынужден был признать правоту своего предшественника, утверждавшего, что среди советских людей почти невозможно отыскать человека, которого тем или иным путем можно завербовать. «В сущности, — писал капитан Гебл разносившему его Паттону, — задача и состоит в том, чтобы найти человека несоветского, враждебного большевикам. А это необычайно трудно: здесь, в этой стране, почти начисто отсутствует тот человеческий материал, из которого мы обычно вербуем своих шпионов». Однако Паттон не желал слушать никаких оправданий. Он в конце концов отозвал Гебла, как человека, который не сумел справиться с поставленной перед ним задачей. Теперь, кажется, та же участь ожидала Кларка.

Но, видно, он, Кларк, родился под счастливой звездой: из беды его вызволил сам полковник. Снесясь со штабом генерала Макартура, Паттон добыл для Кларка фамилии пяти японских агентов.

Трое из них — участники семеновских банд — были завербованы давно, еще в период гражданской войны, и «законсервированы» в расчете на далекое будущее. Впрочем, у «дальновидных» самураев этого будущего не оказалось, и агенты лишились своих хозяев, так и не начав активной шпионской работы. «По этой причине, — так писалось в сообщении из Токио, — они, надо полагать, сумели уберечься от провала. Но не исключена возможность, что сохранились также остальные двое — Агибалов и Краузе, переброшенные на территорию Советов в 1936 году».

«Вероятно, «консервы» в конце концов протухли бы, не приди шефу в голову блестящая идея открыть их американским ножом», — подумал осчастливленный Кларк и принялся за розыски нужных ему людей.

Первым, кого удалось разыскать, был Виктор Христофорович Агибалов. На Дальнем Востоке он появился вскоре после разгрома южной белогвардейщины, но и отсюда ему пришлось навострить лыжи. Агибалов перекочевал в «Дальневосточный Париж» — так пышно именовали город Харбин белоэмигрантские газетки. Чтобы не протянуть с голоду ноги, он вступил в белогвардейскую организацию РОВС (Российский общевоинский союз), выдававшую своим членам небольшое ежемесячное пособие из сумм, отпускаемых японской разведкой. Потянулись годы жалкой и, главное, беспросветной жизни. Мысли о триумфальном возвращении на «землю отцов и дедов» были давно уже похоронены.

Однажды Агибалова вызвал к себе сотрудник японской военной миссии в Харбине капитан Сигемицу.

— Вам следует приготовиться к поездке в Россию, — сказал японец таким тоном, точно речь шла о чем-то будничном.

— Но там большевики!

Сигемицу вполне оценил «находчивость» ошарашенного Агибалова и, кивнув головой, объяснил:

— Именно поэтому мы вас туда и посылаем, — он улыбнулся, обнажив два ряда золотых зубов. — Ваш отказ японское военное командование будет рассматривать как доказательство... вашей принадлежности к большевистской разведке. Это будет очень печально... — со вздохом закончил свою речь капитан.

Агибалов несколько минут сидел в оцепенении. Потом встал, вытянулся по-военному и спросил:

— Какие последуют приказания?

Сигемицу снова показал свои золотые зубы:

— Вот это ответ, достойный офицера!.. Вы поедете в Дуэ. Это небольшой порт на берегу Татарского пролива, но он представляет для нас большой интерес. Там уголь и нефть. Подробные инструкции вы получите у моего помощника, лейтенанта Кабаяси. А сейчас подпишите это обязательство.

Когда Томас Кларк напомнил диспетчеру автобазы № 1 Виктору Христофоровичу Агибалову его разговор с капитаном Сигемицу, то японский агент лишился языка. Но и после того, как к нему вернулась способность произносить членораздельные звуки, его реплики не отличались глубокомыслием.

Агибалов попытался указать Кларку на тот факт, что он подписывал обязательство работать на японскую разведку, но поскольку Япония разбита...

— Ошибаетесь! — перебил Кларк. — Япония как самостоятельный фактор мировой политики действительно приказала долго жить... Так, кажется, говорит русская пословица?.. Но победа всегда дает победителю трофей. Вы есть наш военный трофей наряду с японской пушкой, самолетом, автоматом. Коротко сказать: вы теперь будете работать для нас, и это, могу поручиться, лучший бизнес, чем служба у капитана Сигемицу.

Агибалов хотел сказать: «А если я откажусь?», — но тут ему вспомнилась фраза Сигемицу: «Это будет очень печально...».

Кларк, словно угадывая его мысли, предупредил:

— Не думайте возражать, мистер Агибалов. Это для вас может окончиться так печально..

Спустя некоторое время Кларк разыскал второго японского агента. С ним пришлось повозиться подольше, но в конце концов и он, решительно припугнутый разоблачением перед советскими органами государственной безопасности, согласился стать американским шпионом.

Остальных трех агентов обнаружить не удалось. «Очевидно, — писал Кларк в своем отчете Паттону, — русской службе безопасности удалось напасть на их след, и они либо арестованы либо куда-то бесследно скрылись». Но эта неудача не вызвала у Кларка жестокого разочарования: двоих-то он крепко держал в своих руках. Теперь у него были люди, с помощью которых можно было штурмовать стену, защищавшую завод. Особенно ценен был Агибалов. Работая в автобазе, он имел возможность связываться с самыми различными учреждениями, мог на деловой почве встречаться со многими людьми. За деньги он был готов сделать для Кларка все.

...И вот настал день триумфа!

Да, это неожиданное обнаружение конструкторского бюро инженера Дмитриева явилось настоящим триумфом Кларка. «Бог ты мой, какая возня поднялась в Вашингтоне!» Кларк отчетливо представлял себе, как задвигалась тяжелая нижняя челюсть полковника Паттона, когда тот получил первое донесение об инженере Дмитриеве. Кларк видел, словно он сам присутствовал при этом, как Мартин Паттон вскочил со своего кресла, держа в руках донесение, и выбежал из кабинета. Куда девалась пресловутая анемичность полковника!

Донесение Кларка — это стало ему известно спустя несколько месяцев из разговора с Паттоном, — обрастая резолюциями и препроводительными, стремительно неслось от одной инстанции к другой, пока не забралось на самые вершины административной иерархии. На нем была пометка генерала Доннована, оно побывало на письменном столе адмирала Леги и, наконец, попало в министерские кабинеты Форрестола и Маршалла.

(Продолжение следует)

На выставке работ К. Ф. Юона

(Впечатления художника)

Творчеству Юона уже более половины века. Требуются долгие годы, чтобы искусство художника выстояло и получило право на жизнь, не ограниченную временем. Искусство Юона с его славным прошлым и настоящим смело смотрит в будущее.

На моей памяти юоновские выставки случались не раз; сегодняшняя, в Академии художеств СССР,— пятая. И, нет сомнений, такие выставки будут устраиваться и в самые далекие будущие годы.

Показ произведений Константина Федоровича Юона — а их собрано в Академии несколько сот — это не камерный отчет. Это и школа для молодежи и достойный подражания пример подвижничества художника во имя прославления русской школы живописи. А. М. Герасимов на открытии выставки хорошо говорил о том, что самое существо юоновского творчества — русское, что русское здесь не только в выборе сюжета, а, главное, в подходе к явлениям, в восприятии явлений. Пройдешься по залам выставки — и чувствуешь ясно — яснее нельзя — любовь художника к родному отечеству, желание перед всем миром сказать: «Лучше и краше отечества моего нет».

Юон — реалист. Его произведения всегда были дороги народу своим оптимизмом, искренностью, неуклонною верою в то, что реалистическая школа — это правда.

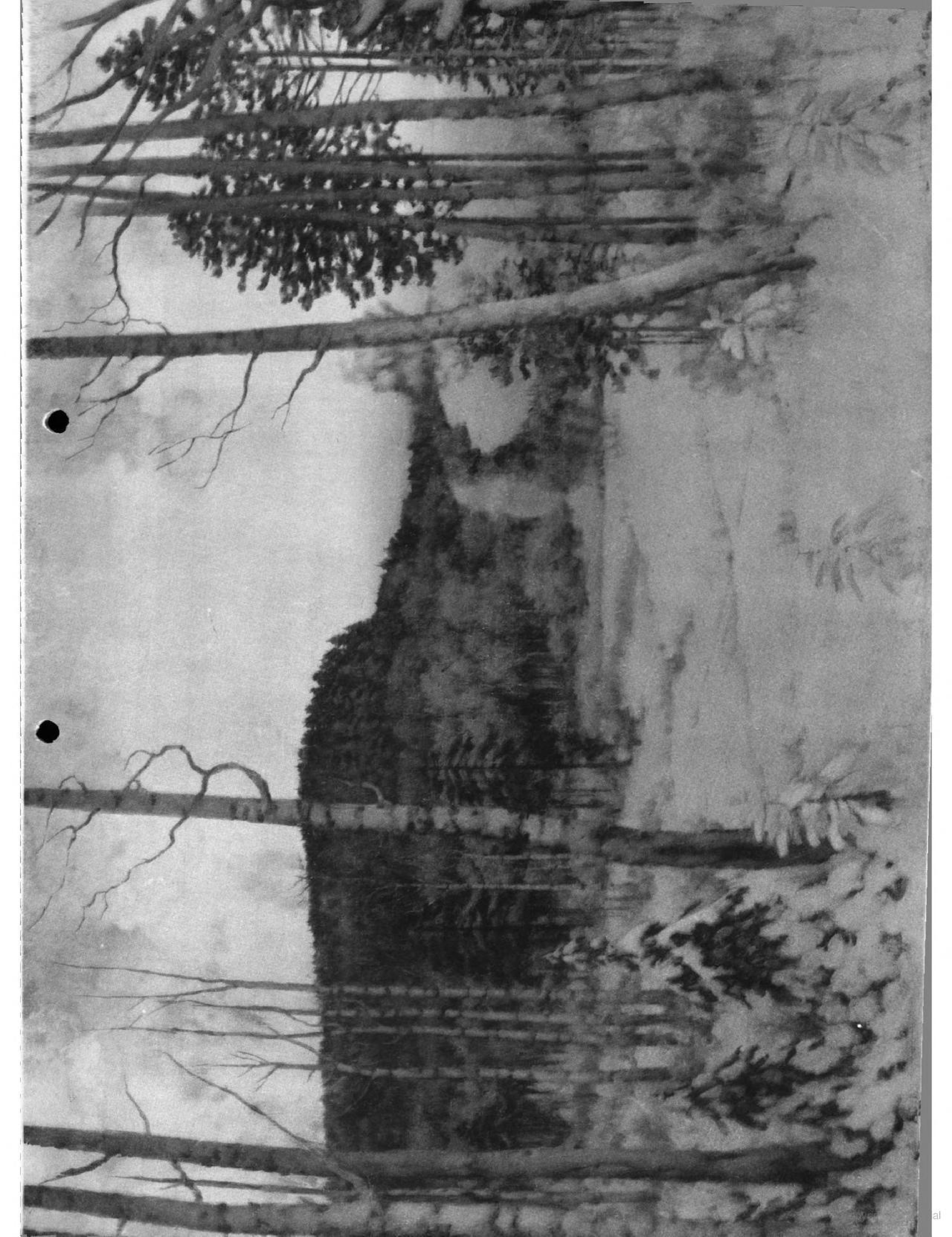
Картины Юона размещены в пятидесяти советских музеях и имеются во множестве частных собраний. Константин Федорович всегда отличался завидной работоспособностью, и на выставке собрано, конечно, далеко не все.

В залах висят картины, помеченные разными годами. Пастель «Окно» — это 1905 год, «Волшебница-зима» — 1912 год, «Приволье» — 1917 год, «Купола и ласточки» — 1921 год, «Зимний рассвет» — 1944 год. Я выбрал картины на удачу, различные по сюжету. Но, что бы ни выбрать, художник писал честно, знал, зачем пишет, для кого. Юон писал и пишет всегда для народа. Произведения его известны в самой широкой массе любителей живописи.

Юон — всегда Юон; это художник со своим строем палитры, со своей психологией творчества, своей композицией. Он мог бы не подписывать свои картины: они и так юоновские. Многим нашим художникам, побывав на выставке Юона, стоит порассуждать над этим.

Около картин Юона хорошо думается. Они вызывают много мыслей, и мысли эти очень оптимистичны. Юон — художник радостный, и выставка его воспевает жизнь, воздает ей хвалу. И этим особенно близок он советским людям.

В. В. МЕШКОВ,
заслуженный деятель искусства РСФСР

К. Ф. Юон. ПРИВОЛЬЕ.

Когда наступает вечер

Фото И. Тюфякова и В. Шаховского

Уралмаш — это не только завод: это и город. Его зеленые, хорошо асфальтированные улицы собираются к площади Первой пятилетки. На эту же площадь выходят и широкие заводские ворота.

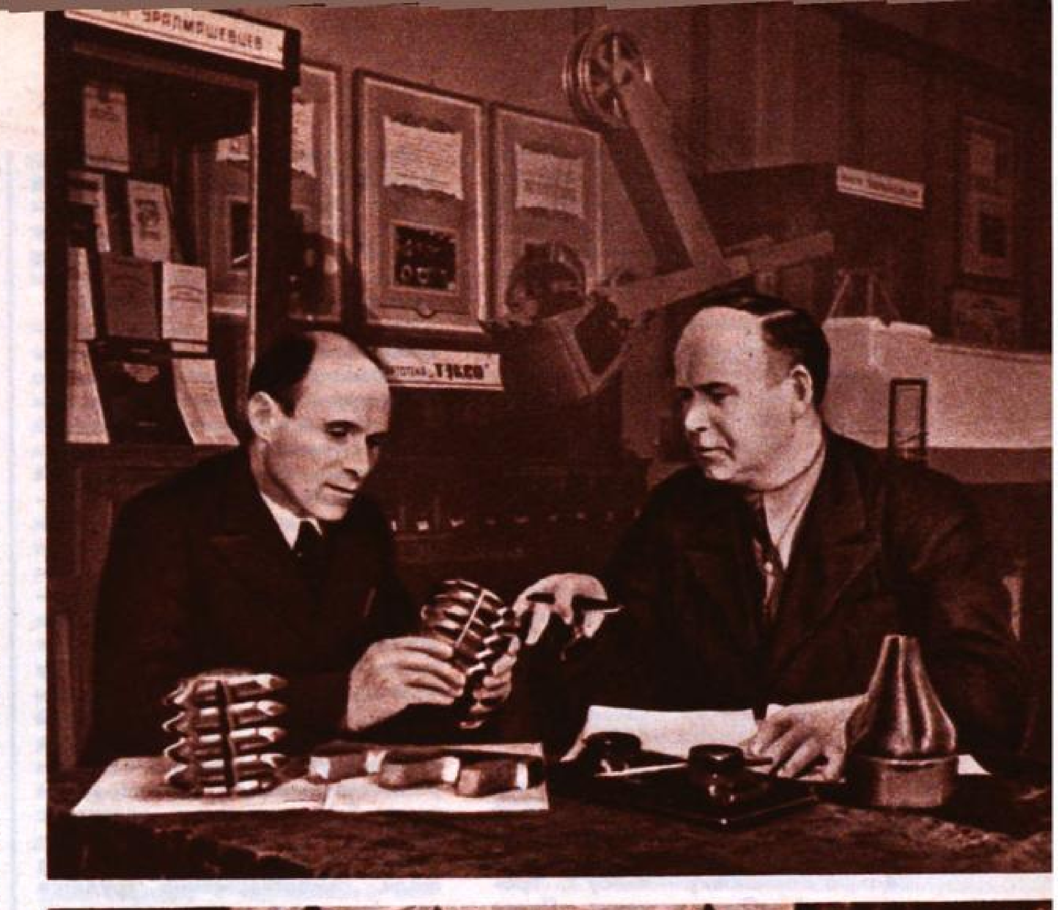
Завод, расположенный на Урале, живет вровень с жизнью всей страны.

Советские люди приступили к закладке великих сталинских строек на Волге. В цехе сборки экскаваторов завода состоялся многолюдный митинг. Уралмашевцы дали обещание собрать к празднику XXXIII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции сверх годового плана два мощных электрических экскаватора для Куйбышевской гидроэлектростанции.

Модель мощного экскаватора можно видеть в техническом кабинете Дворца культуры завода. Здесь почти ежедневно проводится то или иное мероприятие: консультация по разработке новых видов режущего инструмента, доклад для сварщиков о современных высококачественных электродах, беседы об электрооборудовании шагающего экскаватора, о методах выплавки электростали.

В технический кабинет приходят не только за тем, чтобы получить ответ на волнующий вопрос, ознакомиться с новинками техники, но и за тем, чтобы внести свой вклад в технику. Сборщик металлоконструкций тов. Никулин вошел однажды в знакомый зал с особым волнением: в этот вечер он был не слушателем, а докладчиком. Он рассказал о своих методах скоростной сборки.

А бывает и так. Приходит стахановец в технический кабинет, садится за стол, раскрывает тетрадь и принимается за не совсем обычное для него занятие: пишет книгу о методах своей работы. Здесь хорошо и удобно, под рукой любой справочник. В тех-

Вверху: Лауреат Сталинской премии, знатный зуборезчик В. Пономарев (слева) и инженер-механик К. Малышкин в техническом кабинете Дворца культуры. Справа: Участники смычкового квартета (слева направо): техник И. Дудин, хирург Е. Яковлев, руководитель квартета, педагог детской музыкальной школы К. Кузнецов и студент Н. Самусенко.

В зрительном зале Дворца культуры имени Сталина.

ническом кабинете мы встретили лауреата Сталинской премии, знатного зуборезчика Виктора Пономарева и инженера К. Малышкина, который консультирует Пономарева и помогает ему работать над книгой.

Трудно пройти мимо Дворца культуры. Он всегда на пути. Вечерний свет его больших окон падает на кроны деревьев и виден от самой площади. Тот, кто однажды зашел во дворец, становится частым его посетителем, многие записываются в какой-либо кружок.

На лестничной площадке второго этажа пути клубных завсегдатаев расходятся. Конструктор Калашникова направляется в комнату драматического кружка, технолог Старина — на занятие литературной группы, стерженщица Подкорытова — на спевку хора русской народной песни.

Драматический коллектив Дворца культуры дал в этом году несколько спектаклей не только на сцене дворца, но и в рабочих общежитиях. Недавно он показал новую постановку — пьесу С. Трофимовой «Свет и тени». Пьеса рисует жизнь большого завода.

Особое оживление в работу кружков внесла подготовка к Всесоюзному смотру художественной самодеятельности. В хоре русской народной песни более ста человек. Но на смотре он будет выступать в составе двухсот пятидесяти участников. Самый старейший из хористов — пенсионер Ефим Михайлович Александров. Ему шестьдесят восемь лет. В этом хоре он участвует пятнадцать лет.

...Дирижер взмахивает палочкой.

И вот оно, раздолье русской песни!..

Песня замирает в отдаленном коридоре. Там, в тишине одной из комнат, занимаются начинающие художники. Их более двадцати человек, они рисуют с натуры.

А по соседству с художниками — литературный кружок. Обсуждается рассказ «Нас ждут родные поля». Автор — студент машиностроительного техникума Занин.

Члены кружка принимают активное участие в работе заводской многотиражной газеты «За тяжелое машиностроение». Начинающие поэты и писатели работают над новыми произведениями, которые расскажут о том, как уралмашевцы выполняют важнейшие правительственные задания по изготовлению оборудования для гигантских сооружений на Волге.

Кружки драматический, вокальный, симфонический, изобразительного искусства, балетный...

Рядом с комнатами кружков, в фойе, установлена скульптура Серго Орджоникидзе, имя которого носит завод. Ее создали члены скульптурного кружка под руководством известного в Свердловске скульптора Я. Зайцева.

Место, где стоит скульптура, — оживленный уголок фойе. Здесь неподалеку развешаны доски с ежедневными показателями работы завода. Тут же большой портрет, писанный маслом. В задумчивой позе сидит пожилой человек. Вглядываешься в надпись на медной пластинке. Оказывается, это старейший уралмашевец, технолог фасонно-литейного цеха Петр Георгиевич Антонов. Антонов был удостоен чести доставить в Москву подарки от уральцев Иосифу Виссарионовичу Сталину в день его семидесятилетия. И когда уралмашевцы посылали делегатов на Вторую Всесоюзную конференцию сторонников мира, то ему же, Антонову, было поручено заявить с трибуны конференции, что уралмашевцы, как и все советские люди, самоотверженно трудятся над выпуском машин для мира, а не для войны.

* * *

Более восьмисот человек занимается в двадцати трех кружках художественной самодеятельности Дворца культуры Уралмашзавода.

С наступлением вечера фойе, коридоры, залы и учебные комнаты огромного здания оживают.

После напряженного дня приходят сюда уралмашевцы, чтобы отдохнуть, пополнить свои знания, приобщиться к искусству. Это люди вдохновенного труда, герои созидания, борцы за мир. Их интересы широки и разнообразны.

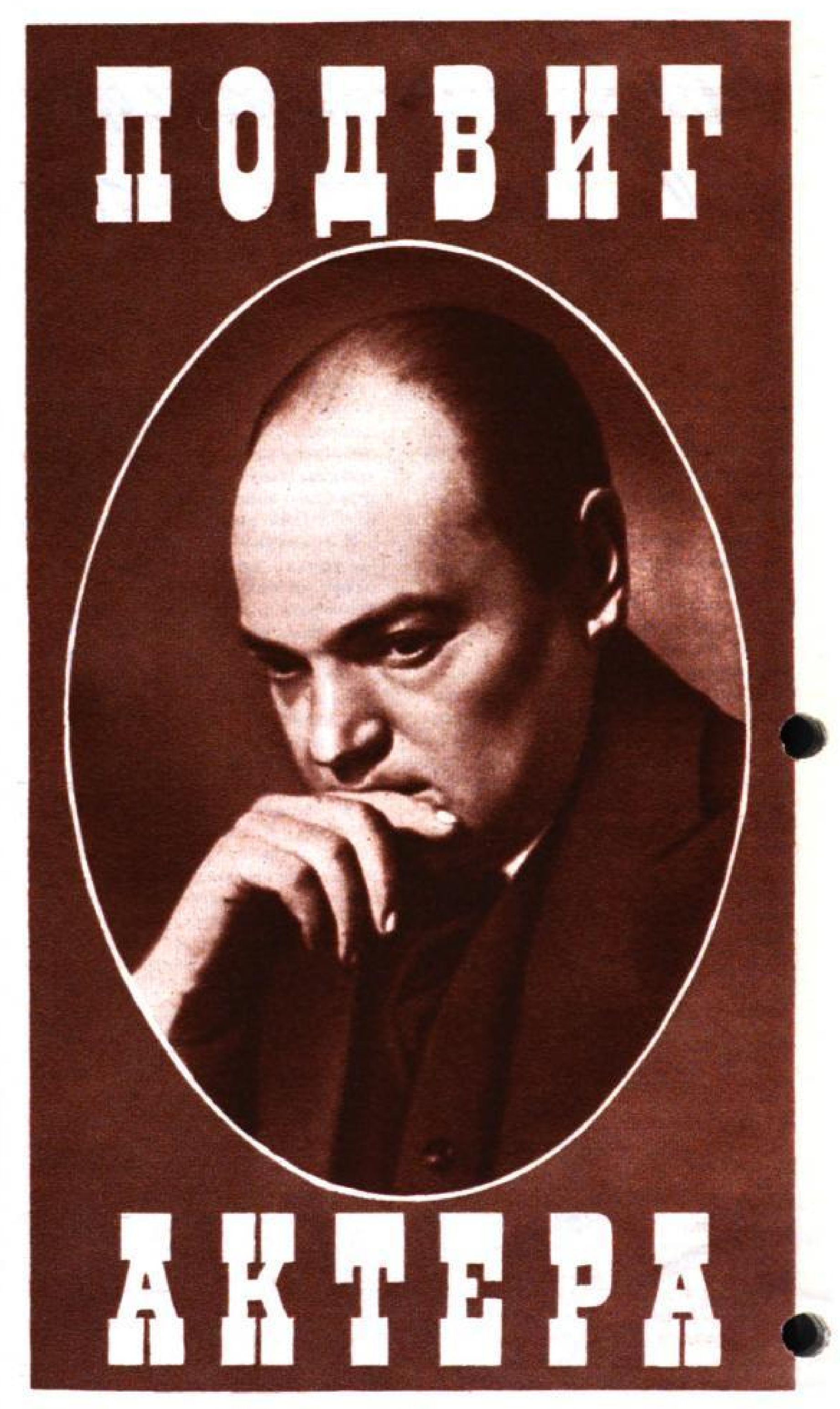
До позднего часа не затихают говор, пение, музыка во дворце. Кружок за кружком заканчивает свою работу. В длинном коридоре становится тихо. Но вот где-то далеко раздаются звуки знакомой мелодии. Звуки нарастают. В дальнем конце коридора появляются два баяниста — молодые рабочие завода. Они идут рядом, слегка склонив головы к мехам баянов. Лица их спокойны и чуточку торжественны. Все сильнее звучит «Гимн демократической молодежи».

Они уже давно подошли к высокой белой двери своего кружка, чтобы сдать инструменты, а все еще продолжают играть, вдохновленные мужественной мелодией, словно не хотят расстаться с баянами, не хотят уходить из дворца, который давно уже стал их родным домом.

К. МУРЗИДИ

Драмколлектив Дворца культуры за читкой пьесы С. Трофимовой «Свет и тени». В центре — режиссер А. Смирнова.

ПОДВИГ АКТЕРА

(К пятилетию со дня смерти Н. П. ХМЕЛЕВА)

В своих воспоминаниях Всеволод Иванов рассказывает об одном своем примечательном разговоре с Горьким после того, как Алексей Максимович посмотрел «Бронепоезд» в Художественном театре.

«Сняв пальто,— вспоминает Всеволод Иванов,— он потер руки и чудесным своим рокочущим басом сказал, глядя мне в лицо блестящими, веселыми глазами: «Россию, уважаемый, можно поздравить с появлением еще одного великого артиста». Я догадался, о ком он говорит, но мне приятно было услышать из его уст эту фамилию, и я спросил: «Кто это, Алексей Максимович?» «Хмелев»,— ответил Горький».

Николай Павлович Хмелев пришел в театр в бурный, незабываемый девятнадцатый год, пришел как представитель нового поколения советского актерства, как делегат в искусство от рабочих Сормова, где он родился и вырос.

Драгоценный опыт русского сценического реализма Хмелев получил из первых рук. Он был принят актером в славный Художественный театр, руководителем которого стал в последние годы своей жизни.

В непосредственном общении с чудесными мастерами МХАТ, на замечательных уроках-репетициях Станиславского и Немировича-Данченко с огромной жадностью и упорством проходил Хмелев суровую школу мастерства, постигая нелегкие законы правды на сцене.

«Был я тогда учеником «подготовительного класса»,— вспоминал Николай Павлович о том, как он репетировал со Станиславским свою первую, почти бессловесную роль в сказке Толстого. — Я должен был появиться из-под занавеса и, молча, в соответствующем ритме, проползти через сцену вместе с тьму-тараканскими воинами, т. е. «завоевать» Семенавонна.

Мне казалось, что я правильно веду эту малюсенькую роль. Но неожиданно Станиславский остановил репетицию: «Хмелев! У вас не так идут руки. Вы совершенно не ощущаете ритма».

Я трижды повторял сцену, но неудачно. «Начните сначала», —

наставлял Станиславский. И я начинал, и опять начинал, пока не получилось то, что он требовал. На меня Константин Сергеевич потратил почти все время, предназначенное для общей репетиции. Все ждали, а я пыхтел, в поте лица добывая себе звание актера».

Прошли десятилетия. Хмелев стал одним из первых актеров страны, получил высшее звание народного артиста Советского Союза, но попрежнему, как и в ту далекую пору, готовя новую роль, он тратил часы на каждую секунду своего пребывания на сцене. А в созданном им Ермоловском театре, продолжая дело Станиславского, он не знал усталости даже в занятиях с актером, вся роль которого сводилась к нескольким словам, сказанным за сценой!

«В театр нужно идти, как на подвиг,— часто говорил Хмелев своим ученикам.— Возмущаешься и негодуешь, когда в кулуарах идут разговоры о мелочах, которые засоряют жизнь художника и вынуждают его перестать быть художником. Актер не художник, если он не устремлен в жизнь, в поиски, в искусство, если голова его занята низменными мелочами и мелкими интересами. В искусстве нужен серьез с большой буквы. Вот ключ к «дорогому роялю», который потеряли некоторыми из нас и который нужно найти».

Своим искусством Хмелев служил народу. И от себя и от других он требовал отдавать этому служению полностью все силы.

Театр для него был прежде всего трибуной высоких идей и мыслей. Хмелев учил «философски воспринимать сценический образ в искусстве» и сам в каждую свою новую роль, в каждый поставленный им спектакль вкладывал большую и современную идею.

«Нет правды вообще, есть правда человека во времени, в эпохе,— говорил он на репетициях.— Надо искать социальное в человеке. Раньше этим мало занимались в театре, а это очень важно».

Сам он занимался «этим» в каждой из ролей, подымаясь в своем искусстве до социальных обобщений огромной политической силы.

В печальном и смешном любовном приключении престарелого князя из «Дядюшкиного сна» увидел он распад и умирание дворянского класса; в горьковском прокуроре из «Врагов» разглядел зловещие черты современного фашизма; а, казалось бы, «семейной драме» Каренина — мертвящий, убивающий все живое автоматизм царской государственности. И эта идейная пристрастность творчества была для него естественна, как дыхание, была его сутью, его потребностью в искусстве.

«Я жестоко порицаю этого человека и разоблачаю его безжалостно, без остатка,— писал Хмелев о своей работе над Карениным.— Эта трактовка не является «данью времени», я не совершал над собой никакого насилия, меня никто не заставлял делать из Каренина «исчадие ада». Я его ощущал таким».

Идея возникала для Хмелева в искусстве через человеческий характер. Он не мог репетировать, пока «весомо, грубо, зримо» не видел образ человека, которого ему предстояло воплотить на сцене, не видел во всей конкретности его бытия: как он ходит, думает, молчит, как он работает и любит. Требуя все новых сведений о роли от режиссера, жадно всматриваясь в жизнь, тщательно анализируя логику поведения своего героя, мучаясь и сомневаясь, пробивался Хмелев к этому своему видению.

Но когда он видел образ и даже уже владел характером сценического героя, начинались новые, столь же беспокойные и подчас мучительные поиски себя в данной роли.

«Ну, хорошо,— говорил он (по рассказу свидетелей его последней работы над Грозным),— я вижу, как он сидит, как держит жезл, как склоняется над картой, но где же я, Хмелев? Ведь для того, чтобы Грозный ожил, я должен ему отдать свои нервы, свои глаза, свои слезы, кровь моего сердца». Так, или примерно так, говорил Хмелев, для которого не было искусства без глубочайшей жизни актера в образе.

«Нет. Это не то, это по-«актерски» вы все показываете,— бросал он из зрительного зала во время репетиций в Ермоловском театре.— ...Показываете, какой он, как он закуривает, как пьет чай, как кутается в шинель — все «играете», а человека нет. Вспомните, как это было в жизни. Как вы бы вели себя при этом. Ведь вы же артист!»

Но когда актер органически «заживал» в роли, начиналась новая работа, новый, не знающий предела труд, ибо надо было найти четкую, образную, поэтическую форму роли, выражающую в каждой мельчайшей подробности жизнь сценического героя, идею, во имя которой и ставилась эта пьеса и игралась эта роль.

«Я много думаю над пластикой роли, музыкальностью жеста и слова. ...Движение руки за спичкой, взгляд, я опустил глаза, задумался, стряхнул пепел с папиросы — это музыкальная фраза. Четкость — да, но четкость не механическая, не головная, а, я бы сказал, театрально-поэтическая».

И самое главное — четкость формы, выражающей идею.

Холодная, жесткая, как циркуляр, каренинская речь, его хрустящие пальцы, его медвежья походка — все это было абсолютно необходимо Хмелеву для того, чтобы раскрыть самую суть этой злой бюрократической человекомашины.

Скорбные, как перебитые крылья, руки Федора красноречиво говорили о трагическом безволии русского царя. Черный козырек сдвинутой на лоб фуражки и торчащий клин седой бороденки сразу давали волчий оскал, волчью суть кулака Сторожева.

Так ясность идеи рождала ясность и силу образа. Так великим трудом рождалась умная поэзия хмелевского искусства.

Поэзия эта была остро современной и глубоко национальной.

«Обожаю Островского! Левитана люблю. Песни русские, тоскливые люблю. Все в России мне близко,— часто говорил Хмелев, добавляя шутливо:— Подите, заставьте меня графа в «Свадьбе Фигаро» играть, что получится?»

Зато русскую жизнь он знал необыкновенно, по-горьковски. Великолепно чувствовал и понимал язык народа, с одинаковой легкостью показывал на репетициях молодым актерам характерное произношение московского барства, жирную словесную мякоть замоскворецких купцов и интеллигентную речь крупного русского ученого, беседующего с Лениным.

Изучать язык своего народа, оберегать язык от всего, что может замутить его прозрачную живую воду, пользоваться им, как одной из самых могущественных основ своей профессии,— к этому всегда призывал Хмелев своих учеников и товарищей по сцене, блестяще подтверждая эти требования высоким примером своего искусства.

Может быть, самым важным его заветом нам, людям, работающим сегодня в театре, являются его любовь к беспредельно честной, творческой самокритике, его постоянное недовольство уже достигнутым и беспокойная, но вместе с тем радостная устремленность вперед, к новым поискам, к новым преодолениям.

Особенно остро звучит сегодня высказывание Николая Павловича Хмелева о том, что каждый должен «иметь в себе бесконечный двигатель внутреннего сгорания («Я говорю,— разъясняет он,— о творческой энергии, творческой инициативе»), уметь его беспрерывно заряжать новой энергией, уметь находить такие стимулы, которые заставляют тебя быть еще выше, еще серьезнее по отношению к тому искусству, которому ты служишь, к товарищам, к людям, которые помогают тебе творить, уметь освобождаться от всякой внутренней скверны, не обольщаться временным успехом и славой, это уменье бесконечно учиться и быть требовательным, серьезным и скромным до беспредельности — это тоже великое искусство, и ему нужно учиться и денно и нощно».

В течение всей своей жизни Хмелев нес в себе этот «двигатель внутреннего сгорания», щедро, на полную мощность тратя его драгоценную энергию, и в своем творчестве он дошел до вершины.

Его жизнь в искусстве, его страстное, умное мастерство всегда будут жить в поисках и достижениях советского театра, в благодарной памяти советского народа.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

«Земля» Н. Вирты. Сторожев — Н. П. Хмелев.

«Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова. Пеклеванов — Н. П. Хмелев.

Царь Федор — Н. П. Хмелев.

Каренин — Н. П. Хмелев.

Великий русский шахматист

К столетию со дня рождения М. И. Чигорина

Гросмейстер М. БОТВИННИК, чемпион мира по шахматам

12 ноября (31 октября по старому стилю) 1850 года в семье Ивана Чигорина, мастера Петербургского Охтенского порохового завода, родился сын Миша.

Безрадостным было его детство. Когда Михаилу Чигорину было шесть лет, он потерял мать; три года спустя умер отец.

Фекла Ивановна, тетка мальчика, определила сироту в Гатчинский сиротский институт, где Чигорину и довелось познакомиться с шахматами.

Шахматным учителем Чигорина оказался воспитатель института Шуман. Вскоре ученик превзошел своего учителя настолько, что давал ему вперед даже ладью!

После института последовало несколько лет скучной и однотонной мелкочиновничьей жизни. В октябре 1873 года Чигорин случайно посетил кафе Доминика, где собирались видные петербургские шахматисты. Это и решило судьбу Михаила Ивановича Чигорина.

Прошло несколько лет, и сильнейшие русские мастера Шифферс, Шумов, Шмидт, Алапин вынуждены были признать превосходство Чигорина.

Слава его росла как в России, так и за рубежом. В 1876 году Чигорин уже стал редактором журнала «Шахматный листок», сыгравшего важную роль в развитии русской шахматной жизни.

Прошло еще несколько лет, и Чигорин решает полностью посвятить себя шахматам: он уходит в отставку (в скромном чине губернского секретаря) и становится шахматистом-профессионалом.

1881 год — важная дата в жизни Чигорина и в истории шахмат в России: впервые русский мастер выступает на международном турнире в Берлине. Чигорин делит 3—4-е места, пропустив вперед лишь англичанина Блекберна и немца Цукерторта, крупнейших мастеров того времени.

В 1883 году на турнире в Лондоне Чигорин завоевывает четвертый приз; во главе турнирной таблицы вновь Цукерторт и Блекберн, а также чемпион мира Стейниц; но в обеих партиях с чемпионом мира русский мастер выходит победителем. Его игра получает всеобщее признание.

«Чигорин может рассчитывать на великую шахматную будущность: в нем живет энергия, без которой немыслим хороший шахматист»,— отмечает турнирный сборник.

Несколько лет затем М. И. Чигорин не выступает в соревнованиях: он совершенствуется в искусстве анализа. Но это было лишь «затишьем перед бурей»...

В 1888 году в ответ на предложение Гаваннского шахматного клуба сыграть матч с сильнейшим своим противником чемпион мира Стейниц указал тогда на русского шахматиста Михаила Ивановича Чигорина. Надо ли говорить, что этого соревнования с величайшим интересом ждали во всем шахматном мире?

Начались сборы денег Чигорину на дорогу: такова была реальность шахматной жизни в те времена. Общество любителей шахмат в Петербурге разослало циркулярное письмо:

«...Предложение г-на Стейница так заманчиво... для всех нас, русских шахматистов, что, разумеется, о принятии этого вызова, как о вопросе нашей национальной гордости, стоит подумать и постараться, чтобы столь желаемое всеми состязание непременно состоялось». И Чигорин двинулся в далекий путь за океан...

Ласкер, Чигорин, Стейниц и Пильсбери.

Чигорин проиграл матч, хотя и добился почетного результата.

За этим соревнованием с огромным вниманием следили шахматисты всего мира, да и не удивительно: в то время Стейниц окончательно сформулировал принципы своей так называемой «новой» школы. Суть дела состояла в том, что до Стейница общими симпатиями пользовалась так называемая «старая» школа, представители которой всегда стремились к комбинациям, жертвам, атаке: в обороне мастера «старой» школы были далеко не мастерами своего дела.

Стейниц обратил внимание на технику позиционной игры, на важность позиционного обоснования атаки, на силу обороны.

В этом отношении учение Стейница сыграло, несомненно, положительную роль. Наряду с этим в его теории заключалось множество догм, ценность которых была если не сомнительна, то весьма условна; так, Стейниц придавал значение пешечному перевесу на ферзевом фланге, силе двух слонов и т. п., что, разумеется, было справедливо далеко не для всех позиций, встречающихся в шахматной партии.

Чигорин был, пожалуй, единственным мастером на рубеже 80-х и 90-х годов, выступившим за шахматной доской против догматических принципов Стейница. По сравнению со Стейницем Чигорин более глубоко и динамично оценивал многие позиции. Факт, что современные нам мастера, и в первую очередь советские мастера, весьма близко стоят к Чигорину. Его дебютные идеи, связанные с фигурной борьбой за центр, лишь сейчас получили общее распространение.

Причины неудачи Чигорина в борьбе за первенство мира следует искать отнюдь не в слабости его позиционных идей — хотя в трактовке некоторых шаблонных позиций он иногда и не был на высоте,— а в недостатках его спортивного характера. Здесь сказались и позднее приобщение к шахматам (в возрасте лишь 23 лет) и, быть может, узость жизненного кругозора: Чигорин ведь покинул стены сиротского института с четырехклассным образованием. Но природный шахматный талант его был велик; он был тонким позиционным шахматистом, большим мастером концов игры и несравненным мастером атаки. Это и позволило ему сыграть выдающуюся роль в развитии русской шахматной жизни, заложить прочные основы отечественной шахматной школы и в трудной борьбе успешно выступать против «самого» Стейница.

В 1890—1891 годах происходил знаменитый матч Чигорина со Стейницем по телеграфу (чемпион мира тогда жил в Нью-Йорке). В обеих партиях Стейниц потерпел полное поражение.

Эффект этого телеграфного матча был весьма силён. «Если Стейницу суждено пасть от руки Чигорина,— писал один английский шахматный журнал,— то он не может пасть от руки более достойного противника». В 1892 году, опять в Гаванне, начался их второй матч.

Стейниц был на этот раз весьма близок к поражению и выиграл с минимальным перевесом. «Остается фактом,— сознавался Стейниц,— что я не могу бороться с русским мастером так же успешно, как боролся с другими великими мастерами».

Чигорин, однако, продолжал энергичную борьбу за мировое первенство. В 1895 году он участвует в знаменитом международном турнире в Гастингсе[1] и завоевывает второй приз, победив в личной встрече и первого призера — молодого Пильсбери — и нового чемпиона мира — молодого Ласкера.

Партия Чигорина с Ласкером вызвала всеобщий интерес, и не только спортивный, но и творческий, ибо в то время Ласкер был верным последователем Стейница. В этой партии Чигорин предоставил своему партнеру все преимущества, о которых мог мечтать представитель «новой» школы: и сильный пешечный центр, и двух слонов, и открытые линии. Искусно ограничивая активность слонов и ладей противника и сковывая неприятельский пешечный центр, Чигорин блестящей игрой добился победы.

В положении на снимке (белые — Ласкер: Kpe2, Лb4, d2, Cb1, f2, п. a4, c3, d4, e4, f3, h2. Черные — Чигорин: Kpf8, Лa5, c7, Kd8, f7, п. a7, b6, c4, e5, f4, h7) последовал неожиданный комбинационный удар

47. . . . Kd8 — c6!

Здесь Ласкер заметил, что контркомбинация 48. Л : c4 K : d4 + 49. Лd : d4! оказывается заготовленной впустую, ибо черные не идут на это продолжение, а отвечают 48. ...Kd6!, оставаясь с лишним качеством.

48. Лb4— b5 Лa5 : a4
49. d4 : e5 Kf7 : e5

Черные кони действуют весьма согласованно. Ласкер сейчас предпринимает отчаянную попытку атаковать коней противника.

50. Cf2 — h4 Лc7 — g7
51. Kpe2 — f2 Лg7 — g6
52. Лd2— d5 Лa4— a1!

Нападая, в свою очередь, на слона b1, черные косвенно защищают своего централизованного коня. Ласкер пытается усилить атаку вычурным маневром Ch4—d8—c7, но это лишает белого короля надежного прикрытия и приводит к неожиданному матовому финалу.

53. Ch4— d8 Kc5— d3 +!

Белые вынуждены идти на размен, позволяя тем самым активизировать черным ладью a1; в случае 54. Kpf1 Kcb4! черные сразу выигрывали.

54. Cb1 : d3 c4 : d3
55. Лd5 : d3 Лa1— g1!

А теперь от мата белые могут спастись лишь ценой фигуры.

56. Лb5— f5 + Kpf8— e8
57. Cd8— g5

Приходится! В случае 57. Л : f4 Лбg2 + 58. Kpe3 Лe1 × дело кончалось красивым матом.

57. . . . Лg6 : g5

и Ласкер сдался. Характерная для Чигорина партия!

Вместе с тем появление молодого чемпиона мира, который был моложе Чигорина на целых 18 лет, делало завоевание Чигориным первенства мира задачей вряд ли выполнимой. Неудачное выступление сорокапятилетнего Чигорина в матч-турнире в Петербурге (1895—1896 годы) нанесло Чигорину в этом отношении тяжелый удар.

Дальнейшие выступления Чигорина свидетельствуют о постепенном угасании его гигантской силы, прерываемом отдельными вспышками, хотя он и продолжает оставаться сильнейшим шахматистом России. Болезнь подтачивает его силы. В 1908 году Чигорин умер.

Партии Чигорина вошли в золотой фонд шахматного искусства. Чигорин является основоположником русской школы, впоследствии давшей миру Алехина. На чигоринских принципах ныне основывается советская шахматная школа, представители которой завоевали заслуженный авторитет и славу своему Отечеству в области шахмат.

[1] В настоящее время жив лишь один участник этого состязания, мастер Мизес, которому идет девятый десяток.

Спартаковцы в Норвегии

Вадим СИНЯВСКИЙ

(Из записной книжки журналиста)

Я просматриваю краткие заметки, которые сделал в своей записной книжке. Они записаны в Осло, Ларвике, Тронхейме и говорят как об играх «Спартака», так и о наблюдениях, не имеющих отношения к спорту...

Семь мячей, подготовленных для игры с командой «Сагене».

* * *

Самолет доставил меня в Хельсинки без всяких недоразумений. Там пересаживаюсь в шведский самолет. Беспокоит мысль: нужно сегодня быть в Осло, и притом до начала матча! По телефону был заказан специальный самолет. Ждет ли он?

В Стокгольме нас встречают работники советского посольства. Маленький трехместный самолет уже ждет. Пограничные формальности и... выясняется, что Осло не может принять наш самолет из-за погоды. Пришлось смириться.

Отправились в наше посольство, и впервые мне пришлось сидеть у радиоприемника и слушать футбольный репортаж, который я должен был вести сам. Обидно! Это еще больше почувствовалось в момент, когда счет был 3 : 1, а нам уже нужно было ехать на вокзал! Так и уехали мы из Стокгольма, не зная окончательного результата игры. Лишь утром, когда в вагон принесли газеты, мы узнали, что «Спартак» выиграл у «Сагене» со счетом 7 : 1.

* * *

Выступлениям «Спартака» было уделено газетами необычайное внимание. Газета «Афтонбладет», не отличающаяся симпатиями к Советскому Союзу, писала о тренировке спартаковцев:

«Видеть молодых игроков на стадионе «Бишлет» вчера было настоящим удовольствием. «Спартак», по меньшей мере, настолько же силен, как и «Динамо», посетившее нас в 1947 году. Кажется, русские могут все!»

Нужно сказать, что и остальные газеты были полны подобными корреспонденциями.

Я опускаю описание матча с «Сагене». Читатели знают о нем все подробности. Ни скромное электрическое освещение, ни дождь, ни гроза, ни мягкое поле, названное газетами «зеленым мылом», не могли уменьшить интереса зрителей к матчу. Наш «Спартак» показал советский футбол — великолепную игру, дисциплину, корректность. Недаром буржуазные газеты писали, что надо поучиться у спартаковцев дисциплине и корректности на поле и даже выходу и уходу с поля.

Насколько был велик интерес к матчу, можно судить по такому сообщению газеты «Экспрессен»:

«Люди стояли в очередях целые сутки, для того чтобы получить билеты, а те, которым не удалось приобрести их в открытой продаже, предлагали за них неограниченные суммы».

Один норвежский журналист, с которым мне пришлось разговаривать после приезда в Осло, сказал:

«Большей суматохи и ажиотажа, чем вокруг матча «Спартака», мне не приходилось видеть, несмотря на то, что я бывал на пяти олимпиадах!»

В Норвегии я в третий раз. Сейчас, в 1950 году, заметно значительное число иностранных туристов. В подавляющем большинстве это гости из-за океана — миссионеры, коммивояжеры, коммерсанты и просто ничего не делающие, гуляющие люди. И «гуляют» они по всей стране, заполняя воздух английской речью и обращая на себя внимание военной выправкой.

«Спартаку» не везло: в день матча — дождь, а после — вполне сносная, а то и просто хорошая погода. Мы ходим по Осло, осматриваем окрестности и, конечно, знаменитый трамплин на горе Холменхолн. Сейчас его удлиняют к предстоящим в 1952 году Олимпийским играм.

У подножья трамплина находится небольшой ресторанчик, в котором мне пришлось встретиться с моими норвежскими коллегами по радиорепортажу.

Наше посещение вызвало двоякие чувства у хозяина: с одной стороны, русские — редкие гости, и, по установившимся здесь правилам, нужно было поставить на стол, за которым мы сидели, советский флаг. А с другой стороны, это вряд ли было приятно находившимся в ресторане заморским или заокеанским иностранцам.

Хозяин ресторана поставил на наш столик красный флаг.

* * *

Маленький прибрежный городок Ларвик с приездом спартаковцев заметно оживился. Воспользовавшись хорошей, солнечной погодой, мы совершили небольшую экскурсию по побережью. Побывали на могиле «неизвестного моряка» в местечке Ставерн. Это высокий пирамидальный памятник, напоминающий маяк.

Затем мы побывали в Стандерфиорде — морской базе китобойной флотилии. Единственная достопримечательность городка — небольшой музей, рассказывающий о технике боя китов.

В Ларвике нам пришлось смотреть американскую картину с участием ковбоев и с шестью убийствами. Финал картины нас поразил. Влюбленные друг в друга юноша-ковбой и девушка долго враждуют между собой. После длительной погони на лошадях влюбленные занимают огневые рубежи на двух скалах и начинают перестрелку. Смертельно раненная девушка собирает последние силы и стреляет в любимого. Он также смертельно ранен. Затем оба сползают со скал, обнимаются и... умирают.

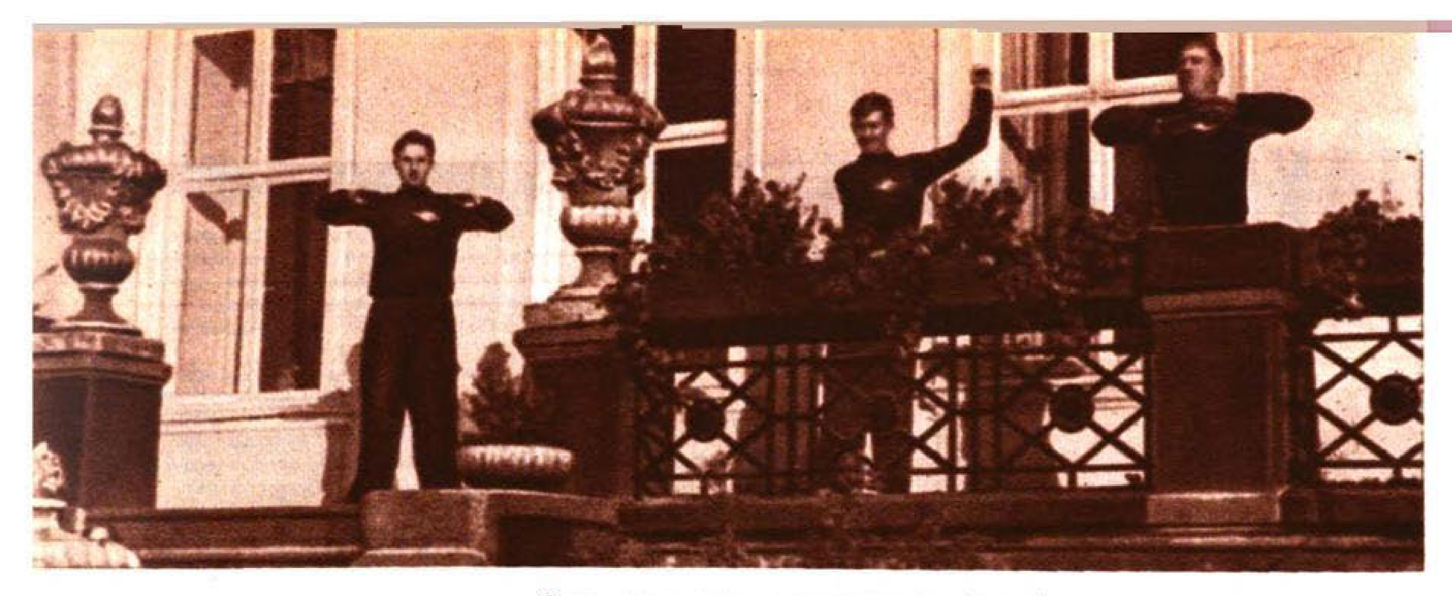
После этой картины спартаковцы решили больше не терять времени на посещение кинотеатров.

Перед выходом на поле. Только двое из них — В. Соколов и Н. Дементьев — опытные футболисты, не раз выступавшие за рубежом. Остальные впервые выйдут сейчас на чужое футбольное поле. Они волнуются. На снимке (слева направо): В. Соколов, Н. Дементьев, А. Парамонов (стоит спиной), Ю. Седов, Н. Симонян, А. Рысцов, О. Тимаков (стоит спиной).

Сейчас раздастся свисток судьи, и Н. Симонян сделает первый удар. На снимке (слева направо): А. Парамонов, Н. Симонян, Н. Дементьев.

Спартаковцы утром занимаются гимнастикой.

* * *

Во время матча в Ларвике для большей верности прохождения радиоволн в Москву к норвежским станциям были присоединены две шведские радиостанции. Однако волнение меня не покидало до конца матча. Репортаж принимался на пленку и шел в эфир с получасовым опозданием. Это позволило мне прослушать свой голос в гостинице, которая была расположена в двух минутах ходьбы от стадиона, а к концу репортажа у приемника уже сидела вся команда.

В течение всей игры никаких происшествий не было, если не считать препротивного дождя, лившего с самого утра и до темноты.

* * *

Накануне матча нашему центральному нападающему Никите Симоняну исполнилось 24 года. Команда считала необходимым соответственно отметить этот день. С вечера повару был заказан торт, на котором кремом должно было быть написано: «Никита Симонян. 24 года».

Однако неизвестно почему кто-то решил, что Симоняну 25 лет. Поэтому вместо 24 лет повару были нарисованы на бумажке слова «25 лет». Но повар, подумав, что тут ошибка,— по его мнению, торт преподносили кому-то из руководителей делегации,— самовольно изменил надпись на «52 лет». Утром 52 исправили на 24, но слово «лет» исправить забыли.

За завтраком дежурный по команде, Парамонов, вручая торт, произнес самую краткую речь:

— Никита Иванович! Это от нас — тебе! Живи и забивай голы!

* * *

Тронхейм — третий по величине город Норвегии. Это большой незамерзающий порт. Мы расположились в гостинице «Астория». В первый же день нам довелось побывать в «Верденс-театре» — самом большом в городе. 1200 тронхеймцев заполнили зрительный зал, в котором показывались советские кинокартины. С чувством гордости спартаковцы слушали аплодисменты, которые раздавались в зале во время демонстрации картины «Спортивная слава».

Перед входом в театр мы увидели двух пожилых женщин. В руках у них были небольшие фанерные дощечки с приколотым к ним текстом Стокгольмского Воззвания. Многие жители ставили свои подписи под этим великим документом мира, но предварительно оглядывались по сторонам: такая подпись связана с неприятностями на работе.

Женщины предложили и нам поставить свои подписи. Как они были взволнованы, когда переводчик сказал, что мы — граждане Советского Союза, страны, где нет взрослого человека, не подписавшего это Воззвание!

Нас многие приветствовали и крепко пожимали руки. Таково отношение норвежцев к Советскому Союзу!

За эти дни мы повидали многих незнакомых людей. В гостиницу приходили норвежцы — простые люди, которые выражали симпатии к Советской стране. Смысл их слов был таков: «Мы с вами!»

Особенно запомнилась одна пожилая женщина. Она зашла в номер, где жили спартаковцы, поздравила их с победой и дала письмо, в котором было написано:

«Дорогие друзья! Когда вы прибудете домой, в вашу удивительно прекрасную страну, и наш самый великий человек всех времен Сталин узнает о ваших спортивных победах, передайте ему, что простой норвежский народ с вами, великие борцы за мир и счастье народов! Мама — Анна. Тронхейм, 17 октября».

Вместе с письмом Анна Х. принесла три чудесных красных гвоздики. Приняв от нас в ответ значок «Спартака», она сказала: «Каждая мать, каждый рабочий с вами навсегда».

На другой день в кинотеатре демонстрировался советский фильм «Слон и веревочка». Зал был переполнен детворой. С небольшой речью выступил капитан спартаковцев Василий Соколов. Судя по реакции юного зала, ребята остались очень довольны картиной. После окончания сеанса детвора провожала нас.

Конечно, у наиболее бойких ребятишек были свои цели. Это они высказали у подъезда гостиницы. Дело сводилось к небольшой, но важной для ребят просьбе: получить значок «Спартака». Пришлось Василию Соколову да и остальным снимать с пиджаков значки и дарить школьникам. С какой гордостью ребята привинчивали эмблемы советского спортивного клуба к своим курточкам!

Хлопая себя по груди, они произносили всего два слова: «Спартак», «Москва»,— благодарили и стремглав бежали домой.

* * *

В первоклассном ресторане при гостинице «Астория» нас угостили жареными «цыплятами». Они были настолько престарелыми по возрасту, что их мясо не брал ни нож, ни зубы! Николай Дементьев сказал нашему врачу, ведавшему питанием:

— Доктор! Спросите переводчика: из чего делают здесь цыплят?

Жизнь в гостинице стала интереснее с первых же минут после установки в нашем номере радиоприемника. Слушали бой часов Кремлевской башни, «Последние известия», знакомые голоса московских дикторов. Как радует голос Москвы! Как хочется в такую минуту на Родину!

* * *

День последнего матча в Норвегии. Против нас выступает сильнейшая команда Тронхейма — «Квик», лидер розыгрыша первенства Норвегии в своей группе.

Несколько слов о системе розыгрыша. Вся Норвегия разделена на территориальные зоны. Победители зонных первенств встречаются между собой в финальной пульке.

Спартаковцы уже обыграли лидеров двух зон, сегодня предстояла встреча еще с одним лидером. Правда, наши противники несколько усилили свой состав, но спартаковцы были настроены воинственно. Только опять шел дождь. В такую погоду не покажешь отшлифованной техники.

Тренер команды А. Х. Дангулов, внешне спокойный, стоит в своем номере и пытается бриться. Он проклинает здешнюю воду, в которой, по его мнению, не растворяется мыло. Однако вода тут была не при чем: просто Абрам Христофорович намазал лицо зубной пастой. Это результат волнения за своих воспитанников.

Небольшой стадион «Леркендаль» заполнен зрителями. Всюду зонтики, блестящие от воды дождевики. Зрители поеживаются и пританцовывают на месте.

Команду «Спартака» встречают аплодисментами, цветами. Я проклинаю погоду и сажусь на свое место в ложе прессы. Небольшой кусок брезента спасает микрофон от воды.

Спартаковцы в этом матче разыгрались. Отличные комбинации нападающих заставляли даже сдержанных норвежцев вынимать руки из карманов и аплодировать. Самоотверженно играет вратарь «Квика» Пер Кнудсен. Но что с может сделать, когда «Спартак» нападает не только быстрой пятеркой, но и активными полузащитниками! Защита во главе с великолепно игравшим В. Соколовым тоже не дремлет. Особенно рвется в бой Ю. Седов — постоянный резерв на левом краю. Игорь Нетто не хочет уходить с поля без того, чтобы не забить гола. Экий у него характер! Кстати, нашу полузащиту мы называли «братья-славяне», так как одного из ее состава зовут Игорем, а другого Олегом.

Матч выигран с большим счетом — 7 : 0. Опять в печати прекрасные отзывы. Буржуазные газеты не могут найти даже какой-либо отрицательной черточки у спартаковцев, чтобы придраться к нам.

Назавтра уезжаем.

И вот она, Москва! Родные улицы, площади, знакомые лица! Мы дома!

* * *

Спустя два дня спартаковцы вышли на московский стадион «Динамо», залитый электрическим светом. Зрители тепло их приветствовали. На сей раз они начинали борьбу за «Кубок СССР». И уже через 5 минут стадион разразился шумными аплодисментами. Это Н. Дементьев красивым ударом издалека послал мяч в сетку ворот кишиневского «Буревестника». Соревнование легко выиграли москвичи со счетом — 7 : 0.

Далее на пути «Спартака» встала опытная, сильная ленинградская команда общества «Зенит». Но и этот матч принес победу москвичам (3 : 1).

В полуфинале «Спартак» встретился с чемпионом СССР — командой Центрального Дома Красной Армии. Борьба была напряженной и красивой. Исход ее решился во второй половине матча, когда нападающие «Спартака» быстрой и мелкой передачей мяча измотали защиту армейских футболистов. Все чаще и чаще они атаковали ворота ЦДКА и в конечном итоге вбили 4 мяча, не пропустив в свои ворота ни одного.

Так спартаковцы в шестой раз вышли в финал розыгрыша «Кубка СССР».

Центру нападения «Спартака» Н. Симоняну в дни пребывания команды в Ларвике исполнилось 24 года. Команда поздравила своего товарища. На снимке: дежурный по коллективу А. Парамонов преподносит торт Н. Симоняну.

Неблагодарная ТЕХНИКА

Бор. ЕГОРОВ и Ян ПОЛИЩУК

Рисунки Г. Валька

В перекидном настольном календаре главного инженера комбината Ростислава Петровича Утюгова ниже даты рождения Николая Коперника синим по белому написано: «В 9.30 устроить прием. Начало смотра рацпредложений». Точно в означенное время Утюгов скомандовал секретарше:

— Сегодня впускать всех...

И прием начался.

Первым в кабинет вошел вихрастый юноша в синей спецовке и неизносимых горнолыжных ботинках.

— На что жалуетесь? — тоном хирурга спросил Утюгов.

— На вас жалуюсь! — жестко сказал юноша. — Замариновали мои коллекторные щетки.

— Щетки? — переспросил Ростислав Петрович. — Изучаем, голубчик, изучаем. Ведь и Москва не сразу...

— Но ведь сейчас смотр...

— А мы смотрим, присматриваемся. Как видите, поработали с вашим предложением.

И впрямь, работа была налицо. Маленький квадрат ватмана, извлеченный из дерматиновой папки, был густо облеплен сопроводительными записками. По ним можно было ясно представить, по какому извилистому пути пробиралось предложение юноши в синей спецовке.

«Не запросить ли министерство?» — советовался главный инженер с технологическим отделом.

«Решим сами. Дело ясное», — следовал ответ.

«Что скажет товарищ Марья Алексеевна?» — крупно выведено почерком главного инженера. «Скажет: да», — с мужской прямолинейностью отвечала Марья Алексеевна. «Выгодно ли будет в аспекте наценок?» — беспокоился главный инженер. «Выгодно, выгодно», — отвечал неведомый консультант, подписавшийся иероглифом. Но внушительнее всех выглядели сопроводиловки, на которых стояли тучные знаки вопроса.

— Ну вот. А вы жалуетесь... Идите, дружок, и будьте спокойны. Остановка только за последним словом.

Вихрастый юноша, так и не разобравшись, за чьим последним словом остановка, ушел, унося на веснушчатом лице выражение недоумения.

Два последующих часа Ростислав Петрович самоотверженно отдал изобретателям. С обольстительной улыбкой он встречал каждого посетителя у дверей, широким жестом приглашал в кресло, ободряюще хлопал по плечу и умело подрезал каждую жалобу на корню:

— Сами знаете, мы за... Рассмотрим, проверним. Будьте спокойны. Двигать, так сказать, технику вперед — наше святое дело.

Святому делу Утюгов отдавал три четверти своей души. Почти все в его кабинете и на квартире носило следы века электричества. Эбонитовый щиток на тумбочке у стола напоминал диспетчерский пульт крупного железнодорожного узла. Весело поблескивали под светом уникальной настольной лампы пуговки сигналов, похожие на басовый аккорд баяна. По звонку № 1 должен приходить заместитель. Электромолнии, вызываемые к жизни звонком № 2, поднимали со стула главного механика. А стоило лишь приложить палец к кнопке № 7, как на пороге вырастала разносившая аромат бензина фигура в кожаном пальто и в мушкетерских крагах:

— Заводить?..

Но наибольшую изобретательность проявил Ростислав Петрович при установлении непосредственного контакта между ним и общим залом технологического отдела. Сложная серия световых сигналов заставляла обитателей общего зала отбрасывать в сторону рейсшины и вдумчиво подсчитывать призывные мигания лампочки.

— Шесть раз! — хором произносили абоненты. — Мария Карловна, вам!..

Ну кто мог упрекнуть Утюгова в отсутствии пламенной любви к технике?

— Весь день, как за язык повешенный, — молвил Ростислав Петрович, взглянув на беспокойную стрелку электрочасов. — А ведь еще по радио выступать.

Утюгову даже взгрустнулось:

— Сколько дел, сколько забот! Да побриться, верно, надо.

Ростислав Петрович посмотрел в зеркало на спинке дивана. Равнодушное к лести стекло отобразило крупную голову, покрытую серебристым ежиком, густые кисточки бровей и выразительный нос, не носивший следов никаких пороков. Утюгов нежно провел рукой по щекам и, приняв окончательное решение побриться, нажал кнопку № 7.

...Главный инженер вернулся через три часа. Сквозь шторы в кабинет заглядывали сумерки. Едва он вступил в приемную, как на него ополчилась высокая девушка в строгом жакете — редактор местного радиовещания:

— Что вы с нами делаете, товарищ Утюгов? Сорок минут до передачи. А вы...

— Уже, уже, уже, — виновато сказал Утюгов и, сопровождаемый редактором и латунно-рыжим техником радиоузла, величаво прошел к столу.

— Мы решили воспользоваться удобствами, какие нам дает магнитофон, — с улыбкой сказала девушка, — и записать вашу речь прямо здесь, в кабинете, без отрыва от производства.

— О да! — с уважением посмотрел Ростислав Петрович на микрофон и резиновый шланг, ведущий в приемную, где стоял звукозаписывающий аппарат. — Техника — великая вещь!

Пока радист в соседней комнате суетливо заканчивал последние приготовления, главный инженер вместе с редактором готовили текст выступления. Наконец все было кончено. Девушка пробежала карандашом по страничкам и вышла в приемную отдать распоряжение технику. Утюгов облегченно вздохнул. Воспользовавшись паузой, в кабинет ворвался начальник бюро изобретательства Пресняк:

— Я на минутку, по срочному...

Из кабинета доносились возбужденные голоса.

— Должно быть, распекает, — вздохнула секретарша.

— Должно быть, — откликнулась редактор и затеребила техника: — Готово? Ну, что же вы медлите?

— Порядок! — веско сказал техник. — Сейчас только запишу на пробу. — И он включил микрофон, стоявший на столе Утюгова. С легким свистом завертелся диск магнитофона, обматываясь тонким слоем ленты...

Через пять минут началась запись программного выступления главного инженера. Утюгов с подъемом продекламировал в микрофон две странички, исписанные аккуратным почерком. На ленту ложились слова, призывающие широко и смело внедрять... повседневно изобретать... настойчиво добиваться... Утюгов обещал заводским энтузиастам обеспечить поддержку... окружить вниманием... каждодневно способствовать.

Речь заканчивалась энергичным призывом поднять производство всех видов продукции на высоту, предусмотренную министерским планом.

— Ну, вот и славно, — прощался Ростислав Петрович с радиоредакцией. — Когда же транслируете?

— В семь пятнадцать, — ответила девушка, помогая технику свертывать змеевидный шланг.

...Семь пятнадцать. В этот привычный для каждого труженика комбината час в цехах и в квартирах разносилась четкая речь местного диктора. Умирая от ожидания, Утюгов повернул выключатель.

— Начинаем передачу, посвященную смотру рабочих предложений, — раздался из черной тарелки знакомый голос. — Выступает главный инженер товарищ Утюгов.

Ростислав Петрович довольно улыбнулся и поудобнее расположился в мягком кресле.

«Техника делает чудеса, — размышлял он, ласково глядя на радиопроводку. — Только полчаса назад записывали, а теперь — пожалуйста...»

Но уже через минуту Ростислав Петрович подпрыгнул в кресле, а кисточки его бровей угрожающе сблизились. В тиши кабинета гулко разносились слова:

— Ростислав Петрович! Мыслимо ли так поступать? Это же, извините, волокита. Зажали такое ценное предложение.

— Без горячности, Пресняк, без горячности. Знаю ваш молодой пыл. Мало ли что кто изобретает. Тут обмозговать надо, взвесить, раскинуть умом...

— К чему раскидываться? — слышался грубоватый голос начальника БРИЗ. — Все ясно. Уж, кажется, сто виз собрали!..

— Знаем, знаем вас! Внедришь вот так, а потом хлопот не оберешься. Мы же инженеры, а не альпинисты. Нам рисковать противопоказано. У меня план горит, а тут еще смотр... Ну, куда вы спешите, почтеннейший? Осторожно надо подходить, осторожно.

Затем после легкого треска в эфире зажурчал плавный монолог Утюгова, призывающий широко и смело внедрять, повседневно изобретать, настойчиво добиваться, окружить вниманием, каждодневно способствовать...

Утюгов не выдержал и, как уссурийский тигр, бросился к трубке:

— Радиоузел? Что... что вы наделали?! — задыхаясь, прорычал Ростислав Петрович.

— Простите, — раздался дрожащий голос техника, — ваша речь и эта проба на одной пленке, рядом. А я..., а я не с того места пустил. Спешили...

«Ах, чорт, как душно в кабинете!»

Утюгов распахнул окно. Во дворе у мощного динамика стояла группа рабочих. Они о чем-то оживленно говорили и показывали пальцами на окно кабинета главного инженера. Среди них выделялась фигура вихрастого юноши в синем комбинезоне и горнолыжных башмаках.

Так техника отомстила Ростиславу Петровичу.

Почему мы так говорим

ГОРОД, ЖЕРДЬ, ТЫН

Старое понятие о городе не совпадает с нашим. Сейчас это — крупное поселение, административный и промышленный центр. А раньше единственным признаком города были укрепления. Недаром слову «город» придавали и значение «защита»: «Вы есте наш город» (то есть защита),—говорится в Ипатьевской летописи.

На Руси города строили с древнейших времен. Скандинавские источники называли Русь «Гардарики» — страной городов. Задолго до наших летописцев баварский географ IX века писал о сотнях славянских городов. В русских летописях упоминаются более двух десятков городов IX—X столетий.

Первоначальный смысл «города», повидимому, был связан со словом «гора». Укрепления делались на возвышенностях; основой града, города, была земляная гора, насыпь, защитный вал. Города обносили рядами врытых бревен. Так как города в древности были деревянными, то о возведении крепости говорили «рубить город».

Как мы сказали, простейшей крепостью были стойма водруженные бревна, жерди, тын. «Жердь» связано с «град». Вспомним, что и в других словах «г» переходит в «ж»: горло — жерло.

Интересно проследить за «родственниками» (и заимствованиями) этих слов в других языках.

«Град» — общее слово для всех славянских языков.

Сходно с «городом» звучит латинское слово «гортус» — сад. О том, что в основу латинского «гортус» легло понятие огороженного места, говорит другое латинское слово: «когорс», «когорта»,— воинское соединение, часть легиона. Раньше «когорс» означало «загороженное место», «загон». От «гортус» произошли слова, значащие «сад» во многих западноевропейских языках (и у нас некогда огородом именовали и сад).

Названия многих немецких городов кончаются на «гарт» (Штуттгарт). В бывших славянских землях встречаются названия с онемеченным славянским «град».

«Й учиниша город себе с кольем и бишаса с него три дни». (Древнерусская миниатюра.)

Наше «тын» прежде — укрепления города, а теперь просто род ограды (да и у «ограды», «преграды» основа «град»). Тын имеет соответствие в немецком «цаун» (в том же значении). А в старосеверонемецком «цаун» звучало почти по-русски: «тун».

От этого слова образовалось английское «таун» — город. В кельтском языке то же значение, что и «тын», имело сходно звучащее «дунос».

В названиях местностей по всей Европе сохранились видоизменения слов, родственных нашему «тын» (даун, дон и т. д.): Верден, Лондон и не одна сотня других.

Как видим, все слова, родственные «граду» и «тыну», и в других языках так или иначе связаны с понятием «укрепленный город».

ШИРОТА, ДОЛГОТА

Величайшим греческим астрономом был Гиппарх. Двадцать одно столетие назад он составил каталог 1080 звезд с подразделением на величины, разработал таблицы движения Солнца и Луны, открыл прецессию (перемещение точки весеннего равноденствия) и т. д.

Гиппарх был и основателем математической географии. Он впервые предложил, прежде чем наносить на карты географические точки, точно определить астрономически их местоположение. Для этого он ввел на картах линии, соответствующие градусам земного шара.

Почему же линии от востока к западу он назвал долготой, а от экватора к северу широтой?

Это станет понятным, если мы взглянем на карту известных в то время земель. Исследованная суша во времена Гиппарха простиралась главным образом с востока на запад, а северная и южная области были еще незнакомы. Поэтому долгую, длинную часть он и назвал долготой, а узкая получила название широты.

И. УРАЗОВ

Мыши на самолете

П. И. Будович в журнале «Природа» (№ 6 за 1950 год) рассказывает интересный случай. Однажды в самолет на стоянке пробралось несколько мышей. Они ничем не выдавали своего присутствия до тех пор, пока самолет, поднявшись, не набрал высоты.

Когда дышать стало труднее, бесплатные «пассажиры» показались из своих тайников, проявляя явное беспокойство. Две—три мыши выбрались даже на наружную обшивку самолета, откуда были сметены потоком воздуха. Одна мышь забежала в кабину летчика.

Поднимаясь все выше, летчик надел кислородную маску. Мышь вскарабкалась тогда по комбинезону, добралась до подбородка пилота и уткнулась в край кислородной маски, откуда, повидимому, просачивался живительный кислород.

Летчик трогал мышь рукой, пересаживал ее с места на место, но она не делала никаких попыток бежать. Лишь когда самолет начал снижаться, мышь оживилась, стала осматриваться, а затем спустилась по комбинезону и скрылась, предпочитая продолжать свое путешествие в более укромном месте.

Грибы и деревья

Грибы состоят из ветвящихся, очень тонких нитей, образующих в совокупности грибницу. То, что в общежитии называют грибами, на самом деле является лишь плодовыми телами. Они построены из таких же нитей, только более плотно переплетающихся.

Не случайно многие грибы растут под деревьями. Некоторые из этих грибов даже называются по месту своего произрастания: подосиновик, подберезовик, боровик; их грибница вступает в активное сожительство с корнями деревьев, окутывая корни и образуя на них так называемую микоризу, которая способствует поглощению корнями питательных веществ из почвы.

Лишенные микоризы, деревья чахнут, поэтому при степном лесоразведении приходилось вносить в посадочную лунку лесную землю с микоризной грибницей, а это требовало перевозки многих тысяч тонн земли.

Попытки искусственного выращивания микоризных грибов обычно терпели неудачу, так как лесная почва и древесные корни столь же необходимы для развития грибов, как и грибы для древесных корней.

Но недавно эта трудная задача была решена нашими микробиологами Я. П. Худяковым и Ю. М. Возняковской в московском отделении Государственного института сельскохозяйственной микробиологии.

Путем многих опытов и проб они создали синтетическую питательную среду, на которой в лабораторных условиях было выращено семь видов микоризных грибов для дуба и сосны. Разработаны также способы изготовления и хранения препаратов этих культур в бутылочках и ампулах.

Маленькая ампула заменяет целую тонну лесной земли с микоризной грибницей. Таким образом, вовсе отпадают копка, погрузка и разгрузка этой земли, а транспортировка сокращается в тысячи раз. Понятно, какой огромный материальный эффект даст это открытие.

Сейчас изготовленные препараты испытываются в шести пунктах Сталинградской и Саратовской областей.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Девятый вал воспет поэтами, художниками и романистами, но девятого вала, как постоянно самого большого среди бушующих волн, в действительности не существует. В этом можно убедиться, отсчитывая с борта судна или с берега количество промежуточных волн между двумя самыми большими.

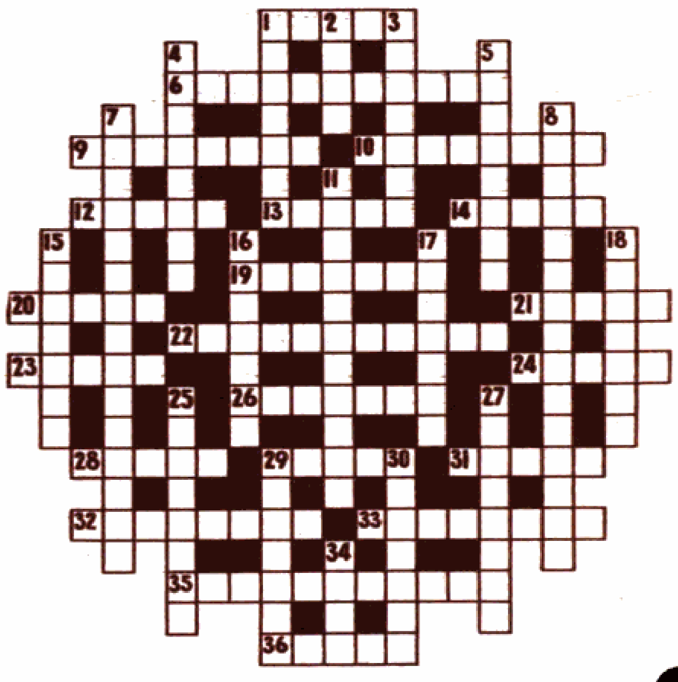
Академик В. В. Шулейкин в «Очерках по физике моря» показал, что самой большой волной может быть и четвертая, и седьмая, и десятая, и двенадцатая. Никакой закономерности в ее образовании нет. Размеры катящихся валов изменяются с переменой ветра, когда на уже установившиеся волны накладываются волны новой формы и новых размеров.

Откуда же взялось это название — «девятый вал»?

Оно идет из глубокой древности, от мифологического представления о девяти, как о священном числе.

М. Б.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Город на Украине. 6. Устройство для беспрерывного перемещения грузов. 9. Мужество, отличное качество. 10. Совокупность человеческих достижений. 12. Река на Урале. 13. Испытание, проверка. 14. Знатный каменщик. 19. Наклонный брус, стойка. 20. Единица измерения силы электрического тока. 21. Вертикальная горная выработка. 22. Действие, направленное к осуществлению цели. 23. Обрамленная поверхность стены, покрытая живописью или лепкой. 24. Знатный комбайнер. 26. Подмосковная дачная местность с историческим дворцом-музеем. 28. Полоса по краю чего-нибудь. 29. Набор типографских литер. 31. Часть целого. 32. Газ. 33. Теплая погода зимой. 35. Орудие для обработки почвы. 36. Дерево.

По вертикали:

1. Наборная машина. 2. Ночная птица. 3. Центр угольного бассейна в Заполярье. 4. Рабочий металлургической промышленности. 5. Мерило. 7. Товарищеское состязание в труде. 8. Реформатор, новатор. 11. Структура, взаимное расположение частей. 15. Сложная машина. 16. «Красная строка». 17. Однородная жидкая смесь. 18. Человек, преданный отчизне. 25. Полный набор. 27. Узловой пункт воздушных линий. 29. Горизонтальная горная выработка. 30. Продукция полиграфической промышленности. 34. Хлопчатобумажная ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

3. Скерцо. 5. Яблоко. 8. Домино. 9. Абрикос. 10. Ректор. 12. Верба. 13. Пласт. 14. Лимонад. 15. Вольера. 17. Обертон. 21. Тост. 22. Строительство. 26. Рост. 27. Патруль. 28. Местком. 29. Адресат. 30. Цвет. 31. Трансформатор. 36. Трак. 37. Форпост. 39. Свобода. 42. Писарев. 43. Конус. 44. Сдвиг. 45. Журнал. 46. Министр. 47. Епанча. 48. Закром. 49. Калина.

По вертикали:

1. Севооборот. 2. Добролюбов. 3. Свирель. 4. Орбелиани. 5. Ярославль. 6. Оркестр. 7. Гидроэлектростанция. 8. Дуров. 11. Рубин. 16. Литератор. 18. Торжество. 19. Ступица. 20. Статика. 22. Салют. 23. Обмен. 24. Семга. 25. Ордер. 32. Республика. 33. Социализм. 34. Математик. 35. Обводнение. 37. Фураж. 38. Прогноз. 40. Бригада. 41. Арена.

«ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО»

США возрождают западногерманский и японский милитаризм.

(Из газет)

Питательная среда. Рисунок Влад. Гальба

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова

А — 07173. Подписано к печати 9/XI 1950 г. Изд. № 680. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2817. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ГОССТРАХ СССР

принимает
на добровольное
страхование

ДОМАШНЕЕ ИМУЩЕСТВО:

обстановку, одежду,
обувь, пишущие и
швейные машины,
музыкальные
инструменты,
книги, ноты, картины,
велосипеды
и др.

ГОССТРАХ

ВОЗМЕЩАЕТ УБЫТКИ,

ПРОИСШЕДШИЕ ОТ ПОЖАРА,
НАВОДНЕНИЯ, ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ
И ДРУГИХ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ.

Заключайте и своевременно возобновляйте договоры страхования домашнего имущества!

ОБРАЩАЙТЕСЬ В ИНСПЕКЦИИ
ИЛИ К АГЕНТАМ ГОССТРАХА

Главное управление государственного страхования СССР

Цена 3 руб.